

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Философия и социология;
культурология

Научный журнал

№ 4(4)

Киров
2012

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор (зам. главного редактора);
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
Н. О. Осипова,
доктор филологических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
З. Х. Саралиева,
доктор исторических наук, профессор;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
В. Ф. Юлов,
доктор философских наук, профессор;
Н. Н. Ярыгин,
доктор философских наук, доцент

Ответственные за выпуск:
Е. В. Митягина,
кандидат социологических наук;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор: О. Коробкова
Компьютерная верстка: А. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Тимшин В. А. Философствование как творческий акт, или Шанс на оправдание философии6

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Егорычев И. Э. Интуиция и вероятность 11
Тимшин В. А. Творчество – познание – свобода в философии Гете 14

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Желанова К. В. Глобализация как предпосылка формирования региональной идентичности 20
Караванов Н. А., Окулов С. М. Человек в современном информационном пространстве 24
Котова С. А. Изменение ценностного отношения человека к действительности в информационном обществе 27
Лонин А. В. Элитистские теории Запада в идеологии индивидуалистического общества 30
Максимов С. В. Военный прогресс и его внерациональные проявления 34
Соловьев Е. В. Язык как основной показатель «этнического поведения» в модернизированном обществе 37
Шангин Н. В. Трансформации религии и адаптация к глобализации 41
Тян В. В. Динамика власти и процесс социальной мобильности в современной цивилизационной парадигме: новые моменты 45
Яшин А. В. Феномен идентичности и его современная эволюция 50

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Зиновьева Л. Е. Костюм и тело. Габитус, репрезентация и идентичность в философско-антропологическом ракурсе 54
Родионова О. И. Антропологическая концепция А. П. Чехова: попытка реконструкции 57

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Квасков В. Н. Место «истории философии» в творчестве Вл. Татаркевича 62
Невоструева А. Ф. Генезис информационно-коммуникационного пространства России 65

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Антипов К. А. Местное самоуправление и некоммерческие организации: состояние отношений и проблемы взаимодействия 69
Буханцев А. Б. Формирование мотивов прохождения военной службы у курсантов высших военно-учебных заведений 73
Куликова Ю. П. Высшее образование как элемент национальной инновационной стратегии (на примере Республики Финляндия) 79
Устинова О. В. Повышение рождаемости в контексте проблемы управления процессами воспроизводства населения на региональном уровне 81
Павельев Н. А. О факторах, влияющих на устойчивость развития региона 86
Мальцев В. А., Тихонина С. А. Управление знаниями как фактор инновационного развития социального института государственной и муниципальной службы 91

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Габдуллина Э. Н.</i> Профессиональные ценности и ориентации молодежи в системе непрерывного образования (на материалах социологических исследований энергетической отрасли Республики Татарстан)	95
<i>Емельянов В. А.</i> Девиация молодежи как следствие «шоковых реформ» середины 90-х гг.	99
<i>Махиянова А. В.</i> Интернациональный кризис в процессе социализации (территориальная специфика и гендерные различия)	102
<i>Осипова Л. Б., Энверли А. А.</i> Жизненные стратегии современной молодежи	106
<i>Бушкова-Шиклина Э. В.</i> Направления профессионального развития персонала в организациях Кировской области	109
<i>Пименова О. И.</i> Доминантные смыслы глянцевого журнального дискурса	113
<i>Ростовский Р. В.</i> Состояние репродуктивного потенциала молодежи	122
<i>Пономаренко С. Н.</i> Прогнозы возрастной структуры населения и численности молодежи в России	125

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Десяткова О. В.</i> Геополитический образ российской провинции в произведениях вятских ссыльных	132
<i>Пахомова Я. И.</i> Мистическое своеобразие художественного мира Н. В. Гоголя в интерпретации пермского театра «У Моста»	136
<i>Потязов А. В.</i> Современные школьные музеи: пространство инноваций и творческих инициатив	141
<i>Мехоношин В. Ю.</i> Генезис киноавангарда XX в.	143
<i>Ростовская Н. А.</i> Культурные доминанты как основа формирования института молодой семьи в российском обществе	148

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	155
----------------------------------	-----

CONTENTS

- Timsbin V. A.* Philosophizing as a Creative Act, or a Chance for Justification of Philosophy
Egorychev I. E. Intuition and Probability
Timsbin V. A. Creativity – Knowledge – Freedom in Goethe’s Philosophy
Zhelanova K. V. Globalization as a Precondition of Formation of Regional Identity
Karavaev N. L., Okulov S. M. Man in Modern Information Space
Kotova S. A. Changes of Man’s Value Attitude to Reality in the Information Society
Lonin A. V. The Elitist Theories of the West in the Ideology of the Individualistic Society
Maksimov S. V. The Military Progress and its Non-Rational Manifestations
Soloviev E. V. Language as the Main Indicator of “Ethnic Behaviour” in the Modernized Society
Shangin N. V. Transformations of Religion and Adaptation to Globalization
Tyan V. V. The Dynamics of Power and the Process of Social Mobility in Modern Civilization Paradigm:
New Aspects
Iasbin A. V. The Phenomenon of Identity and its Modern Evolution
Zinovieva L. E. Costume and Body. Habitus, Representation and Identity in the Perspective of
Philosophical Anthropology
Rodionova O. I. A. P. Chekhov’s anthropological conception: an attempt of reconstruction
Kvaskov V. N. The Place of the “History of Philosophy” in W. Tatarkiewicz’s Oeuvre
Nevostrueva A. F. Genesis of Russian Info-Communication Space
Antip’ev K. A. Local Self-Government and Non-Profit Organizations: Their Current State and the
Problems of Interaction
Bukbantsev A. B. Formation of Military Colleges Cadets’ Motivation for Military Service
Kulikova Yu. P. Higher Education as an Element of National Innovation Strategy (on the example of
the Republic of Finland)
Ustinova O. V. Birth Rate Growth in the Context of Managing the Process of Population Reproduction
on the Regional Level
Pavelyev N. A. On the Factors Influencing Development Stability of the Region
Maltsev V. A., Tikhonina S. A. Knowledge Management as a Factor of the Development of Innovative
Social Institutions of State and Municipal Services
Gabdullina E. N. Professional Values and Orientations of Young People in the System of Continuing
Education (based on a sociological research of the energy sector of the Republic of Tatarstan)
Emelyanov V. A. Deviation of Youth as a Consequence of “Shock Reforms” of the Mid-1990s
Makhianova A. V. Crisis in the Internalization Process of Socialization (territorial specificity and
gender differences)
Osipova L. B., Enveri L. A. Life Strategies of Modern Youth
Bushkova-Shiklina E. V. Areas of Personnel’s Professional Development in the Organizations of Kirov
region
Pimenova O. I. Dominant Meanings of the Glossy Magazine Discourse
Rostovskiy R. V. The reproductive potential of the youth
Ponomarenko S. N. Projections of population age structure and the number of young people in Russia
Desyat’kova O. V. The Geopoetic Image of Russian Province in the Works of Vyatka Exiles
Pakhomova Ya. I. Mysticism of N. V. Gogol’s Artistic World as Interpreted by “U Mosta” Theater,
Perm
Potyagov A. V. Modern School Museums: Space of Innovations and Creative Initiatives
Mekhonoshin V. Yu. The Genesis of the XX Century Avant-Garde Cinema
Rostovskaya N. A. Cultural dominance as basis of formation of young family in Russian society

**ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ
КАК ТВОРЧЕСКИЙ АКТ, ИЛИ ШАНС
НА ОПРАВДАНИЕ ФИЛОСОФИИ**

По мнению Н. А. Бердяева, положение философа и философии в целом трагично. Его (ее) почти никогда не любят. «Философию и философов не любят люди религии, теологи, иерархи церкви и простые верующие, не любят ученые и представители разных специальностей, не любят политики и социальные деятели, люди государственной власти, консерваторы и революционеры, не любят инженеры и техники, не любят артисты, не любят простые люди, обыватели» [1]. Мыслитель считает, что философии не могут простить ее ненужности, неоправданности, существующей лишь для немногих, пустоту игры мысли. Парадоксально, но при этом каждый человек, решая метафизические вопросы, сам в каком-то смысле является философом, порой и не осознавая этого.

Еще более удивительной выглядит ситуация, когда критически подходят к философии сами философы. Так, Ницше, обвиняя университетскую философию (философов) в угодничестве, в преподавании лишь словесной критики слов, говорит, что такая философия вредна тем, что делает ее смехотворной.

Гуссерль в своем обосновании «Философии как строгой науки» видит несовершенство существующей философии в отсутствии какой-либо системы, в спорности отдельных и вместе взятых положений, в необоснованности позиции и субъективности мнения по определенным вопросам, в неспособности «учить объективно значимым образом». Гуссерль ссылается на Канта, который любил повторять, что нельзя называть философом того, кто не может философствовать.

С последним перекликается высказывание известного философа А. М. Пятигорского. В одном из своих выступлений он замечает: «Я люблю не философию, а философствование» [2].

Остановимся на этом и попытаемся прояснить, что привлекает философов в философствовании и в меньшей мере в философии?

В предисловии ко второму изданию совместной с М. К. Мамардашвили работе «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке» А. М. Пятигорский сам же и отвечает на этот вопрос. «Философия, в отличие от философствования, может быть мыслима в ее безличных или даже безымянных результатах, могущих в виде идей, понятий и формулировок найти себе место в других контекстах (как исторически, так и синхронно)... В этом смысле можно сказать, что “философия” всегда принадлежит “истории”, а “философствование” – контексту» [3].

Таким образом, если философию понимать как свод идей, концепций, теорий, обобщений в большей степени статичных, то философствование представляет собой динамичный процесс порождения новой, собственной мысли в зависимости от ситуации, контекста. Это очень напоминает творческий процесс, когда философствующий вдруг усматривает, интуитивно схватывает что-то, познает.

При ближайшем рассмотрении философствование можно представить как серию актов. Первоначально это вхождение в мыслительно-творческий процесс, вопрошание, подготовка к тому моменту «вдруг», когда, как говорит Мамардашвили, «повезет» помыслить. Не случайно Пятигорский в начале своих лекций-бесед предлагает слушателям прерывать его рассуждения, задавать вопросы (пусть даже и наивные), сомневаться. Опыт подсказывает, что это будит мысль, стимулирует познавательную активность, позволяет по-другому взглянуть на проблему. Еще Гете говорил, что то, что противоборствует нам, может дать основу для рождения нового. При обсуждении спорных вопросов, открытом реагировании на критику оппонентов намного быстрее выявляются проблемные моменты.

Такой эффект известен не только в философском познании. Подобный подход в науке также стимулирует творческий поиск. Известный оте-

чественный физик П. А. Капица, давая рекомендации своим выпускникам – молодым ученым, призывает их читать лекции для студентов, причем рекомендует это делать и опытным профессорам. Он объясняет это значимостью и важностью, в первую очередь, для самих ученых. «Хороший ученый, когда преподает, всегда учится сам. Во-первых, он проверяет свои знания, потому что, только ясно объяснив другому человеку, можешь быть уверен, что сам понимаешь вопрос. Во-вторых, когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи. В-третьих, те, часто нелепые, вопросы, которые задают студенты после лекций, исключительно стимулируют мысль и заставляют с совершенно новой точки зрения взглянуть на то явление, к которому подходим всегда стандартно, и это тоже помогает творчески мыслить» [4].

П. А. Капица приводит примеры из истории науки. Так, Менделеев открыл периодическую систему, пытаясь найти способ более легкого запоминания студентами свойств химических элементов. Лобачевский предложил неевклидову геометрию, не найдя подходящего объяснения учащимся очевидной аксиомы о непересекаемости параллельных прямых. Шредингер нашел свои уравнения, описывающие эквивалентность волнового и корпускулярного движения электрона, пытаясь объяснить группе аспирантов идеи де Бройля в наиболее полной и точной математической форме. Это он делал по просьбе профессора Дебая.

Удивительно, но до тех пор, пока нас не просят что-либо объяснить, пояснить, мы вполне уверены, что это знаем, но когда попросят, то все больше убеждаемся в том, что не знаем. Такую ситуацию по отношению к философии хорошо описал М. Мамардашвили: «Пока нас не спрашивают, мы знаем, что такое философия. И узнаем ее, когда она перед нами. Но стоит только спросить, а что это такое и какими критериями мы пользовались, узнавая ее, как наверняка мы уже не знаем» [5].

Сходные ситуации можно наблюдать уже в диалогах Сократа. Его собеседники также уве-

ренно заявляют о своей позиции по тому или иному вопросу. Но стоит только Сократу попросить чуть дальше продвинуться в понимании затронутой темы, то тут возникают проблемы. И оказывается, что не знают ответа на вопросы не только собеседники, но, как утверждает Сократ, и он сам. Это становится стимулом к тому, чтобы войти в особое состояние и включить мыслительный процесс. Что и делает Сократ, используя свой майевтический метод и привлекая к нему своих партнеров по общению. В этот момент осуществляется творческий познавательный акт. А в качестве поводыря, руки, которая ведет, здесь выступает интуиция. Мамардашвили говорит, что для того, чтобы войти в живой, а затем и в отвлеченный смысл философствования, можно и нужно опираться именно на интуицию. И делать это путем ее «обнажения, экспликации, рационального высветления» [6].

Однако самый важный акт в философствовании – акт рождения мысли – происходит спонтанно, «если повезет». При этом спонтанность нужно отличать от случайности. Случайность импульсивна, обуславливается стечением обстоятельств, описывается в вероятностных категориях. Напротив, спонтанность обеспечивается своей неявной закономерностью, состоянием самого человека, его установкой, описывается в причинно-следственных категориях [7]. В ситуации спонтанности сознание переходит в особое состояние. Академик В. И. Самохвалова характеризует его «богатством и многогранностью проявлений, наличием особого, “живого” нерва, которым человек как бы непосредственно связан с миром и ощущает в себе его бытие, его напряженность, его полноту. Это как бы состояние трансценденции в некое надличное пространство трансперсонального сознания, или сверхсознания, и пребывания в этом состоянии» [8]. В этот момент, по мнению В. В. Налимова, происходит распаковывание того, что раньше не проявлялось в явном виде.

М. Мамардашвили такой момент в философствовании называет паузой, остановкой [9]. Действительно, сознание философа покидает свое

обычное состояние и переходит в другое, творческое, когда его внимание концентрируется на внутреннем сцеплении мыслей. Они предстают перед ним во всем своем многообразии и в то же время неповторимости. Выстраивающиеся связи самым причудливым образом переплетаются, развиваются, пронизывают пространство и время, а порой ударяются в непроницаемую преграду.

Все это предполагает автономность мышления, которое, по мнению А. М. Пятигорского, должно быть свободно не только от другого, но и от собственного мышления, «от того, к чему ты ближе, что ты любишь и что тебе приятно» [10]. Такое освобождение предполагает не просто волевое усилие человека, но и эмоциональное желание, страстность. В такие моменты происходит отключение критических установок. Человек полностью захвачен своим творческим познавательным восхождением. Поэты, художники, музыканты описывают это состояние более образно. Так, например, поэт-символист К. Эрберг говорит о полете [11]. В. И. Самохвалова оценивает такое состояние как состояние эпифании, когда весь мир предстает ясно и отчетливо, без теней и искажений. В таком состоянии просветления открывающиеся человеку истины позволяют ему приблизиться к полному знанию, всесторонне познавать.

Этот момент можно охарактеризовать как озарение, инсайт. На языке феноменологии такое состояние характеризуется как усмотрение сущности (идеация). Примечательно, что помысленная при этом мысль необязательно может быть новой. Вполне возможно, что ее уже кто-то помыслил ранее, но мы этого не знали. На это обращают внимание многие философы. Актуально звучат слова Гете, который замечал, что в ситуации открытия чего-либо нового глупо чваниться первенством.

Философствовать – значит размышлять. А. М. Пятигорский подчеркивает, что такое размышление-философствование возможно только тогда, когда оно откровенно: «Одна из черт философствования, если оно реальное философствование, а не заказное и не приказное, – это пол-

ная откровенность. Если философствующий не откровенен, то он не философствующий, а валяющий дурака или зарабатывающий деньги, что то же самое» [12]. Об этом же говорит Шопенгауэр: «Философ должен быть очень честным, чтобы не пользоваться никакими поэтическими или риторическими вспомогательными средствами» [13], и Ницше: «...быть обманутым не хочет никто, и тем более философ, который ставит себе в закон правило: не обманывай никого, и даже самого себя!» [14] У Мамардашвили мы встречаем: «Не представляю себе философию без рыцарей чести и человеческого достоинства. Все остальное – слова. Люди должны узнавать себя в мысли философов. Я сказал – “рыцари чести и достоинства”, а оно здесь одно: последняя ясность, то есть страсть мысли, на себе и для себя философом растворяемая. Тогда и другие в ней узнают себя» [15].

На эмоционально-страстный характер философского познания обращал в свое время внимание Н. А. Бердяев, который утверждал, что всякий подлинный философ всегда ведет духовную борьбу за смысл, а значительность философии определяется его страстной напряженностью воли к истине и смыслу. Такое философствование захватывает, удивляет, активизирует ответную реакцию. В такой момент, согласно Г. Гадамеру, когда что-то к нам обращается и вызывает живой отклик, начинается понимание. И хотя Пятигорский называет понимание удачей, почти счастьем, оно у него также связано со спонтанностью: «Выйдет, не выйдет – вот это уже вопрос удачи и судьбы» [16]. То есть акт понимания может свершиться только тогда, когда судьбой уготовлены сначала встреча с философствующим, а затем уже возможность проникнуться его откровениями, разделить их, сказать самому себе, это то, что мне не хватало, то, о чем я всегда знал (думал, мыслил), но не мог артикулировать.

Итак, откровенность, честность, страсть мысли – вот условия подлинного философствования. Когда философствующий «обнажает» себя, смело, не боясь ничего, эмоционально окрашенно выдает свои мыслительные конструкции, это за-

вораживает и увлекает. Такая уверенность в правоте, прочувствованность вызывает восхищение. В такой ситуации просыпается и наша собственная мысль, начинается наш, пусть еще не такой большой, полный и смелый, но наш собственный творческий процесс зарождения новой мысли, процесс познания.

Таким образом, если случится и философствующий в своем обращении к аудитории (неважно, какую форму оно принимает: чтение лекции, статья, диалог, просто мыслительный акт) пробудит собственную мысль, то это, в свою очередь, может способствовать активизации творческих познавательных способностей собеседника. Резонансом откликается собственно рожденная мысль, которая и стремится соединиться с мыслью философствующего. Испытание необычайно сладостного чувства свободы, осознание того, что ты участвуешь в творческом акте рождения мысли, привлекает к философствующему и вызывает ответное чувство.

В такой момент в философствующем видят своего Учителя. Человека, который «открыл глаза». Интересны откровения Ницше. В своей статье «Шопенгауэр как Воспитатель» немецкий философ пишет, что когда он искал *своего* учителя, настоящего философа, которому «можно было бы подчиниться без дальнейших размышлений и доверять больше, чем самому себе» и который «научил бы быть *простым и честным* в мышлении и жизни», встреча с Шопенгауэром поразила его: «Я понял его, как будто он писал для меня». Анализируя свое первое впечатление, Ницше сравнивает его с физиологическим уровнем воздействия. Это было похоже на волшебное излияние «сокровеннейшей силы одного творения природы на другое, которое совершается при первом и самом слабом прикосновении» [17]. Такое физиологическое воздействие сопровождается и изменением внешнего облика человека. Есть описание Г. Гадамера эффекта философствующего Хайдеггера на слушателей: у них в буквальном смысле раскрывались глаза. Хайдеггер так мог вовлечь в мыслительный процесс аудиторию, настолько образно представить его, что «сами вещи вставали перед глазами, словно их

можно было схватить телесно» [18]. В. Библихин связывает с таким «телесным схватыванием» старую школу философствования, когда в устном диалоге происходило заражение присутствием, мыслью. Все это обусловило и обуславливает сейчас возможность продолжения философии.

Итак, философия тогда продолжает существование, тогда становится привлекательна (увлекательна), когда представляет собой философствование, творческий акт мыследеятельности. Выражая общий настрой аудитории (собеседников), здесь и сейчас артикулируя рождение новой мысли, философствующий вовлекает в познавательный процесс, заражает открывшейся свободой и тем самым очередной раз сохраняет шанс на оправдание философии.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230.
2. Пятигорский А. М. Философия как проблема современности // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 5. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 147.
3. Пятигорский А. М. Предисловие ко второму изданию. Заметки об одной из возможных позиций философа // Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М.: Наука, 1977. С. 202.
5. Мамардашвили М. К. Введение в философию // Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Изд-во «Лабиринт», 1996. С. 8.
6. Там же. С. 7, 8.
7. Самохвалова В. И. Спонтанность как специфика творческого состояния сознания // Свобода и творчество (междисциплинарные исследования) / под ред. И. А. Герасимовой. М.: Альфа-М, 2011. С. 232.
8. Там же. С. 233.
9. Мамардашвили М. К. Философия – это сознание вслух // Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. С. 33.
10. Пятигорский А. М. Философия как проблема современности // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 5. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 153.
11. Более подробно см.: Тимшин В. А. Творческий процесс как освобождение или преодоление при-

родного в философии К. Эрберга // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология: науч. журн. 2012. № 1(1). С. 27–31.

12. *Пятигорский А. М.* Философия как проблема современности // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 5. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 147.

13. *Шопенгауэр А.* Новые паралипомены // Полн. собр. соч. М., 1910. Т. 4. С. 495.

14. *Ницше Ф.* Шопенгауэр как воспитатель // Ницше Ф. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 56.

15. *Мамардашвили М. К.* Если осмелиться быть // Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. С. 85.

16. *Пятигорский А. М.* Философия как проблема современности // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 5. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 147.

17. *Ницше Ф.* Шопенгауэр как воспитатель // Ницше Ф. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 52, 55, 56, 59.

18. Цит. по: *Бибихин В. В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007. С. 241–242.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 167+168

И. Э. Егорычев

ИНТУИЦИЯ И ВЕРОЯТНОСТЬ

Обосновываются положения о том, что определенность нашей мысли достигается лишь через ее выражение в языке, и кажущаяся очевидность интуитивного схватывания не всегда оказывается достоверной.

The main thesis, substantiated by the author, consists in the following: the adequate certainty of thought can be achieved only by means of language expression, whereas apparent evidence of intuition sometimes fails to be trustworthy.

Ключевые слова: интуиция, вероятность, коммуникация, интенциональная система, язык, экономика мышления.

Keywords: intuition, probability, communication, intentional system, language, economy of thought.

Такие слова, как «мысль», «чувство», «ассоциация», «интуиция», в обыденном словоупотреблении зачастую используются как синонимы. Мы говорим: «Я чувствую, что это не так», «Мне это представляется интуитивно верным», «Эта идея у меня ассоциируется со строительной площадкой» и т. п. Однако, если вдуматься, то различие, безусловно, есть, и, как нам представляется, оно состоит, прежде всего, в том, что подлинная мысль есть всегда мысль выраженная, и лишь будучи таковой она (хотя бы в принципе) может быть передана.

Вступая в акт коммуникации, мы склонны полагать, что испытываем или «мыслим» нечто вполне определенное, задача состоит лишь в том, чтобы точно подобрать слова, чтобы сделать мысль или чувство сообщаемыми. При этом остается незамеченным, что эта определенность впервые достигается лишь только в языке. Это становится более понятным, если мы рассмотрим человека как интенциональную систему. Будем считать, что система является интенциональной, если ее форма или организующий принцип каким-то образом содержит в себе представление о чем-то другом по отношению к данной системе. Представление о чем-то другом здесь следует понимать в самом широком смысле – бук-

вально как направленность на это другое. Простейшим примером интенциональных объектов может служить замок и ключ: конструкции каждого из них предполагают друг друга. Можно сказать, что форма ключа такова, что направляет его к замку, и наоборот, устройство замка уже заранее предполагает, что он будет открыт ключом строго определенной формы [1]. В отличие от приведенного нами элементарного примера, человек является интенциональной системой наивысшего уровня сложности, «кругозор» которой непосредственно зависит от способности различать смыслы как различные способы указания на объект. Поэтому мы либо уже когда-то «высказывались по данному поводу», то есть в буквальном смысле проговаривали что-то кому-то другому или самим себе, либо делаем это впервые в самом акте коммуникации. В любом случае действительно неконвертируемыми оказываются лишь чистые интенсивности, Впрочем, столь же неразличимые нами, как и кем-либо еще. При любых попытках достичь большей «ясности» (различенности, определенности) мы вынуждены прибегнуть к речи, а значит, что в процессе речи не только достигается искомая точность, но и конституируется сама мысль или эмоция (в психологии, в теории эмоций описываемый нами феномен носит название эффекта Джеймса – Ланге). При этом, однако, в подавляющем большинстве случаев нам так не кажется!

Как правило, у меня есть совершенно ясное представление о том, что я отчетливо различаю нечто, имею о нем высокодифференцированное понятие. Этот эффект хорошо знаком всем нам по кажущемуся таким естественным ответу: я *это* знаю, «просто не могу *это* сформулировать», или «просто не могу *это* записать».

Вообще говоря, последняя особенность не принадлежит исключительно мышлению, но является общим принципом работы сознания, а в пределе – всей жизни, известным в физике как принцип наименьшего действия. Рассмотрим его на примере того, как нами осознаются зрительные восприятия. Войдя в комнату, на все стены которой нанесен некоторый повторяющийся орнамент или картинки (предположим, что эта комната сплошь заклеена репродукциями картины Пикассо «Девочка на шаре»), мы почти мгновенно убеждаемся, что дело обстоит именно так: вся комната заклеена одинаковыми картинками. Бо-

лее того, и это очень существенно – мы не просто «приходим к заключению», а именно «видим», что это так.

Но видеть-то этого мы как раз не можем! Дело в том, что наше периферическое зрение обладает очень слабым разрешением (в этом легко убедиться самостоятельно, держа перед собой на вытянутой руке и медленно относя в сторону игральную карту – очень скоро мы будем неспособны различить даже ее масть), и для того чтобы «считать» всю информацию, необходимую для представленности в сознании картинка с соответствующей степенью детализации, глаз совершает специфические движения – саккады, с помощью которых он сканирует исследуемое визуальное поле. Эти движения имеют вполне определенную скорость (4–5 движений в секунду) [2], и за время, достаточное нам для принятия решения о том, что *вся* комната заклеена картинками «Девочка на шаре», в действительности глаз никак не может обработать более 1–2 картинок, причем расположенных непосредственно перед ним. То есть в лучшем случае реально увидеть мы сможем данную репродукцию, окруженную какими-то расплывчатыми цветными пятнами, часть из которых отдаленно напоминают искомый рисунок. И в то же время «видим» мы отнюдь не это!

Отсутствие информации не то же самое, что информация об отсутствии, последняя имеет «сестоимость»: ее нужно как-то получать, обрабатывать и хранить, и в соответствии с принципом наименьшего действия, если нет острой необходимости делать это, мозг не будет этого делать. Или постарается как-нибудь сэкономить. В рассматриваемом нами случае он также поступает в высшей степени эффективно: до тех пор, пока в сознании не представлено иное (by default), значительно «дешевле» считать, что расплывчатые цветные пятна – это *те же самые* репродукции картины Пикассо. Дешевле, поскольку для достижения требуемого эффекта вообще необязательно заниматься трудоемким восполнением недостающих данных – достаточно просто *игнорировать* их недостаточность. Другими словами, сущностная иллюзия понятности чего бы то ни было наличествует у нас естественным образом до тех пор, пока в сознании не будет каким-то образом представлена информация о непонятности, что, к примеру, и происходит, когда кто-то впервые обращается к нам с вопросом. И наш ответ, кажущийся нам всего лишь реконструкцией и без того имевшегося в нашем сознании понятия (мысли), есть его (ее) *конструкция*.

Еще одним примером упомянутого нами принципа экономии мышления и сопутствующей ему *иллюзии понятности* является психический феномен, в обыденном словоупотреблении именуемый интуицией.

Интуиция чаще всего определяется как чутьё, пронизательность, способность к непосредственному постижению истины без предварительных логических рассуждений, без логического обоснования и доказательств, основанное лишь на воображении, эмпатии и предшествующем опыте. Но если определить некоторый объект мы действительно можем практически произвольно – для корректности достаточно проконтролировать отсутствие круга в определении и его непротиворечивость – то существование объекта с указанными свойствами уже придется доказывать. И вот что удивительно: несмотря на то что все без исключения исследования стратегий принятия человеком решений в ситуации неопределенности доказывают полнейшую несостоятельность интуитивного схватывания им действительных вероятностных оценок исследуемых ситуаций, люди продолжают приписывать самим себе эту способность.

Перейдем к конкретным примерам:

1. Парадокс Монти Холла. Формулируется следующим образом:

Представьте, что вы стали участником игры, в которой вам нужно выбрать одну из трех дверей. За одной из дверей находится автомобиль, за двумя другими – по козе. Вы выбираете одну из дверей, после этого ведущий, который знает, где находится автомобиль, а где – козы, открывает одну из оставшихся дверей, но только ту, за которой находится коза. После этого он спрашивает вас, не желаете ли вы изменить свой выбор. Спрашивается, увеличатся ли ваши шансы выиграть автомобиль, если вы примете предложение ведущего и измените свой выбор?

Одним из решений данной задачи является следующее: при смене выбора вы выигрываете, если изначально выбрали проигрышную дверь. А изначально выбрать проигрышную дверь можно двумя способами, т. е. если вы меняете дверь, вы выигрываете с вероятностью 2/3. Этот вывод, тем не менее, противоречит интуитивному восприятию ситуации большинством людей, которое примерно таково: открывая дверь с козой, ведущий ставит перед игроком новую задачу, никак не связанную с предыдущим выбором. Ведь коза за открытой дверью окажется независимо от того, выбрал игрок перед этим козу или автомобиль. После того как третья дверь открыта, игроку предстоит сделать выбор заново: выбрать либо ту же дверь, которую он выбрал раньше, либо другую. То есть при этом он не меняет свой предыдущий выбор, а делает новый. При этом остается незамеченным, что ведущий открывает двери не случайным образом, и поэтому его действие содержит дополнительную информацию, которая и изменяет вероятности.

Тот факт, что, несмотря на предъявляемую логику рассуждения, подавляющее большинство

людей продолжает настаивать на равных вероятностях выборов (по результатам одного из исследований [3], из 228 опрошенных только 13% согласились с разумностью изменения первоначального выбора), продолжает привлекать к себе внимание когнитивных психологов, которые объясняют столь вызывающе иррациональное поведение двумя причинами: а) эффектом владения (endowment effect) – психологическим феноменом, в соответствии с которым желание получить компенсацию за уже имеющийся во владении предмет почти вдвое превышает готовность за тот же предмет заплатить; б) предпочтению статуса-кво (status quo bias) – когнитивной ошибкой, заключающейся в том, что люди неоправданно предпочитают существующее положение вещей любому другому. В обоих случаях эти кажущиеся правдоподобными объяснения не имеют никакого отношения к интуитивным оценкам вероятностей.

2. Парадокс дней рождения. Речь идет о кажущемся парадоксальным утверждении, что вероятность совпадения дней рождения (числа и месяца) хотя бы у двух членов группы из 23 и более человек превышает 50%. Для 60 и более человек вероятность совпадения превышает 99%. Такое утверждение может показаться неочевидным, так как вероятность совпадения дней рождения двух человек в любой день года равна $1/365$, или 0,27%, что, помноженное на число человек в группе из 23, даёт лишь 6,3%. Это рассуждение неверно, так как число возможных пар (253) значительно превышает число человек в группе. Таким образом, утверждение не является парадоксом в строгом научном смысле, логического противоречия в нём нет, а парадокс заключается лишь в различиях между интуитивным восприятием ситуации человеком и результатами математического расчёта. Один из способов понять на интуитивном уровне, почему в группе из 23 человек вероятность совпадения дней рождения у двух человек столь высока, состоит в осознании следующего факта: поскольку рассматривается вероятность совпадения дней рождения у любых двух человек в группе, то эта вероятность определяется количеством пар людей, которые можно составить из 23 человек. Так как порядок людей в парах не имеет значения, то общее число таких пар равно числу сочетаний из 23 по 2, то есть $(23 * 22)/2 = 253$ пары. Так, легко понять, что при рассмотрении 253 пар людей вероятность совпадения дней рождения хотя бы у одной пары будет достаточно высокой.

3. В 2002 г. лауреатом Нобелевской премии по экономике стал Дэниел Канеман – психолог по образованию. Его интересу к совместным исследованиям с Амосом Тверски положила начало неожиданно вспыхнувшая дискуссия во вре-

мя чтения лекции по психологии инструкторам израильских ВВС, в которой Канеман доказывал, что поощрение за успехи имеет конструктивный смысл, а наказание за ошибки – нет. Несмотря на результаты опытов над животными, подтверждавшие заявленный Канеманом в лекции тезис, инструктора по полетам имели на этот счет совершенно иную – и тоже весьма убедительную точку зрения. Их повседневный опыт убеждал их в обратном: всякий раз, когда они хвалили пилотов за идеально выполненный маневр, уже в следующий раз у них выходило гораздо хуже. И наоборот, после того как они высказывали все, что думают о тех, кто маневр исполнил плохо, результаты неизменно улучшались. «Так что не надо нам рассказывать сказки – режюмировал один инструктор, – о том, будто поощрение способствует качеству работы, а наказание – нет. Я по личному опыту знаю, что это не так». После долгих раздумий над возникшим парадоксом Канеман неожиданно понял: в данном случае имела место психологическая ошибка, на которую любил указывать еще Дэвид Юм. Post hoc ergo propter hoc, склонны заключать мы, и, как правило, поспешно – скажем, в природе мы наблюдаем, что за одними явлениями всегда следуют другие. И после какого-то конечного числа случаев аксиоматически полагаем, что первые есть причина вторых. Но с логической точки зрения, утверждает Юм, никакое конечное число наблюдаемых следствий не позволяет нам логически дедуцировать причинность, даже если никаких «причин» думать иначе нет! В случае же с криком инструкторов причина «думать иначе» была, и объяснением здесь служит чисто статистический феномен «регрессии к среднему». Идея состоит в следующем: каждый пилот обладает каким-то навыком управления самолетом-истребителем, и совершенствование этого навыка требует длительных тренировок. Таким образом, хотя мастерство пилота и растет от тренировки к тренировке, данный рост происходит довольно медленно, и за одну тренировку навык попросту невозможно улучшить существенно. Поэтому, несмотря на отдельные выдающиеся достижения или, напротив, оплошности на протяжении одной тренировки, навык в управлении самолетом будет приближен к некоторой (у каждого пилота – собственной) норме, т. е. к среднему, тогда как отклонения от этого среднего имеют чисто случайный характер и совершенно не зависят от той «воспитательной работы», которую проводят инструкторы [4].

4. Вы стоите у края свежеспяханного поля прямоугольной формы. Вдоль поля проходит ровная дорога, скорость движения по которой в два раза выше скорости по полю. Ваша задача – максимально быстро подойти к пугалу, располо-

женному в центре поля. Каким будет оптимальный маршрут? Большинство людей интуитивно полагают, что следует идти как можно дальше с большей скоростью и как можно меньше – с меньшей, т. е. двигаться следует по катетам. Самым удивительным в ответе на поставленную задачу является даже не то, что такой маршрут не будет оптимальным во всех случаях, а то, что он никогда не является оптимальным – траектории движения будут неограниченно приближаться к траектории движения по катетам и в точности совпадут с ней только тогда, когда разница в скоростях станет бесконечной!

Примечания

1. Деннетт Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 42.
2. Dennett C. D. *Consciousness Explained*. Back Bay Books/Little, Brown and Company. N. Y. 1991. P. 354.
3. Vos Savant M. *The Power of Logical Thinking: Easy Lessons in the Art of Reasoning... and Hard Facts About Its Absence in Our Lives*. St. Martin's Griffin. N. Y. 1997. P. 10.
4. Kahneman D., Slovic P., Tversky A, eds., *Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases*. L.: Cambridge University Press, 1982. P. 91–98.

УДК 1(16):165

В. А. Тимшин

ТВОРЧЕСТВО – ПОЗНАНИЕ – СВОБОДА В ФИЛОСОФИИ ГЕТЕ

Как соотносится познание и творчество? Если мы познаем, то совершаем ли мы тем самым творческий акт? Каков механизм творческого озарения? Обращаясь к философскому наследию великого немецкого мыслителя И. В. Гете, а также к работам отечественных и зарубежных исследователей, автор статьи пытается найти ответы на данные вопросы.

What are the relations of knowledge and creativity? Is the process of cognition also a creative act? What is the mechanism of creative inspiration? Turning to the heritage of the great German thinker Goethe, as well as to the work of Russian and foreign researchers, the author tries to find answers to these questions.

Ключевые слова: Гете, творчество, познание, свобода, истина, фантазия, созерцание, озарение, эвристика, плагиат, понимание.

Keywords: Goethe, creativity, knowledge, freedom, truth, fantasy, contemplation, insight, heuristics, plagiarism, understanding.

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслью над миром он носился.
И в мире все постигнул он –
И ничему не покорился.

В. А. Жуковский

В марте 2012 г. исполнилось 180 лет со дня смерти великого немецкого мыслителя И. В. Гете. Это повод обратить внимание на идеи удивительного человека, который сумел совместить в себе научное (естествознание), философское и поэтическое творчество. И хотя наследие Гете неплохо изучено, его гениальные прозрения по-прежнему привлекают внимание исследователей. Как у Гете соотносится познание и творчество? Если мы познаем, то совершаем ли мы тем самым творческий акт? Каков механизм творческого озарения? За ответами обратимся к философским работам Гете, а также к трудам российских и зарубежных философов.

Познание у Гете носит непосредственно творческий характер. Отечественный философ К. А. Свасьян пишет, что для Гете «нет иного отношения между ними, кроме знака равенства. Познание – творчество. Это значит, что, создав познающего человека, природа продолжает творить – на этот раз уже через его познание» [1].

Основатель антропософии Рудольф Штейнер также обращает внимание на отождествление процесса познания и творческой деятельности в

работах Гете. Процесс человеческого познания есть звено в создании мировой действительности. Свое творческое участие в этом процессе человек проявляет тем, что познает. Войдя в познавательный процесс, человек творит не только для самого себя, но совместно со всем миром творчески постигает действительность бытия. «То, что содержится в человеке, есть лишь идейная видимость; то, что содержится в подлежащем восприятию мире, есть чувственная видимость; только познавательное взаимопроникновение обоих есть действительность». И далее Штейнер продолжает: «Действительность не может быть найдена познанием, ибо она в познании лишь и создается, как действительность... и Гёте, познавая, сам стоит в творящей жизни и творящем бытии» [2].

Творческое первоначало Гете оставляет за Богом. После шести дней творения (по Гете, «вымышленных») Бог не прекращает творить, а продолжает действовать, как и в первый день. Цель его творческой деятельности не в том, чтобы создать, а в том, чтобы продолжать действовать через высшие природы: «Слепить из простейших элементов эту неуклюжую планету и прокатывать ее затем из года в год под лучами солнца не доставило бы ему никакого удовольствия, если бы он не имел при этом задачи основать на этой материальной почве рассадник для мира великих духов. Он продолжает таким образом действовать в высших натурах, чтобы поднять через них и низшие» [3]. То есть творческая деятельность человека не обходится без невидимой помощи Бога [4]. Создать великие произведения (Гете приводит пример Моцарта, Рафаэля, Шекспира) без божественного воздействия, опираясь лишь на человеческую волю и человеческие силы, невозможно. Но божество, замечает Гете, действует в живом, становящемся, меняющемся, а не в мертвом, ставшем, застывшем. «Поэтому и разум в своем стремлении к божественному имеет дело с тем, что созидает себя, что живет, рассудок же обращается к готовым, застывшим вещам, чтобы извлечь из них пользу» [5].

Насколько рационален творческий процесс? Может ли человек лишь только по своему желанию что-либо изобрести, породить гениальную идею, крупную мысль? Гете считает, что такой власти у человека нет. «Всякая продуктивность высшего порядка, всякая значительная идея, всякое изобретение, всякая крупная мысль, приносящая плоды и имеющая длительный результат, – все это никому не подвластно, все это не признает ничьей власти на земле. Такие явления человек должен рассматривать, как неожиданные подарки свыше, как чистых детей божиих, которых ему надлежит принять с радостной благодарностью и чтить» [6]. Этот процесс Гете сбли-

жает с демоническим. Демон овладевает человеком, которому последний отдается бессознательно, ошибочно считая, что действует по собственному побуждению. В такие моменты в человеке проявляется «орудие высшей силы, управляющей миром», а самого человека можно уподобить сосуду, который вбирает в себя божественное влияние. В подтверждение этому Гете говорит о том, что очень часто в истории одна-единственная мысль единственного человека изменяла целую эпоху и сохранялась на протяжении веков, положительно влияя на последующие поколения.

Гете выделяет творческую («продуктивную») деятельность и иного рода, подверженную земному влиянию и находящуюся в большей степени во власти человека. К ней Гете причисляет любые действия, связанные с реализацией планов; связующие звенья цепочки рождающихся мыслей; а также то, что «составляет видимое тело и плоть художественного произведения» [7]. Говоря современным языком гносеологии, Гете выделяет три основных типа познания: практическое, научное и мировоззренческое [8]. При этом результат всех этих действий (усилий), несмотря на специфику каждого, должен быть один: «Созерцание, познание, предчувствие, вера, и как бы все эти щупальца, которыми человек осязает вселенную, ни назывались, – все они должны в сущности совпадать в своем результате» [9].

Однако может ли человек, стоящий на разных познавательных основаниях, принять точку зрения другого? Гете дает отрицательное заключение. «Так, человек, рожденный и развившийся для так называемых точных наук, с высоты своего рассудка-разума нелегко поймет, что может существовать также точная чувственная фантазия, без которой собственно немислимо никакое искусство. Вокруг того же пункта ведут спор последователи религии чувства и религии разума. Если вторые не хотят признать, что религия начинается с чувства, то первые не допускают, что она должна развиваться до разумности» [10]. Гете заключает: в каждом человеке в той или иной степени преобладают такие свойства, как чувственность и рассудок, воображение и разум. И если человек разовьет их до полного единства, то тогда он сможет не только понимать своих оппонентов, но также и самого себя.

В этом процессе большую роль, по мнению Гете, играет занятие естественными науками. Мыслитель говорит, что без этого он никогда бы не смог познать людей такими, какими они есть. «Ни в каких иных областях нельзя уловить с такою точностью чистое созерцание и мышление, ошибки чувств и рассуждений, слабые и сильные стороны характеров; все прочее более или менее шатко и податливо, и обо всем можно в той или другой мере торговаться» [11].

И все же Гете, в пику Декарту, предпочтение отдает чувственной сфере: «Кто не доверяет своим чувствам, тот дурак, который неизбежно превратится в умозрителя» [12]. Доверяющий же своим чувствам человек способен не только преодолеть жизненные трудности и реализовать свои потребности, но, в отличие от животного, может развить свои органы чувств, научить их, что в свою очередь будет способствовать укреплению доверия к ним. «Чувства не обманывают, обманывает суждение», – констатирует философ. Интересна идея Гете и относительно опыта: «Кто довольствуется чистым опытом и в согласии с ним поступает, у того достаточно истинного. Подрастающее дитя мудро в этом смысле» [13]. Выше чувственности, по Гете, – фантазия. Если чувственность находится в природе, в ее власти, то фантазия вышла из нее, «парит над ней». Удивительно, замечает Гете, но если мыслящий человек имеет перед собой неразрешимую проблему, то он «любит примышлять образ фантазии, от которого он не может отделаться, даже когда проблема разрешена и истина очевидна» [14].

Что дает толчок познанию, помогает человеку войти в этот творческий процесс? Анализируя философские размышления Гете, можно выделить несколько таких моментов. Во-первых, созерцательность, пристальное наблюдение предмета. Гете считает, что вхождение в особое, творческое состояние познания достигается не размышлением или обучением, а в ходе непосредственного созерцания. В определенный момент происходит «усмотрение какого-нибудь великого принципа, представляющее всегда гениальную умственную операцию» [15]. Такое состояние возникает вдруг и доставляет творцу необыкновенную радость. Человек чувствует себя свободным, не связанным ни временными, ни пространственными рамками: «Оно оригинальным способом указывает на бесконечное; оно не нуждается в известном периоде времени для того, чтобы стать убедительным, оно возникает целиком и окончательно в одно мгновение». Гете сравнивает это с чудом: «Иногда внешние толчки вызывают внезапный прорыв... перемены мыслей, и тогда кажется, что мы видим перед собою знамение или чудо» [16].

Философ призывает больше наблюдать, если мы хотим познать вещи, причем в наблюдении устанавливать не сходства вещей, а их различия. Гете говорит, что тщательно рассмотренный новый предмет раскрывает в человеке новый орган. То есть человек в момент познания мира познает также и самого себя, свои способности. И в то же время Гете замечает: «Всего отвратительнее – педантичные наблюдатели и фантазеры-теористы. Их эксперименты мелочны и сложны, их гипотезы темны и причудливы» [17].

Второй аспект, на который обращает внимание философ, – это «некоторые великие мотивы, легенды, предания древней седины». Гете замечает, что различные сцены этих произведений вдруг оживали в его воображении под воздействием какого-либо своеобразного состояния и рождали стихотворные формы. «Я всегда считал счастливым событием своей жизни, если какое-либо значительное произведение попадало в мои руки как раз тогда, когда оно согласовалось в данную минуту с моими стремлениями, укрепляло, а в силу этого и толкало меня вперед в моей деятельности» [18]. Гете говорит, что в человеке скрыты чудесные силы, которые могут проявлять себя в самые неожиданные моменты, даже тогда, когда их не ждешь. Они случайно озаряют, иногда во сне. Поэт вспоминает: «В моей жизни бывали случаи, когда я засыпал в слезах; но в снах меня обступали прелестные образы, принося мне утешение и счастье, и на другое утро я вскакивал на ноги по-прежнему бодрым и радостным» [19].

Дает толчок к познанию и то, что противоборствует нам. Гете считает, что бодро и открыто реагируя на критику оппонентов, ставя на обсуждение спорные вопросы, можно быстрее выявить все проблемные моменты. Это может дать основу для рождения нового. В то же время Гете предупреждает: «Кто набрасывается на негативное, тот разрушает самого себя и распыляется в чаду» [20].

Еще об одном моменте говорит философ – приведение аналогичных примеров к отдельным фактам. По мнению Гете, использование аналогий является не только полезным приемом, но и приятным. Аналогия хотя и противопоставляется чему-то другому, но не совпадает с ним и не является доказательством. Кроме того, аналогия никому не навязывается. «Несколько аналогичных случаев не смыкаются в замкнутые ряды, они – как хорошее общество, которое всегда больше стимулирует, чем дает» [21]. Используя именно такой путь, Гете пришел к понятию метафоры растений.

Мыслитель подчеркивает, что метод индукции неприемлем для порождения нового: «Индукции я не позволял себе никогда, даже по отношению к самому себе... Индукция полезна только тому, кто хочет заговорить другого» [22].

Нахождение «чреватого пункта», общего принципа позволяет также найти ответ на ранее сформулированные проблемы, стимулирует рождение нового. Гете делится своим открытием: «Я не успокаиваюсь, пока не найду чреватого пункта, из которого я многое могу вывести или, скорее, который многое добровольно из себя производит и несет мне навстречу» [23]. Рефлексируя, Гете называет свою внутреннюю познава-

тельную деятельность живой эвристикой, которая «признав неизвестное прозреваемое правило, пытается найти его во внешнем мире и ввести во внешний мир» [24]. Всегда ли это «прозреваемое правило» находится сразу? Нет. Гете говорит, что если в ходе опыта он не мог объяснить происхождение и причинно-следственные связи какого-либо явления, то оставлял эту проблему. Через некоторое время, иногда спустя несколько лет, «вдруг все оказывалось прояснившимся в самой прекрасной взаимосвязи» [25]. Этот способ поведения Гете находит очень выгодным, так как решение приходит само собой, «вдруг». При этом добавляет, что «нужен своеобразный поворот ума, для того чтобы схватить бесформенную действительность в ее самобытнейшем виде и отличить ее от химер, которые ведь тоже настойчиво навязываются нам с известным характером действительности» [26].

Еще одна находка Гете – в процессе длительного исследования изменять используемый метод, излагать известные знания по-новому или даже на другом языке. В результате знание может приобрести новизну и свежесть [27].

Гете упоминает и о роли близких людей в процессе познания. Они могут познать нас лучше, так как имеют возможность независимо, со своих позиций сравнивать нас с миром. Гете говорит, что в зрелом возрасте он очень внимательно относился к тому, насколько успешно его могли познать другие, «чтобы на них и в них, как в зеркалах, лучше уяснить самого себя и свой внутренний мир» [28].

Общий девиз, к которому призывает Гете, – «думать и действовать, действовать и думать». Одно не может быть без другого как вдох и выдох, как вопрос и ответ. «Кто делает для себя законом то, что тайно каждому на ухо шепчет гений человеческого разума, – действие проверять мышлением, мышление-действием, – тот не может заблуждаться, а если и заблудится, то скоро вернется на верную дорогу» [29]. Поднимаясь по ступеням познания и достигая их вершин, нельзя довольствоваться только знаниями, необходимо делать. Для подтверждения этой мысли Гете проводит аналогию с игрой, в которой «мало помогает знание, а все сводится к осуществлению». И тут же замечает: «Сколько лет нужно делать, чтобы хоть сколько-нибудь знать, что и как делать!» [30]

По мнению Гете, для того чтобы понять произведения природы и искусства, «их нужно уловить в их возникновении» [31]. В готовом, совершенном виде их познать нельзя. И хотя само понятие возникновения объяснить невозможно, в процессе делания (наблюдения) человек может приоткрыть завесу этой тайны. «Чтобы познавать, человек должен разъединять то, чего не

следовало бы разъединять, а для этого нет иного средства, как вновь соединять то, что природа предлагает нашему знанию в разъединенном виде, вновь сводить его к единству, подмечая, как одна форма незаметно переходит в другую и в конце концов совершенно поглощается последующей» [32].

Гете замечает, что многие люди не представляют себе конечного продукта творческого преобразования (познания), для них это является большой загадкой. «Материал каждый видит перед собой, содержание находит тот, кто имеет какое-нибудь дело до него, а форма является для большинства тайной» [33]. Действительно, лишь гениальный творец может предвосхитить результат (конечную форму) творения. Что такое изобретение? – спрашивает Гете, – и отвечает: завершение искомого. Не случайно великие учителя помогали своим ученикам тем, что дополняли их работу удачным штрихом, нужной фразой, в результате чего получалась более совершенная, завершенная форма. Не в этом ли заключается великая роль Учителя?

Гете сближает творчество с истиной. Подлинно творческое произведение истинно. Основным критерием этого является, с одной стороны, способность порождать новое и содействовать тому, кто им обладает и дорожит, а с другой – подтверждение ценности намерений человека во внешнем мире. «Когда человек, убежденный в ценности своих намерений, обращается к внешнему миру и требует от него, чтобы он не только согласился с его представлениями, но чтобы он и сообразовывался с ними, их слушался, их реализовал, только тогда он узнает из опыта, ошибся ли он в своем предприятии или же его время не способно понять истинное» [34].

Любое изобретение, любое творческое порождение нового, по мнению Гете, – это «из ряда вон выходящее проявление, осуществление оригинального чувства истины, которое, давно развившись в тиши, неожиданно, с быстротой молнии ведет к плодотворному познанию» [35]. Такие внутренние откровения позволяют человеку ощущать себя богоподобным, такой синтез мира и духа дает уверенность в бесконечной гармонии бытия. И хотя все истинное, совпадающее с божественным, невозможно познать полностью, человек никогда не откажется от желания сделать это. «Мы созерцаем его (истинное. – В. Т.) только в отблеске, в примере, в символе, в отдельных и родственных явлениях. Мы воспринимаем его как непонятную жизнь и не можем отказать от желания все-таки понять его» [36].

Ложное, считает Гете, мертво и бесплодно. Поэтому если художник (творец) не сможет подметить то, из чего «может развиваться многообразное, совершенное, удовлетворяющее произведе-

дение, то все прочее старание бесполезно: размер и рифма, штрих кисти и удар резца потрачены напрасно; и если даже мастерское исполнение может на несколько мгновений подкупить воодушевленного зрителя, то все же вскоре он ощутит то бездушное, чем страдает все фальшивое» [37]. Гете называет и еще один критерий ложного – «о нем можно постоянно болтать». Истинное же ускользает моментально, если его не использовать сразу.

Поэт допускает и, мало того, поощряет использование в процессе творчества чужих идей. Он восклицает: «Вальтер Скотт заимствовал одну сцену из моего “Эгмонта”, на что имел полное право, а так как обошелся он с ней очень умно, то заслуживает только похвалы... Мой Мефистофель поет песню, взятую мной из Шекспира, ну и что за беда? Зачем мне было ломать голову, выдумывая новую, если Шекспирова оказалась как нельзя более подходящей и говорилось в ней именно то, что мне было нужно. Если в экспозиции моего «Фауста» есть кое-что общее с книгой Иова, то это опять-таки не беда, и меня за это надо скорее похвалить, чем порицать» [38]. Мыслитель обобщает: «Что такое изобретение и кто может сказать, что он изобрел то или другое? Да и вообще сущая глупость чваниться первенством. Не признавать себя, в конце концов, плагиатором – это только бессознательное самовальство» [39].

В своих размышлениях Гете поднимает проблему одиночества в процессе познания. Человек всегда остается один на один со своими знаниями, со своим пониманием этих знаний и тем, что лежит дальше их. Другому человеку сложно, а может быть и совсем невозможно, проникнуть в познавательный процесс своего собеседника. «То, что знаешь, знаешь собственно только для себя. Когда я говорю с другим о том, что я хорошо, на свой взгляд, знаю, то он сразу полагает, что знает это лучше меня, и мне приходится все снова уходить в себя со своим знанием» [40]. При этом «каждый слышит только то, что он понимает» [41]. Можно ли решить эту проблему, есть ли выход? Гете замечает, что в любом случае при публичном оглашении своих знаний они встречаются на своем пути различные ограничения: возражения, определения, условия. И хотя различные мнения получают распространение, но укореняется то, которое «понятно, т. е. соразмерно и удобно человеческому уму в его обыденном состоянии». И добавляет: «Мало того, кто доработался до более высокого понимания, может всегда быть заранее уверенным, что большинство будет против него» [42]. Поэтому самым правильным решением будет переводить «все, имеющееся в нас и при нас» в поступки.

В заключение обратим внимание еще на одну проблему, которую рассматривает Гете, – это временная граница созидательной деятельности. Немецкий мыслитель прогнозирует: жизнь, познание, творческая деятельность человека рано или поздно придут в противоречие с желаниями творца. В результате мир погибнет, но на этом не закончится. После все начнется с начала: «Я вижу наступление времени, когда человечество не будет уже более радовать творца, и он должен будет снова все разрушить, чтобы обновить творение. Я твердо уверен, что все идет к этому и что в отдаленном будущем уже назначены времена и сроки, когда наступит эта эпоха обновления. Но до этого, конечно, пройдет еще достаточно времени, и мы можем еще тысячи и тысячи лет забавляться на этой милой старой земле» [43]. А раз так, добавим мы, то и свободно познавать.

Примечания

1. *Свасьян К. А.* Философское мировоззрение Гёте. М.: Evidentis, 2001. URL: http://www.rvb.ru/swassjan/toc_goethe.htm
2. *Штейнер Р.* Очерк теории познания Гетевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера. М.: Парсифаль, 1993. С. 96.
3. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 493.
4. Это очень созвучно идеям русского философа П. Чаадаева. Более подробно см.: *Ненасhev М. И.* Петр Чаадаев: учение о свободе воли и смысле истории. Киров: Санкт-Петербург. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, 1999. Гл. 1. URL: <http://nenashev.kirov.ru/monografies/03/>
5. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 476.
6. Там же. С. 467.
7. Там же. С. 468.
8. Более подробно см.: *Юлов В. Ф.* История и философия науки. Киров, 2007. С. 8–40.
9. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 368.
10. Там же. С. 286.
11. Там же. С. 475.
12. Там же. С. 335.
13. Там же. С. 336.
14. Там же. С. 329.
15. Там же. С. 200.
16. Там же. С. 201.
17. Там же. С. 326.
18. Там же. С. 285.
19. Там же. С. 468.
20. Цит. по: *Свасьян К. А.* Иоганн Вальфганг Гете. М.: Мысль, 1989. С. 56.
21. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 333.
22. Там же. С. 303.
23. Там же. С. 280.
24. Там же. С. 345.
25. Там же. С. 280.
26. Там же. С. 355.
27. Там же. С. 334.
28. Там же. С. 278.
29. Там же. С. 375.

- 30. Там же. С. 371.
- 31. Там же. С. 441.
- 32. Там же. С. 320.
- 33. Там же. С. 347.
- 34. Там же. С. 294.
- 35. Там же. С. 326.
- 36. Там же. С. 354.
- 37. Там же. С. 293.

- 38. Цит. по: *Свасьян К. А.* Иоганн Вальфганг Гете. М.: Мысль, 1989. С. 51.
- 39. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 343.
- 40. Там же. С. 329.
- 41. Там же. С. 367.
- 42. Там же. С. 366.
- 43. Там же. С. 472.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

К. В. Желанова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В статье рассматриваются процессы глобализации как причина повышенного внимания к вопросам идентичности. Раскрывается сущность и перспективность региональной и этнической идентичности в условиях глобализации. Анализируется взаимосвязь региональной идентичности и социальной дистанции.

Globalization processes are considered in the article as a reason of increased concern about identity issues. The essence and prospects of regional and ethnic identities in the conditions of globalization are revealed. The interrelation of regional identity and social distance is analyzed.

Ключевые слова: глобализация, региональная идентичность, этническая общность, социальная дистанция.

Keywords: globalization, regional identity, ethnic community, social distance.

На сегодняшний день одной из ключевых культурологических проблем и тем для полемик сторонников и противников глобализации является так называемый «кризис идентичности» (здесь подразумеваются, в первую очередь, искусственные идентичности), вызванный усложнением систем социокультурных институтов и соответствующих им моделей поведения, а также повышением уровня требований к деятельности индивида, предъявляемых социально-экономической ситуацией. В современном обществе успешность детерминирована, в первую очередь, объемом и качеством социального капитала. Поскольку одной из главных составляющих процесса накопления социального капитала является освоение среды, в которую его планируется инвестировать, следовательно, региональная идентичность не утрачивает своей актуальности, скорее наоборот. Кроме того, по словам Д. В. Визгалова, сегодня «жажда уникальности» и поиск именно терри-

ториальной (в частности, городской) идентичности является реакцией на глобализационные процессы: «Чем сильнее прессинг глобальных стандартов поведения и потребления, тем сильнее потребность территорий (регионов и особенно городов – в силу их природного чувства свободы) “выбираться” из одинаковости, искать, культивировать и предъявлять миру свою уникальность» [1]. В такие периоды сильнее всего проявляется стремление к сохранению природно-географических, а также этнокультурных и лингвистических особенностей, возрождению или формированию традиций и региональных мифологий и т. д.

Итак, очевидно, что процессы глобализации сопровождаются усилением внимания к проблемам идентичности, а не наоборот. Идентификация – это осознание себя частью целого, соотношение с определенной группой по ряду признаков. Для чего это нужно человеку? Прежде всего, для осмысления самого себя, понимания своей жизненной стратегии. Если брать за основу утверждение Ф. Ницше, что все познается в сравнении, а также помнить о биосоциальной сущности человека, становится очевидным, что для познания собственного «Я» индивиду важно соотносить свои модели поведения с ценностными ориентирами общности, представителем которой он является. В этом смысле актуальны определения идентичности, данные А. Туреном («осознанное самоопределение социального субъекта») [2], а также И. А. Акимовой («динамическое состояние поиска согласия относительно оценок собственного поведения у членов группы или сообщества и принадлежности к определенной культуре») [3].

Идентичность (а, по мнению Ч. Кули, и свобода [4]) индивидов формируется во взаимодействии, которое опосредовано символическими системами и картинами мира [5]. В этом проявляется социальный аспект человеческой природы. Само взаимодействие происходит на двух уровнях: на межличностном (интерпретация людьми действий друг друга) и на внутрличностном (саморефлексия, “self-process”, по Д. Г. Миду, т. е. рассмотрение человеком себя как объекта воздействия социальных норм, правил, установок, усвоенных им в процессе социализации) [6].

Д. Г. Мид утверждает, что в ходе взаимодействия с другими людьми человек осознает свое

* Материал подготовлен в рамках Проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ

поведение с их позиций и начинает действовать по отношению к себе так же, как эти люди по отношению к нему (отсюда – «золотое правило нравственности») [7]. Близкие идеи мы видим у Ф. Фукуямы, который «ориентированность на себя» считает лишь скрытой формой «ориентированности на других» [8], а также у В. Хесле, который подчеркивает влияние образов индивида, сложившихся в представлении других людей, на созданные им самим описательные и нормативные образы своей самости: «Я могу быть идентичен себе только в том случае, если являюсь индивидом, т. е. отличаюсь от других людей. В то же время я, будучи индивидом, жду признания себя со стороны других людей, что предполагает наличие у нас общих интересов и ценностей...» [9]

Осознание человеком принадлежности к общности формирует и поддерживает чувство уверенности, защищенности. В более широком смысле практический потенциал идентичности заключается, по мнению Д. В. Визгалова, в способности сообщества к самоорганизации, повышению уровня социальной активности, формировании стратегии дальнейшего развития [10]. С социокультурной точки зрения утрачивание идентичностей для человека чревато ослаблением чувства стабильности, четкого самоопределения, о важности которых говорилось выше. Со временем оно может привести к отчуждению и анонимии, о которых говорили еще Э. Фромм и Г. Маркузе.

Поскольку на протяжении своей жизни человек включается в огромное количество групп, общностей, социокультурных институтов, можно утверждать, что и идентичностей (и соответствующих социальных ролей) у него формируется множество. В самом широком смысле идентичности делятся на естественные, учитывающие, главным образом, антропологические и природно-географические факторы (расовые этнические, ландшафтные и т. д.), искусственные, которые называют также проектными (конфессиональные, национальные, стратификационные, региональные и т. д.), а также смешанные (гендерная). Каждая из них включает в себя, с одной стороны, наличие у носителя признаков, общих для членов конкретной группы, разделяемых и поддерживаемых ими элементов культуры (принцип системы), а с другой – осознание «непохожести», специфичности конкретной идентичности в ряду других. На это указывают, в частности, Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов, которые характеризуют формирование территориальной идентичности как результат двух ключевых процессов – объединения и различения: «Чтобы идентифицировать территориальную общность, необходимо ее для себя “определить” (хотя бы на аффективном уров-

не), и одновременно – отделить от остальных общностей». Саму территориальную идентичность они определяют как «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (“субъективный социально-географической реальности”), формирующие “практическое чувство” и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [11].

Процесс идентификации можно назвать самомаркированием, что предполагает установление границ между представителями различных общностей, появление социальной дистанции (термин Г. Зиммеля). Люди испытывают тягу друг к другу именно благодаря тому, что они разные, «и только понимание друг друга позволяет им решить, следует ли им избегать или даже бороться друг с другом», отмечает В. Хесле [12]. Традиционно рассматриваемое в научной литературе противопоставление «мы – они» проявляется в любом из видов идентичности (в том числе региональной). Безусловно, разделение на «своих» и «чужих» – неотъемлемый аспект самоопределения индивида, позволяющий, к тому же, соблюдать установленную между представителями различных общностей социальную дистанцию. К примеру, дистанция между представителями различных регионов может определяться особенностями языка, конфессиональным и этническим составом населения, общим уровнем жизни, уровнем урбанизации, типом производственных отношений, географической удаленностью друг от друга и т. д. При этом близлежащие регионы могут восприниматься не только как «добрые соседи», но и как исторические конкуренты в социальном, экономическом, политическом или культурном плане. Своеобразным разграничителем можно считать также «столичность» и «провинциальность». Так, столичные регионы могут восприниматься «провинциалами» не только позитивно, в качестве социокультурных центров, открывающих новые возможности накопления и инвестирования социального капитала, но и негативно, как «поглотитель» большей части ресурсов государства, особенно если он имеет тенденцию к самовозвеличиванию.

Увеличение социальной дистанции может являться показателем, с одной стороны, усиления влияния региональных идентичностей, а с другой – раздробления единого социокультурного пространства государства (а в самом широком смысле и всего мира) и ослабления межрегиональных коммуникаций. Размытие же региональной идентичности ведет не к сокращению социальной дистанции, а, наоборот, к еще большему отдалению людей друг от друга. Здесь, как и во всем, важен поиск «золотой середины». Процесс создания единого мирового социокультурного и информационного пространства не должен оз-

начать полного отрицания привязки индивида к социальным общностям и группам. К тому же формирование некоей общемировой социокультурной среды, не разделенной на регионы, и управление ей едва ли возможны, хотя бы в силу исторических и природных факторов. С другой стороны, необходимость поддержания системы базовых общемировых ценностей (надэтнических, надконфессиональных и т. д.) и определяемых ими моделей поведения очевидна. Они, помимо прочего, способны выполнять функцию связующего звена, культурного «языка» в диалоге общностей.

Отдельное внимание следует обратить на региональную идентичность, поскольку сегодня именно регионам отводится особая роль в модернизационных процессах во всех сферах жизнедеятельности. Это особенно важно для полиэтнических и поликонфессиональных стран, таких, как Россия. Как пишет П. А. Сорокин, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными» [13]. Регион – это социальная общность, связанная едиными природно-территориальными, хозяйственно-экономическими и социокультурными особенностями, которые определяют его специфику как функционального образования в государственной иерархии, его статус как участника социальных отношений [14]. В. А. Храпова определяет региональную идентичность как «целостность унаследованного и разделенного опыта, дискурсивно структурирующего и нормирующего социальные практики, традиции и ценности» [15].

Идентичность складывается из множества элементов и под воздействием различных факторов, однако очевидно, что сам процесс складывания может быть не только обоснован, но и предсказуем, следовательно, управляем. Для того чтобы определить характер идентификационных процессов в рамках региона и управлять ими, необходимо выявить факторы, влияющие на эти процессы. Что же влияет на формирование образа региона в глазах его жителей? В первую очередь, социокультурные и исторические особенности самого региона, политические и экономические условия и обусловленные ими нюансы повседневности, т. е. в целом – общие условия жизни. Они закрепляются в сознании многих поколений жителей региона (разумеется, с учетом динамики общественных процессов) в качестве того, что Д. В. Визгалов именует символическим капиталом, проявляющимся «во внутренних ментальных образах», в накопленной коллективной памяти, традициях, идеях, смыслах и, кроме того, находящим свое выражение «во внешних координатах» (названиях улиц, лозунгах и рекламе, архитектурных канонах, организации обществен-

ных пространств, памятниках и музейных экспозициях, отношении горожан к своим дворам, подъездам и т. д.) [16].

Если учитывать, что специфика региона, помимо природно-географических и исторических условий (объективный фактор), обуславливается деятельностью самих жителей (субъективный фактор), получается, что они во многом формируют и собственную региональную идентичность, совокупность уникальных признаков, характеризующих их как представителей одной социальной общности. Особая роль в этом процессе отведена представителям интеллигенции, способствующим наиболее глубокому и систематическому накоплению и расширению социального капитала региона.

Среди объективных факторов, влияющих на региональную идентичность, Р. Ф. Туровский выделяет культурно-исторические предпосылки («Больше шансов имеют те центры, у которых есть многовековой опыт развития в качестве культурно-политических центров, своя особая история»), укорененность населения («В тех регионах, где ниже доля местных уроженцев, меньше перспективы будет иметь пропаганда регионального патриотизма»), географическая обособленность регионов («Это особенно характерно для анклавных, периферийных территорий»), а также стабильность административно-территориального деления [17].

М. В. Назукина выделяет два уровня региональной идентичности: культурный и стратегический. Культурный уровень включает в себя уникальные характеристики и ценностные особенности региона, воспринимаемые его жителями как общие для них. Стратегический уровень подразумевает использование региональных особенностей местными элитами в практических целях: «Это сознательное изобретение и использование региональной уникальности (символическая политика, “изобретение традиций”, политика идентичностей региональных элит), а также продвижение конструируемой уникальности, выражающееся в формировании регионального имиджа (политика по формированию имиджа, позиционирование территории во внешнее пространство)» [18].

В ряде случаев поддержание идентичности становится одним из приоритетных направлений региональной политики. В связи с этим следует отметить, что формирование региональной идентичности (т. е. образа региона в глазах самих его жителей) сегодня сопряжено с еще одним немаловажным процессом – брендингом региона (т. е. созданием его образа вовне данной территории, характеристикой, маркированием жителями других регионов). Как отмечает Д. В. Визгалов, сегодня активные территориальные элиты

начинают осуществлять функцию формирования имиджа территории, «поскольку в конкурентной борьбе за жителей, инвестиции и туристов территории должны осознать себя, свою идентичность, увидеть свои уникальные черты и возможности, с тем чтобы продуманно и гибко спозиционировать себя на «рынке мест» [19]. Таким образом, брендинг региона может в значительной мере способствовать и преодолению кризиса идентичности.

Е. В. Еремина утверждает, что у региональной и этнической форм идентичности разные основания и механизмы развития и совпадение их друг с другом – частный случай [20]. Однако существует и противоположная точка зрения, которая представляется нам более обоснованной. Так, по мнению В. А. Ачкасова, региональное самосознание имеет общую природу с этническим [21]. Следовательно, региональная идентичность может быть рассмотрена в тесной взаимосвязи с этнической. Последняя, согласно теории В. М. Пивоева, определяется такими критериями, как природная среда («почва»), антропологические черты («кровь»), язык, менталитет, художественная культура, быт и система ценностей («мифология») [22].

Роль этнической идентичности подчеркивается в трудах историков и философов. К примеру, Н. И. Конрад пишет: «История человечества... очень конкретна и слагается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо» [23]. Для того чтобы анализировать феномен этнической идентичности, необходимо охарактеризовать понятие этнической общности. Н. В. Розенберг суммарно характеризует понятие этноса с позиций теории повседневности: «Общность людей со сходными предпочтениями и ограничениями в быту и на досуге (большинство профессий стремительно интернационализируются). Решающими факторами формирования этнической общности при таком подходе выступают язык (в виде того или иного из естественных просторечий) и круг семейно-брачных отношений. Внешним выражением этнической принадлежности послужат специфические варианты образа повседневной жизни и мысли (обыденное сознание, его ментальные архетипы), стили решения общечеловеческих проблем» [24].

Процесс формирования идентичностей сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Безусловно, привязка к определенной группе подразумевает сохранение и воспроизведение проповедуемых ей ценностей. Сформированная идентичность не без труда поддается корректировке, но в этом и заключается одна из ключевых ее функций – поддерживать ощущение стабильности, обеспечивая людей вариантами отработанных моделей поведения (в их выборе, разу-

меется, человек проявляет известную долю избирательности). Можно сказать, что постоянное соотношение с различными группами, поиск себя в многообразии социокультурных связей является одним из факторов накопления социального капитала.

Примечания

1. *Визгалов Д. В.* Брендинг города / [Предисл. А. В. Смирнягина]. М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2011. С. 16.
2. *Touraine A.* *Production de la societe.* Paris: Editions du Seuil, 1973. P. 360.
3. *Акимова И. А.* СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // Сервис Plus. 2009. № 1. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/media_identity.htm (дата обращения: 17.10.2012).
4. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 43.
5. *Розин В. М.* Традиционные и современные типы социально-психологического взаимодействия // Мир психологии. 2008. № 1. С. 38.
6. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 173.
7. *Мид Д. Г.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 217.
8. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. (Philosophy). С. 546–547.
9. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX–XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 27–28.
10. *Визгалов Д. В.* Брендинг города / [Предисл. А. В. Смирнягина]. М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2011. С. 38.
11. *Шматко Н. А., Качанов Ю. А.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94.
12. *Хесле В.* Указ. соч. С. 27–28.
13. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 210.
14. *Храпова В. А.* К вопросу о региональной идентичности // Вестн. Волгогр. гос. унта. Сер. 7. Филос. 2011. № 2 (14). С. 90–95.
15. Там же.
16. *Визгалов Д. В.* Указ. соч.
17. *Туровский Р. Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 90–96.
18. *Назукина М. В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. С. 18–19.
19. *Еремина Е. В.* Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации // Регионология. 2012. № 2. С. 149–155.
20. *Визгалов Д. В.* Указ. соч.
21. *Ачкасов В. А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/> (дата обращения 15.10.2012).

22. Пивоев В. М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 16.

23. Конрад Н. И. Избранные труды. М.: «Наука», 1974. С. 296.

24. Розенберг Н. В. Роль повседневной культуры в формировании регионального самосознания современной России // Регионоведение. 2009. № 1. С. 38.

УДК 165.0

Н. А. Караваев, С. М. Окулов

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В статье рассмотрены проблемы современного информационного пространства и человека, который в нем находится. Показаны изменения, происходящие в информационном пространстве, связанные с развитием информационных технологий. Поставлена проблема комплексного научно-философского осмысления информатизации коммуникативной среды общества.

In the article, the authors envisage the problem of modern information space and man in this space, show the transformation of information space due to information technologies and designate the question of the complex scientific-philosophical understanding of informatization of communicative sphere of society.

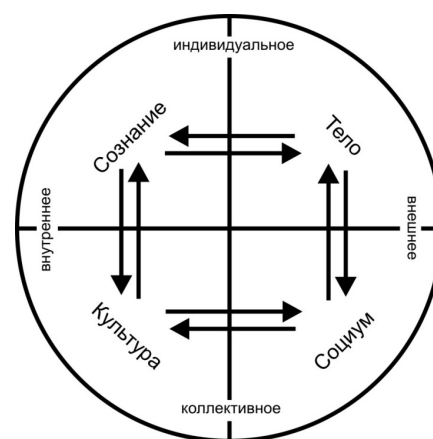
Ключевые слова: информационное пространство, коммуникация, человек, культура, социум.

Keywords: information space, communication, man, culture, society.

Появление современных информационных технологий, функционирующих на основе компьютерной и телекоммуникационной техники, оказало глубокое воздействие не только на образ жизни человека, но также радикально изменило ту информационно-коммуникативную среду, в которой он взаимодействует с другими членами общества. Эти изменения на современном этапе развития научной мысли являются актуальной проблемой, требующей целостного научного и философского осмысления. Задачей данной статьи является попытка дать краткий анализ изменений, которые проявляются при трансформации информационно-коммуникативной основы общества.

В качестве методологического подхода нашего анализа возьмем идею американского философа К. Уилбера. С его точки зрения в любом целостном образовании, будь это человек или

общество, можно выделить четыре уровня: 1) внутренний и 2) внешний как аспекты формально-содержательного характера, а также 3) единичный (индивидуальный) и 4) множественный (коллективный) как аспекты, отражающие количественный характер. «Внутри и снаружи, единичность и множественность – вот самые основные различия, которые мы можем сделать» [1], – утверждает философ. С этой позиции современное общество рассматривается как совокупность четырех неразрывных областей: тело и сознание, социум и культура (см. рисунок).

Все четыре области неразрывны, переплетены между собой множеством взаимосвязей и не существуют независимо друг от друга. Для наилучшего понимания таких взаимоотношений рассмотрим следующий пример. Представим студента, которому необходимо сдать экзамен по некоторой дисциплине. Сам экзамен как определенное событие в рамках образовательной системы является непосредственной частью социума, т. е. совокупности материальных, экономических, а также других процессов, технологий и институтов (семья, образование, государство и т. д.). Это область социума (нижний правый сектор). Необходимость и вообще сам факт контроля над успеваемостью не появились на голом месте, поскольку контроль знаний является частью культурного наследия общества, его культурного фона и ценностных ориентаций общества. Это область культуры (нижний левый сектор). Без культуры, без этого слоя общественного сознания было бы невозможно существование ни общества как целостной системы, ни человека как его элемента. Являясь определенными когнитивными рамками, посредством которых познается объективный мир, этот культурный слой представляет собой своеобразный внутренний фон для любых индивидуальных мыслей. Так, наш студент обладает некоторыми знаниями,

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 годы» (соглашение 14.В37.21.1014)

которые ему необходимо продемонстрировать, мыслями о возможных перспективах сдачи экзамена, желанием получить положительную оценку, страхами вытянуть неудачный билет и т. п. Все это область индивидуального сознания (левый верхний сектор). В то же время у студента имеются соответствующие изменения, происходящие в его соматической организации, его теле – усиление электромагнитных волн в определенных участках головного мозга, повышение уровня нейромедиаторов и другие физиологические и химические изменения. Это область тела (верхний правый сектор). Итак, каждое событие, любые действия человека в окружающей действительности имеют четыре измерения, которые переплетены всевозможными связями в такой степени, что изменение одного соответственно отражается в структурных особенностях и функционировании остальных. Все есть причина, и все есть следствие.

Использованная в примере последовательность, от социума к культуре, и затем от сознания к телу выбрана не случайно, хотя очередность может быть и другой. Дело в том, что сегодня использование современных информационных технологий как элемента социума влияет и трансформирует как культуру, так и сознание и тело человека. Это происходит за счет того, что изменяются процессы формирования и управления информационными процессами, которые в свою очередь являются базой любого типа общества, поскольку любые коммуникации между членами общества осуществляются на их основе.

В широком смысле коммуникация, или коммуникативный акт, есть взаимодействие между двумя и более субъектами. При этом любой коммуникативный акт является ничем иным как передачей информации в той или иной форме: визуальной, аудиальной, тактильной и т. д. В целях нашего анализа ограничим понятие «знание» областью нашего сознания, а окружающий внешний мир в таком контексте останется источником разнообразной информации. Коммуникативный акт тогда рассмотрим как совокупность трех процессов: 1) объективизация принадлежащего некоторому субъекту знания в информацию, 2) передача этой информации по каналу связи и 3) субъективизация этой информации во внутренние когнитивные единицы, знания. Следует сказать, что в ходе этих процессов происходят необратимые и специфические потери в содержании.

Эти потери как своего рода упрощение содержательной основы коммуникативных процессов связаны со следующими проблемами. Процесс передачи информации (область социума) всегда сопряжен с отрицательными факторами: различными шумами и помехами, что сказывается на чистоте воспринимаемых сигналов. Далее в процессе

субъективизации информации в знание на сенсорном уровне осуществляется фильтрация этих сигналов (область тела), поскольку организм человека способен воспринимать информацию только в весьма ограниченном, генетически заданном диапазоне. А процесс объективизации знания в информацию обязательно сопровождается элиминацией значительной части субъективного содержания знания, а именно неявного знания (область сознания). К неявному знанию относятся индивидуальные умения, навыки, воспоминания, чувства, верования, идеалы, ценности и т. п. Оно органично и неразрывно связано с субъектом и его практической деятельностью и не может принять объективную форму без частичной или полной потери содержания. Проблемой в этом случае является изначальная ограниченность языка, которая подразумевает то, что язык как некоторая система дискретных знаковых единиц (область культуры) никогда полностью не сможет передать предполагаемое значение неявного знания. Афоризм М. Полани как нельзя лучше это показывает: «Мы знаем больше, чем можем рассказать» [2]. Однако все же определенная часть неявного знания, так или иначе, объективизируется с помощью наших эмоций, мимики, жестов, взглядов и т. п. Такие сигналы особенно важны для человека, поскольку доказано, что им он уделяет внимания не меньше, чем тому, что передается вербальным языком.

С появлением информационных технологий и современных сетевых технологий передачи информации человек сталкивается с еще более сильным сокращением смысловой нагрузки коммуникативного акта, что связано с фактически абсолютной утратой неявного знания. Ведь в сетевом пространстве мы общаемся не с реальными личностями, а с их обезличенными виртуальными копиями (область социума). Человеческое общение, опосредованное сетевыми информационными технологиями, теряет межличностные характеристики, которые при реальных контактах воспринимаются относительно легко через объективизацию неявного знания. Поэтому все сетевое общение осуществляется в таком ключе, что мы не в состоянии ответить на вопрос, является ли то, что мы воспринимаем, действительным отражением индивидуальных качеств и характеристик собеседника, его мыслей, желаний, страхов и т. п. Одна из причин этого в том, что пользователи в большинстве случаев выносят в информационное пространство только то, что с их точки зрения не принесет им вред и психологической дискомфорт (область сознания).

В сетевых коммуникациях человек в основном не знает реального имени собеседника – в целях безопасности личность анонимизирует как саму себя, так и те идеи, которые она выставля-

ет на суд сетевой общественности. В качестве примера можно привести большое разнообразие служб Интернета, таких, как форумы, чаты, социальные сети, личные дневники и т. п., где анонимность пользователей является распространенной практикой. И если анонимность в личном дневнике и чатах не так важна (поскольку она устраняет определенные страхи пользователей), то в других случаях это существенный негативный фактор развития информационных ресурсов и информационной среды общества. В качестве примера можно привести международную энциклопедию Википедия (англ. Wikipedia), которая на данный момент имеет высокую популярность среди населения в целом и учащихся в частности. Ее наполнением непосредственно занимаются обычные пользователи Интернета. В большинстве случаев пользователь, желающий написать энциклопедическую статью по определенному вопросу, не имеет достаточных знаний по теме (хотя, возможно, сам пользователь думает иначе), поэтому он занимается своего рода компиляцией различных фактов, имеющих порой разрозненный характер. К тому же существует большое число «общеизвестных», но искаженных «фактов», и даже если действительно знающий пользователь отредактирует статью правильно, за ним последуют многие другие, которые пожелают все исправить. Именно поэтому в области учебного и научного познания Википедия не может восприниматься как источник достоверной информации, поскольку мнение толпы – пусть даже и «образованной» – не всегда дает истинное представление об изучаемом предмете.

Обезличивание, анонимность пользователей и бесплатность информационных ресурсов, которые изначально были призваны устранить препятствия для личности в свободе ее творческого выражения, приводят к обратному результату – они принижают как роль самой личности (область сознания), так и результаты ее творчества в частности (область культуры). Общеизвестно, что в сети может храниться только цифровая информация, поэтому то, что невозможно объективизировать в цифру, не попадает в это сетевое пространство и оказывается на периферии, хотя, возможно, именно это – самое важное. Творчество сегодня уступило место компиляции, а «практика фрагментарного, обезличенного общения принизила роль межличностного взаимодействия как такового» [3].

Еще одна проблема современного информационного пространства кроется в понижении достоверности информационных ресурсов, что, по сути, является одним из следствий вышеназванных проблем. Эффективность жизнедеятельности практически любого члена общества непосредственно зависит от того, насколько бла-

гоприятна та информационная ситуация, в которой он находится, и насколько легко и успешно он способен удовлетворить свою потребность (область сознания) в информации. Между тем реальная информационная ситуация в современном обществе является неблагоприятной. Именно в этом проявляется ограниченность нашего информационного пространства: информация общедоступна, но она труднодостижима и к тому же иногда искажена в силу ряда причин. Современному человеку сегодня непросто обнаружить представляющую для него интерес информацию, поскольку она погружена в общий информационный поток, который за последние десятилетия вырос в тысячи раз (область социума). Выделить же из этого потока то, что необходимо, оказывается нелёгкой задачей. К тому же имеется проблема манипулирования общественным мнением и сознанием (область культуры) посредством недостоверных и искаженных идей и фактов, транслируемых с помощью средств массовой информации. В результате создается положение, когда человек страдает от избытка информации так же, как от её недостатка, а умение фильтровать информацию становится необходимой составляющей информационной и интеллектуальной культуры человека (область сознания).

Вернемся к нашей методологической схеме: тело, сознание, культура и социум. Мы увидели, что при использовании языка (как информационной технологии) осуществляется значительное сокращение смысловой нагрузки коммуникаций между членами общества. В свою очередь, современные информационные технологии, основанные на использовании компьютерной и телекоммуникационной техники, за счет того, что они существенно меняют формирование и управление коммуникативными процессами (ускоряют и увеличивают объемы передаваемой информации) превращают последний в передачу обезличенной информации, а содержание неявного знания субъектов еще в большей степени сокращается (за счет обезличивания и анонимизации), а порой и вовсе элиминируется. Отсутствие этого важнейшего для человека компонента межличностного взаимодействия превращает его в некий физический механизм, в котором нет места интуитивному, в котором нет места живой, незапрограммированной мысли (область сознания). Человек становится своего рода машиной, винтиком социальной системы, необходимой только для хранения и передачи формализованных данных. Такая трансформация сознания человека сегодня является одной из важнейших научных и философских проблем, а перед научным сообществом стоит новая задача: принимая во внимание все преимущества информационных технологий, необходимо целостно осмыслить дест-

руктивные последствия, проистекающие из процесса информатизации коммуникативного пространства общества, и на основе этого анализа найти наиболее эффективные решения этих проблем на всех уровнях: социальном, культурном, на уровне сознания и физиологии тела. Только целостный подход к решению этих проблем позволит устранить негативные последствия для человека информационного общества, формируемого сегодня.

Примечания

1. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 119–120.

2. Polanyi M. The Tacit Dimension // Knowledge in Organizations. Butterworth-Heinemann, Newton, MA., 1997. P. 136.

3. Ланиф Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: Corpus, 2011. С. 14.

УДК 12.5

С. А. Котова

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются аспекты трансформации ценностей в постиндустриальном обществе. Показывается, что в постиндустриальном обществе формируется виртуальная реальность, которая приводит к нарушению традиционных ценностных систем современного общества.

The paper discusses some aspects of transformation of values in post-industrial society. The author shows that the virtual reality is formed in the post-industrial society, which leads to disruption of traditional value systems.

Ключевые слова: ценности, постиндустриальное общество, отношение человека к действительности, трансформация ценностей, виртуальная среда.

Keywords: values, post-industrial society, man's relation to reality, transformation of values, virtual environment.

Вопрос о ценностном отношении человека к действительности является одним из ключевых вопросов философии различных эпох. Суть данного вопроса сводится к анализу специфических условий человеческого существования и значения ценностей в жизни каждого человека. Данная проблематика определила появление целой отрасли философского знания – аксиологии.

Ценностное отношение человека к действительности – это один из видов отражения действительности в «головах людей», а точнее «субъектно-объектное» отношение, рассматрива-

ется под углом зрения значения (ценности) объекта для субъекта [1].

Проблема ценностного отношения человека к действительности нашла свое отражение в трудах Д. Юма, И. Канта, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. Шелера, М. Кагана.

Несмотря на различия аксиологических идей, все они признают, что сам факт существования человека уже является ценностью. А его ценностное отношение к действительности формируется исходя из «...самоопределения человеческого существования посредством символов, выполняющих функцию указания на смысл со-бытия “я существую” и существования предмета, становящегося ценностью. Эти характеристики экзистенциального аспекта ценностного отношения указывают на его онтологическую форму» [2].

Ценностное отношение человека к миру находит свое отражение в различных относительно обособленных социально-культурных областях. Так формируются религиозные, эстетические, философские, моральные, правовые, экономические, политические и другие ценности. В частности, эстетическое отношение к действительности складывается в недрах ценностного сознания и имеет гносеологический статус, что означает единство ценностного и позитивного значений категорий «прекрасное» и «возвышенное».

Ценностное отношение человека к миру и себе приводит к ценностным ориентациям личности. Ценностные ориентации являются отражением в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Являясь сложным социально-психологическим феноменом, ценностные ориентации характеризуют направленность и содержание активности личности, общий подход человека к миру, к себе, личную позицию к поведению в социуме.

Следовательно, развитие ценностных ориентаций тесно связано с развитием направленности личности.

В данном ключе весьма актуальной становится проблема трансформации ценностного отношения человека к действительности в постиндустриальном обществе.

Концепция постиндустриального общества, предложенная в конце 60-х – начале 70-х гг. американскими и европейскими исследователями, сегодня является одной из наиболее распространенных социально-философских концепций. Данная концепция позволяет адекватно осмыслить и осознать глобальные перемены, происходившие в западных обществах на протяжении последних тридцати лет. Основным признаком и качественным параметром общества нового типа, согласно данной концепции, является особая роль знания и основанных на нем технологий, доминиру-

вание информации, ускорение технического прогресса.

Технические перемены, протекающие в постиндустриальном обществе, способствовали созданию объективных предпосылок для трансформации старой системы ценностей и формирования новой.

Ценность, будучи одним из ключевых понятий современной общественной мысли, социологии, психологии, философии, экономики, педагогики, используется для обозначения объектов и явлений, их свойств, воплощающих идеалы нравственности, морали, а также определяет значимость чего-либо [3].

Иначе ценности можно определить как цели общества и средства их достижения, обеспечивающие интеграцию общества, помогающие человеку воплотить социально одобренный выбор своего существования и поведения.

Иерархия ценностей строится из сферы непосредственных жизненных потребностей конкретно взятого общества (социума), под влиянием историко-культурных особенностей генезиса определенной нации, народности.

Структура ценностей человека есть характер и иерархия его верований, убеждений и стремлений, отражающих саму его природу (качество).

Таким образом, ценности синтезируют индивидуальное и социальное, внешнее и внутреннее, прошлое и будущее в настоящем, актуальное и потенциальное, идеальное и материальное, являются источником жизнотворчества, ключом мотивации индивида, связующим звеном в социокультурных явлениях.

Под традиционными ценностями понимаются разновидности ценностей, в которых отображен и передан естественными путями и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт в виде образцов, норм, принципов, представлений о лучшем в культуре. Данные ценности способствуют зарождению и развитию инноваций в традиционных обществах и рассматриваются как устойчивая основа национального характера культуры в зависимости от менталитета этноса данной культуры.

Каждый человек, социальные группы и общество в целом существуют в рамках различных целостных систем, которые могут отличаться стабильностью на протяжении длительного времени, а могут и меняться, особенно во времена кризиса или в эпоху перемен, революций. Сама система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную структуру потребностей и мотивов, а также интересы личностей и социальных общностей.

Трансформация традиционных ценностей есть социально-культурные изменения, которые раз-

вертываются в процессе возникновения противоречий между традиционными ценностями и ценностными инновациями, носителями которых являются различные социальные группы.

Суть трансформации прежних традиционных ценностей заключается в формировании новой системы социального взаимодействия и новой системы ценностей.

Процесс информатизации и компьютеризации всех сфер человеческого бытия рождает технический и психологический феномен – виртуальную реальность. Виртуальная реальность плотно вошла в общественную культуру, сознание и, как правило, связывается с компьютерной сферой. Высокая степень глубины проникновения виртуальной реальности в жизнь каждого человека подтверждается тем фактом, что в обыденное сознание субъекта вошли и закрепились такие понятия, как «виртуальная экономика», «виртуальные организации», «виртуальное общение».

Виртуальная реальность есть результат синтеза технологий, науки, искусства и социальных отношений.

Виртуальный мир придает пребыванию человека в нем ценностную окраску в отношении отдельных явлений и событий, позволяет субъекту сформировать собственную позицию.

Сущность виртуальной реальности сводится к замещению реальных вещей, явлений и поступков образами – симулякрами. Виртуальное пространство образует «параллельный мир», в котором функционируют виртуальные аналоги реального мира. Такое замещение прослеживается во всех сферах общественного бытия современного человека, в том числе и в ценностном аспекте.

С одной стороны, ценностно-позитивная сущность мира виртуальных реальностей заключается в компенсации у человека нехватки общения и внимания. Возможность анонимного общения упрощают знакомства, налаживания контактов. Данные обстоятельства создают иллюзию психологического комфорта и защищенности, содействуют досугу и деятельности. Таким образом, со стороны ценностно-позитивной сущности виртуального мира данное пространство является наиболее простым и доступным способом психологической адаптации в ситуациях ценностного кризиса.

С другой – полное погружение в мир виртуальной реальности может привести к различным социальным конфликтам и ценностному разрыву. Виртуальное пространство нередко становится предпочтительным миром, постоянной средой обитания, способом борьбы с настоящим, приводящим к разрыву с реальными социальными процессами. Такая ситуация свидетельствует о том, что новое информационное пространство несет

с собой поток глубочайших аксиологических изменений бытия человека.

Компьютерные технологии, глобальная интерактивная среда изменяют возможности существования традиционных ценностей в классических формах. Система общечеловеческих ценностей трансформируется в триединое целое – материальные, духовные и виртуальные ценности. Иными словами, виртуальное пространство формирует альтернативную символическую среду взаимодействия общечеловеческих ценностей – образы, символы, традиционные ценностные установки заменяются симуляциями двигательных объектов и действий электронного бытия.

Триединая система ценностей не проводит различий между реальным и виртуальным мирами. В связи с этим современному человеку постиндустриального общества, постоянно взаимодействующему с виртуальной средой, все трудней, а порой и совсем не представляется возможным понимать и принимать культурные, эстетические, нравственные, религиозные ценности. Следовательно, виртуальная реальность становится реальной сферой деятельности субъектов, важной составляющей их бытия, меняя их привычный образ жизни, круг интересов, формируя специфическую иерархию ценностей и оказывая неоднозначное влияние на духовный мир человека.

Мораль, как одна из составляющих внутреннего духовного пространства человека, в виртуальной области приобретает ряд особенностей. Виртуальная реальность не сковывает личность никакими правилами и нормами, кодексами и заповедями, что стимулирует безнаказанность аморальных поступков пользователей. Человек в виртуальной сфере приобретает новую оболочку, лишенную интонаций, эмоций. Он использует только символы и знаки. Следовательно, пользователя Интернета практически невозможно распознать, он становится анонимным.

Таким образом, мотивация поступков, реализуемых в виртуальной реальности, будет опреде-

ляться только одними желаниями и духовными потребностями пользователя, а не его физическим телом. Иными словами, «отделяясь» от своего тела, представляя себя в виде символов и знаков, пользователь Интернета позволяет себе делать то, что не представляется возможным делать в реальном мире, который ограничен моральными нормами и кодексами.

Что касается материальных ценностей, то на современном этапе развития общества интересы личности рассматриваются как первичные, преобладающие над коллективными, групповыми. Вошли в постоянный обиход с положительным знаком такие понятия, как «предприимчивость», «личная инициатива», «конкурентоспособность». Современные экономические отношения порождают так называемые рыночные ценности, которые меняют весь образ жизни людей: мотивацию поведения и всего процесса социализации личности. Но с другой стороны, рыночные ценности трансформируют традиционные ценности общества, способствуют появлению псевдонаучных ценностей, так называемых псевдоценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что современные компьютерные технологии, виртуальная реальность, техносфера коренным образом меняют ценностное отношение человека к действительности. Трансформируются не только традиционные ценности, но и изменяется сама система ценностей, в которой приоритетное начало занимают ценности виртуального мира, такие, как информация, скорость передачи информации, свобода общения и другие.

Примечания

1. Анисимов С. Введение в аксиологию. М., 2001. С. 66.
2. Ивин А. А. Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк., 2006., С. 238.
3. Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 319.

А. В. Лонин

ЭЛИТИСТСКИЕ ТЕОРИИ ЗАПАДА В ИДЕОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье исследуются либеральные и консервативные теории социальной элиты в рамках изучения идеологии общества индивидуалистического типа. Обосновывается вывод о том, что понятие «социальная элита» в социологических концепциях западных мыслителей выступает в качестве репрезентации действительности и раскрывается на основе произвольно заданных формальных критериев.

This article deals with the liberal and conservative theories of the social elite in terms of the individualistic society ideology. We come to the conclusion that the concept "social elite" in the sociological concepts of the Western thinkers represents the reality and is developed on the basis of the arbitrarily given formal criteria.

Ключевые слова: социальная элита, общество, идеология, правящий класс, государство, либерализм, консерватизм.

Keywords: social elite, society, ideology, ruling class, state, liberalism, conservatism.

Изучение вопросов формирования, существования и деятельности социальной элиты является актуальным в рамках исследования проблем правящего слоя общества, адекватного типу его социальности. Так как в российском обществе в течение двух последних десятилетий реализуется либеральная модель общественного развития, вопросы формирования социальной элиты общества вызывают большой научный интерес и активно исследуются отечественными философами, социологами, политологами. Осмысление российскими учеными накопленного в западной философии теоретического опыта анализа социальной элиты общества позволяет, таким образом, найти ключ к пониманию вопросов, касающихся адекватности выбора той или иной модели развития для обществ определенного типа.

Социальная элита в качестве высшего слоя в иерархии индивидуалистического общества формируется в ходе реализации консервативной либо либеральной модели социального управления. В рамках консервативной модели управления обществом социальная элита является результатом огосударствления всех сфер общественной жизни и выступает в качестве выразителя определенной идеологии, системы ценностей, традиций и идеалов. В консервативном государстве, реализующем идею верховенства духовной власти над властью светской, социальная элита выражает некие духовные сущности, является воспол-

нением определенного трансцендентального субъекта. «Государство как форма восполнения трансцендентального субъекта, – отмечает Д. Е. Григоренко, – “выносит за скобки” всю негосударственную институциональную оформленность общества. В данной связи принижается значение общественности... Государство, проникая во все сферы жизни общества под лозунгом “наведения порядка”, фактически тем самым огосударствует все социальные институты общества. Как самостоятельная общественная реальность они исчезают. Рыночные процессы ставятся под контроль власти, политическая система приобретает централистский характер, негосударственные институты (церковь, культура, СМИ) подчиняются догматической государственной идеологии (трансцендентальному субъекту)» [1].

Социальная элита в консервативном государстве характеризуется кастовой замкнутостью, автономностью по отношению к обществу, выступающая в качестве государственной либо партийной бюрократии. Медленные темпы обновления такой элиты как следствие отсутствия внутренних механизмов ротации ее кадров, как правило, ведут общество к застою и стагнации, а саму элиту – к деградации и, в конечном итоге, – к вырождению.

В процессе осуществления либеральной модели социального управления основной целью общества является реализация степеней свободы субъекта. В качестве свободного субъекта индивидуалистического общества социальная элита существует и функционирует в условиях плюрализма, демократии, свободы слова, представляющих собой стандарты естественности общества данного типа. Индивидуалистическое общество представляет собой общество свободных личностей, в котором мера и степень свободы определяются той частью общества, которая в ходе демократических процедур оказывается на вершине социальной лестницы. «Поскольку свободная личность выступает как личность искусственная, – отмечает Н. М. Чуринов, – постольку суперсвободная личность определяет характер качества общества свободных личностей: общество потребления, общество всеобщего благоденствия, общество изобилия, орден посредственностей, по отношению к которому суперсвободные личности выступают как социальная элита. Социальная элита, представленная суперсвободными личностями, выступает как собственно идентичетет индивидуалистического общества» [2].

Один из основоположников классических теорий социальных элит Г. Моска сформулировал закон социально-политической дихотомии, который заключается в том, что разделение общества на две группы людей – управляемых и управляющих – является объективным законом об-

щественного развития, не зависящим ни от уровня развития общества, ни от конкретных социальных или природно-географических условий. Иными словами, любое общество и в любое время разделено на тех, кто управляет, и тех, кем управляют. «Во всех обществах (начиная со слабо развитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существует два класса людей – класс правящих и класс управляемых» [3].

Г. Моска ввел понятие «правлящий класс», которое существенно отличается от принятого в марксистской схеме общественного развития. Если у Маркса классовое деление общества обусловлено социально-экономическими факторами и, прежде всего, местом отдельных социальных групп в системе общественного производства, то в теоретических воззрениях Моски в качестве главного критерия правящего класса выступает его превосходство над остальными людьми. При этом социальное неравенство, являющееся главным условием выделения правящего класса из основной человеческой массы, имеет место во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной и т. д. «Представители правящего меньшинства, – отмечал Г. Моска, – неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут» [4].

Формирование и функционирование правящего класса общества, а также его смена другим правящим классом исследуются в данном случае в понятиях свободы, конкуренции, борьбы за власть, демократии, то есть в тех понятиях, которые отражают нормы жизни индивидуалистического общества, определяют стандарты его естественности. Таким образом, социальная элита формируется в результате действия законов свободной конкуренции, в ходе которой в каждой сфере социальной жизни происходит своего рода естественный отбор наиболее жизнеспособной части общества.

Теоретическое осмысление проблем формирования и деятельности социальной элиты общества осуществляется в данном случае в рамках теории познания как теории репрезентации на основе произвольно сформулированных критериев. Например, итальянский социолог В. Парето в качестве такого формального критерия предлагал использовать некий индекс, который должен выступать в качестве оценки способностей каждого индивида. «Допустим, – писал Парето, – что в каждой области человеческой деятельности каждому индивиду дается индекс, который служит оценкой его способностей подобно экзаменационной оценке в школе... Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, мы называем эли-

той» [5]. Система, в соответствии с которой оценивается каждый индивид, в данном случае представляет собой некую произвольно сконструированную схему, предполагающую формальные критерии оценки. Анализ элиты как социального явления осуществляется, таким образом, на основе законов формальной логики, а сама элита в качестве свободного субъекта представляет собой результат произвольного описания социальной действительности.

Выдвинутую Парето теорию социальных элит существенно дополняет и развивает сформулированный Роберто Михельсом «железный закон олигархических тенденций». Этот закон заключается в том, что любая крупная социальная структура, даже формирующаяся на основе принципов демократии, с неизбежностью воспроизводит отношения господства и подчинения. Причем те, кого выбрали демократическим путем в состав руководящих структур, осуществляют свое господство над теми, кто выбирал. Поэтому любая из известных форм государственного правления, по Михельсу, в конечном итоге эволюционирует в олигархию. Демократическая форма правления не является исключением из этого «железного закона», поскольку демократия как таковая является некой фикцией, ширмой для прикрытия господства узкой группы олигархической элиты общества.

Являясь одним из теоретиков либерализма, Михельс признавал естественным социальное противостояние и, вслед за Марксом, выступал в качестве сторонника теории классовой борьбы как неизменного спутника развития человеческого общества. Но, вместе с тем, в отличие от Маркса, он не рассматривал классовую борьбу в качестве условия социального прогресса. Классовая борьба, по Михельсу, является лишь неизбежной для любого общества формой противостояния отдельных группировок социальной элиты. В результате этого противостояния не происходит совершенствования общественных отношений, перехода к более прогрессивным стадиям общественного развития. Итогом классовой борьбы является лишь приход к господству над обществом новой социальной элиты, то есть новой олигархической группы, которая, завладев политической властью, будет использовать ее в своих корыстных интересах. «Вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти, желающим слиться с прежним или низвергнуть его. Результат любой классовой борьбы состоит лишь в замене – одно меньшинство сменяет другое в своем господстве над массами» [6].

Как видно, и аристократия и демократия в концепции Михельса олицетворяют собой власть различных группировок социальной элиты, противоборство которых ведет к полной или частичной смене элит. Но обе группировки защищают свои узкие социальные интересы. Теоретизируя таким образом, Михельс не видел принципиальной разницы между аристократической и демократической формами правления, так как и та и другая, по сути своей, эволюционирует в сторону олигархии. отождествляя аристократию с олигархией, Михельс, тем самым, вновь воспроизводит сложившуюся в западной философии традицию произвольной трактовки этого понятия, которое употребляется им в значении, не соответствующем его первоначальному (аристотелевскому) смыслу.

Классиками элитистских теорий были, таким образом, сформулированы основные концептуальные положения, выявляющие сущность социальной элиты как свободного субъекта управления обществом, а также были раскрыты основные закономерности ее формирования, функционирования и смены. Несмотря на то что господствующая элита в качестве высшей иерархической социальной группы исследовалась ими как явление универсальное и свои теоретические положения ученые распространяли на все общества без учета их специфики, тем не менее сущность исследуемой социальной группы раскрывалась в понятиях, отражающих особенности индивидуалистического общества: демократии, свободы, конкуренции, плюрализма и т. д. Сама элита в данных теориях рассматривалась как своего рода продукт индивидуальных свобод и естественного социального отбора. Это дает основание утверждать, что социальная элита является неотъемлемым элементом общества индивидуалистического, теоретиками которого и выступали основоположники элитистских концепций.

Идеи, заложенные классиками теории элит, получили дальнейшее развитие в западной теоретической традиции. Западными философами и социологами было сформулировано множество различных подходов к изучению социальной элиты и ее роли в жизни общества. В соответствии с этими подходами были разработаны концепции, в рамках которых актуализировались проблемы рекрутирования элит, их типологизации, специфики управленческой деятельности, механизмы смены и многие другие вопросы. При всех различиях, существующих между этими концепциями, их объединяет то, что элита общества выступает в качестве репрезентации действительности, то есть является определенной искусственной теоретической конструкцией, в основе которой лежат произвольно заданные критерии.

В рамках либеральной концепции элита не представляет собой единого слоя общества, а является совокупностью множества входящих в него социальных групп. При этом в составе элиты нет доминирующих группировок, а влияние на общество в равной степени распределено между ее разными частями. Отдельные группировки в составе социальной элиты при этом ведут между собой постоянную борьбу за реализацию своих узких интересов. Важная роль отводится конкуренции, которая выступает в качестве условия осуществления контроля над элитой со стороны общества. Социальная элита в данном случае является персонифицированным выражением демократической системы власти.

Одновременно с либеральными элитистскими теориями в западной философии получило развитие и консервативное направление. Одним из его представителей был Р. Миллс, который определял социальную элиту как единую и монолитную группу людей, обладающую властью и влиянием в обществе. «Властвующая элита, – отмечал Р. Миллс, – состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия... Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются» [7].

Согласно консервативной элитистской концепции, господствующий в обществе социальный слой консолидируется на основе той или иной государственной идеологии, навязываемой обществу сверху посредством государственных средств массовой информации и пропаганды. Эта идеология, как правило, представляет собой произвольно сформулированную и далекую от реальной жизни социально-политическую доктрину, ориентирующую общество на достижение определенного социального идеала. Над изобретением и проведением в жизнь этой государственной идеологии трудятся многочисленные ученые, теоретики и пропагандисты, обслуживающие правящую верхушку и сами входящие в ее состав.

Предметом анализа в современных западных элитистских теориях являются проблемы рекрутирования социальной элиты, т. е. механизмов ее формирования, а также типологизации элиты на основе разных критериев. Выделяется две основных системы формирования элиты: антрепренерская система и система гильдий. В основе первой лежат либеральные принципы: свобода, равенство возможностей, открытость, конкуренция. Данная система рекрутирования социальной элиты предполагает формальную возможность

любому индивиду войти в ее состав. Например, в политической сфере такой механизм формирования элиты выражается в системе демократических выборов, в ходе которых реализуется принцип свободы и посредством конкурентной борьбы и естественного социального отбора из общества выделяются отдельные социальные группы, в руках которых оказываются рычаги государственного управления. Конкуренция, выступающая в данном случае в качестве стандарта естественности общества, закрепляется и легитимизируется либеральным законодательством, а нормы права, в свою очередь, доминируют над всеми остальными социальными нормами. Данный механизм рекрутирования социальной элиты соответствует либеральной модели развития общества и либеральному типу социального управления.

Принципиально иным является механизм формирования социальной элиты, получивший название «система гильдий». Отбор в состав господствующего социального слоя при такой системе осуществляется посредством выдвижения его представителей не из широкой социальной среды, а из разных группировок внутри самой элиты. Такая система отбора характеризует кастовую замкнутость элиты, отсутствие возможностей для проникновения в нее представителей других слоев общества, не входящих в состав господствующего социального клана. Воспроизводство отдельных элитарных кланов при таком механизме рекрутирования происходит из собственной среды. Данная система отбора социальной элиты актуализируется в процессе реализации консервативной модели управления обществом. Отдельные элементы такого порядка формирования социальной элиты имели место в советской политической системе, а сама властвующая элита советского общества в ряде исследовательских работ получила название партийно-советской номенклатуры.

Большое внимание в западных социально-философских и политологических концепциях уделяется также проблеме типологизации социальной элиты. Западная элитология, методологической основой которой является метафизическая теория познания как теория репрезентации действительности, исходит из произвольности и множественности подходов как к определению понятия «элита», так и к выработке критериев для ее типологизации. Руководствуясь принципами формальной логики, западные ученые разработали множество классификаций социальной элиты на основе различных признаков. Тот или иной набор типов элиты теоретически конструируется на основе произвольно выбранного критерия в соответствии с принципами индуктивной либо дедуктивной логики.

Так, в зависимости от сферы социальной жизни, в рамках которой формируется и действует социальная элита, выделяют элиту экономическую, политическую, духовную и т. д. Каждому из названных типов социальной элиты принадлежит ведущая роль в соответствующей сфере. К экономической элите в соответствии с данной классификацией принадлежат крупные предприниматели, промышленники и финансовые магнаты, отличающиеся от основной массы населения своими доходами. Политическую элиту составляют руководство страны и отдельных ее регионов, лидеры политических партий, депутаты парламента. К духовной элите, в свою очередь, относятся служители религиозного культа, ученые, представители творческой интеллигенции.

В зависимости от стиля властвования, а также характера ментальности выделяют традиционную и современную социальные элиты. В первом случае элита характеризуется ориентацией на сформировавшиеся в обществе и устоявшиеся на протяжении длительного времени традиционные ценности и идеалы. Главной целью элиты данного типа является стабильность и устойчивость общественных отношений. Для второго типа элиты характерно стремление к динамике социальных процессов, постоянное обновление общества, его реформирование на основе различных проектов. По месту в социальной иерархии в структуре господствующего социального слоя выделяются высшая, средняя и маргинальная элиты. В зависимости от места в политической системе и отношения к действующей власти различают правящую элиту (действующую власть) и контрэлиту (оппозицию).

Таким образом, множественность подходов к раскрытию сущности понятия социальная элита обусловила характерное для западного обществознания многообразие элитистских концепций, которые объединяет формальность критериев для определения принадлежности к элите тех или иных социальных групп. Анализ данных концепций позволяет сделать вывод, что элита как высший в социальной иерархии слой адекватен социальности индивидуалистического (преимущественно западного) общества и может объективно изучаться исключительно в рамках исследования общества этого типа. Элиту любого индивидуалистического общества объединяет стремление к доминированию над основной массой населения, идейно-теоретическое закрепление своего господства посредством идеологии, использование агитационно-пропагандистских ресурсов для формирования в свою пользу общественного мнения.

При всех общих чертах, характерных для социальной элиты западного общества, она может выступать как в либеральном, так и в консерва-

тивном варианте в зависимости от конкретных исторических условий. Либеральный или консервативный типы социальной элиты являются порождением соответствующих типов государства. Для первого типа социальной элиты характерно осуществление своего доминирования над обществом на основе открытой конкурентной борьбы в условиях гражданских и политических свобод. Второй же тип элиты характерен для закрытого общества и представляет собой замкнутую касту, объединенную на основе приверженности какой-либо системе идей и ценностей, возведенных до уровня государственной идеологии.

При этом в каком бы варианте не выступала социальная элита, она является органическим элементом индивидуалистического общества, формируется и реализует свои клановые интересы, руководствуясь принципом свободы воли, а затем уходит с исторической арены, уступая место другой элитарной группе. Так как социальная элита формируется в условиях западного общества, то ее объективное изучение должно исходить из специфики данного общества, стандартов его естественности, учитывать присущие ему традиции и нормы социальной жизни.

Примечания

1. Григоренко Д. Е. Научное управление обществом и проекты науки: философско-методологический анализ. Красноярск: СибГАУ, 2012. С. 105.
2. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 415.
3. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187.
4. Там же.
5. Парето В. Трактат по общей социологии // Цит. по: Зотов А. А. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 805.
6. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии // Цит. по: Политология: хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 550.
7. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007. С. 3.

УДК 101

С. В. Максимов

ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВНЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

В статье исследуется проблема военного прогресса как одного из различных проявлений социального прогресса. Автор анализирует внерациональные проявления военного прогресса, отмечая его амбивалентность. Показано, что важной составляющей военного прогресса являются информационные войны, которые основываются на «образе врага». Особое место в решении комплекса этих проблем принадлежит России.

The paper investigates the problem of military progress as one of the various manifestations of social progress. The author analyzes the non-rational manifestations of military progress, revealing its ambivalence. It is shown that an important component of military progress is information warfare which is based on the image of "enemy". A special place in the solution of these problems belongs to Russia.

Ключевые слова: внерациональные проявления прогресса, идейная война, информационные войны, идеология войны, социальный прогресс, военный прогресс, ремилитаризация международных отношений, ядерная угроза.

Keywords: non-rational manifestations of progress, ideological war, information wars, the ideology of war, social progress, military progress, the remilitarization of international relations, nuclear threat.

Актуальность исследования современного военного прогресса связана с тем фактом, что для эпохи глобализации все более характерными являются внерациональные проявления военного прогресса, которые не укладываются в классические представления о социальном прогрессе. Для современного глобального мироустройства традиционные признаки военного прогресса, основанные на технических преимуществах и определенном количестве солдат, теряют свою значимость. На первое место выходят те признаки военного прогресса, которые связаны с технологическими и психологическими преимуществами более высокого уровня, который не поддается обычной метрической оценке. Другими словами, количество самолетов, танков и кораблей по-прежнему играет важную роль в оценке военного потенциала конкретного государства, однако контроль над конкретными регионами осуществляется на более высоком уровне, где внерациональная составляющая становится ведущей.

После Второй мировой войны, по мнению А. Зиновьева, победители не ведали, что творили. Запад, выигравший в эволюционной войне, стал насильственно навязывать миру определен-

ный способ понимания реальности, который стал изображаться как единственно допустимый и правильный. Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе [1].

Запад требует от вверившихся ему территорий порядка и контроля. Средства осуществления этого контроля в разные времена выглядели по-разному, однако один аспект всегда оставался неизменным. Запад не терпит неуправляемости, особенно в Европе. Это неоднократно приводило к недоразумениям с далеко идущими историческими последствиями – в частности, западные элиты считают, что русские не обеспечивают достаточной степени контроля над собственной территорией и, соответственно, у них нет реального права на обладание ею.

Неоднозначность военного прогресса в современном мире связана также с тем, что европоцентристские тенденции постепенно теряют свое господство над мировым общественным мнением под давлением Востока, где принципиальную роль играют как раз внерациональные методы познания и преобразования действительности. Как справедливо отмечает А. Панарин, Запад может окончательно победить Восток как альтернативный ему «стабильный» способ бытия только в том случае, если будет доказана способность человечества жить в целиком искусственном, технологически воспроизведенном Космосе. В онтологическом плане философия Запада – это философия техники, и она окажется фундаментальной лишь в том случае, если сконструированный им искусственный космос будет лучше и совершеннее природного [2].

Сторонники внерациональных форм военного прогресса учитывают неоднозначность современной мировой ситуации. Если политическая глобализация приведет к «растворению» государств в новых структурах, в некоем «постнациональном пространстве», то они и, следовательно, национальный суверенитет «ослабляют» и даже «исчезнут». Последствием этого процесса станет такая глобальная взаимосвязь, при которой неизбежно произойдет качественная трансформация ООН, и она перестанет выполнять функции универсальной организации международной безопасности. Вместо системы управления международными делами с помощью ООН силами США и НАТО будет создана новая вертикаль, «неформальный механизм» международного регулирования. Однако это только одна из глобальных проблем, порожденных развитием техногенной цивилизации и поставивших под угрозу сами основы человеческого бытия. Именно с этих позиций следует оценивать военный прогресс, не

сужая его параметров к чисто технической стороне.

Военный прогресс в России имеет свои особенности, которые детерминированы существованием страны в нескольких цивилизационных измерениях. В нашей исторической судьбе преломляется более фундаментальная проблема культурно-цивилизационного многообразия мира, которое нельзя отменить и которое должно найти свое отражение в процессах глобализации.

Самый главный парадокс постсоветского пространства заключается в том, что власти соседних стран постоянно критикуют нынешнее руководство РФ, всерьез считая его политикой реальной угрозой собственной независимости. Более того, многие представители правящих кругов, постсоветских государств от всей души желают ослабления и уничтожения России, считая, что от этого они приобретут что-то, чего им сейчас недостает – безопасность, влияние, признанность.

Внерациональные проявления военного прогресса проявляются также в попытке использовать устоявшиеся стереотипы для оправдания гонки вооружений. К примеру, постоянные разговоры о российском «империализме» довольно распространены, однако империализм – привилегия империй или, по крайней мере, государств, всерьез стремящихся утвердить свой имперский статус, однако современная Россия не является ни тем, ни другим.

Внерациональность современного военного прогресса проявляется, в частности, в том, что внешнеполитическая деятельность РФ пока не представляет собой систему, а значит нет возможности оценивать военный прогресс в какой-либо рациональной плоскости. Тем не менее именно нынешняя российская власть является, по сути, единственной реальной гарантией безопасности и территориальной целостности всех постсоветских государств. РФ, затормозившая собственный распад и при этом полностью отказавшаяся от идейного развития, является надежнейшим гарантом сохранения враждебных режимов по периметру своих границ.

Параллельно с подготовкой Западом «юридической базы» для обвинений России и оправдания вмешательства во внутренние дела следует ожидать активизации претензий Запада к России по поводу «неэффективности» использования ее собственных энергетических запасов, которые все чаще предлагается рассматривать как «неотчуждаемое общественное благо». Цель – заставить мировое сообщество свыкнуться с мыслью о том, что принцип национального-государственного суверенитета над природными ресурсами устарел и требует пересмотра. Потребность в военном прогрессе во всех его проявлениях в связи с этим приобретает особую актуальность.

Для внерациональных форм военного прогресса принципиально необходим «образ врага». В этом контексте, говоря о генезисе образа врага как структурного элемента общественного сознания, можно согласиться с И. Б. Гасановым: «Для обеих сторон характерны самооправдание и обвинения другой стороны по образцу: мы невиновны – они виноваты; мы говорим правду – они лгут; мы информируем – они пропагандируют; мы лишь обороняемся – они нападают; наши ракеты предназначены для сдерживания – их ракеты предназначены для первого удара. Таким образом, логика традиционного политического мышления неизбежно приводит к формированию особой психологии «гомо хостилис», человека враждебного, который воспринимает окружающий мир априори как враждебный, полный врагов. Такая деформированная картина мира подкрепляется двойным стандартом в оценке своих и чужих действий. Кроме того, сознание гома хостилис «находится под властью того, что в психологии называется когнитивным диссонансом, когда “образ врага” понуждает к заведомо неразумным и неоправданным действиям, которые в свою очередь оправдываются тем, что “врагу” приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает заколдованный круг враждебности» [3]. Непосредственный военный опыт и формируемый на его основе «образ врага» участники боевых действий впоследствии доносят и до «гражданского» общества, и именно их воспоминания становятся основой коллективной исторической памяти, а пропагандистские клише времен войны постепенно уходят в прошлое [4].

Для адекватного анализа военного прогресса важно раскрыть содержание понятия «социальная агрессивность»: антропологических оснований гендера, критериев человеческой агрессивности, определения социокультурных, экономических и социально-психологических причин возрастания социальной агрессивности, определения «нормы» агрессии, соотношения конфликта и агрессии, конструирования культурных кодов «агрессии» и «симулякров» реальности посредством СМИ, основных видов вербальной агрессии, исторических корней религиозной агрессии и внерациональных форм ее преодоления [5].

В современном мире активно действуют силы, готовые перечеркнуть опыт мирного сосуществования и взять на вооружение теорию «конфликта цивилизаций», свидетельством чего является стратегия дестабилизации России, осуществляемая в форме нового противопоставления славяно-православного и тюрко-мусульманского начал. Тем не менее подобные проекты только на первый взгляд кажутся предназначенными для одной России, ведь на самом деле речь идет о судьбе принципа, имеющего глобальное значе-

ние. Если постсоветское пространство, а затем и пространство самой Российской Федерации будут окончательно расколоты под предлогом этноконфессиональной несовместимости мусульман и немусульман, это будет означать стратегический проигрыш для земной цивилизации в целом.

Ярким показателем внерациональных проявлений военного прогресса является усиление агрессивности информационных войн, которые провоцирует заокеанская пропагандистская машина. Американцы при этом очень четко вписывают проблематику информационных войн в основы своей политики обеспечения национальной безопасности. Информационная война несет в себе более серьезный интеллектуальный компонент, чем это было ранее, поэтому высокоразвитые страны будут иметь постоянное преимущество, уровня которого будет достаточно сложно достигнуть. Для понимания сущности внерациональных проявлений военного прогресса важно учитывать, что ведущееся информационное воздействие не случайно, а несет системный и планомерный характер.

По мере преодоления блокового противостояния объективно сужается поле для конфронтации в международных отношениях. С глобализацией как возможностей, так и вызовов безопасности и устойчивому развитию складывается понимание того, что лишь солидарный ответ мирового сообщества на ключевые проблемы современного развития может быть по-настоящему эффективным. В результате падает спрос на единоличное лидерство, девальвируются «старые» союзнические обязательства, подкреплявшиеся идеологической и цивилизационной солидарностью.

В то же время мир не стал более безопасным. Основная причина – в издержках глобализации: усиливающаяся неравномерность развития порождает конфликты на социально-экономической, межнациональной и религиозной почве. Но ощущение дефицита безопасности также создает рецидивы односторонних силовых действий.

Внерациональные проявления военного прогресса стимулирует также тенденция, которая наметилась в результате неадекватного понимания явления, называемого «международным терроризмом». Между тем, как крайняя форма социального протеста и акт отчаяния, терроризм всегда в истории был и остается одним из проявлений классовой борьбы, которая на рубеже веков окончательно трансформировалась из национальной в транснациональную, приняв форму жесткой эксплуатации государствами «золотого миллиарда» стран «второго» и «третьего» мира» [6].

Парадоксальность военного прогресса состоит в том, что он декларируется как средство избежания войн. Однако для этого необходимо выполнить ряд мер. Во-первых, необходимо четко разграничить сферы влияния различных цивили-

заций и тщательно их придерживаться. Во-вторых, в сложных регионах, где различные цивилизации накладываются друг на друга, ведущие государства должны брать на себя роль коллективного посредника или гаранта, чтобы сдерживать или останавливать цивилизационные войны между государствами или группами государств.

Оправдывая войну в Ираке, премьер-министр Великобритании Т. Блэр утверждал, что речь идет «... не просто о безопасности и военной тактике. Это битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Ирак являются необходимыми начальными пунктами этой битвы». «Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности». Ключевой смысл этих интервенций состоял не просто в смене режимов, а в изменении ценностных систем, которыми руководствуются соответствующие страны. «Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает отстаивать наши ценности не просто в наших странах, но и по всему миру» [7].

Военный прогресс в США стимулируется тем, что события истории – даже не всегда благовидные – представляются апологетами веры в Америку в священном или, по крайней мере, легендарном ореоле. И соответствующим образом воспринимаются молодыми американцами, которым внушается, что США «никогда не были вторыми», ибо им «покровительствует Бог». Подобного рода легенды наделяют нацию богоподобными свойствами, выражают претензии на освященность целей национальной политики США. Иными словами, в них своеобразно воспроизводится формула: что благоприятствует американским интересам – то угодно Богу [8].

Таким образом, внерациональные проявления военного прогресса в глобальном мире являются следствием напряженного поиска новых путей развития, новых человеческих ориентиров, и поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры – в философии, в искусстве, в религиозном постижении мира, в науке. Речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, новых смысложизненных ориентиров, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества, помочь пересмотреть прежние отношения к войне и миру, выработать новые идеалы человеческой деятельности, понимание перспектив развития человека.

Примечания

1. Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006.
2. Панафин А. С. Философия истории. М.: «Гардарики», 1999. С. 26–27.

3. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998. С. 194.

4. Сенявский А. С., Сенявский Е. С. Взаимовосприятие государств и народов в новейшей истории в контексте конфликтного взаимодействия (методология исследования) // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН: МаГУ, 2006. С. 126–131.

5. Красиков В. И. Социальная агрессивность и гуманитарные исследования // Вестник РФО. 2004. № 3. С. 78.

6. Сейфи Г., Лебедев А. В. Социальные болезни современности (по материалам теоретического семинара по международному терроризму в контексте глобализации в Институте философии РАН 10 сентября 2004 г.) // Вестник РФО. 2004. № 3. С. 68–69.

7. Гаджиев К. С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 26.

8. Задорожнюк И. Е. Гражданская религия в Америке: настоятельность новых интерпретаций // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 64.

УДК 316.34

Е. В. Соловьев

ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ «ЭТНИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ» В МОДЕРНИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируются изменения, происходящие в системе показателей этничности, под влиянием процесса модернизации общества, утраты им многих традиционных аспектов жизни. Ведущим показателем, позволяющим на эмпирическом уровне фиксировать «этническое поведение» личности, становится в этих условиях национальный язык как феномен, менее остальных подверженный влиянию модернизационных процессов.

The paper analyzes the changes in the system of indicators of ethnicity, influenced by the modernization of society, the loss of many traditional aspects of life. In these conditions, the national language as the phenomenon less susceptible to the influence of modernization, becomes the leading indicator which helps to detect the individual's "ethnic behaviour" at an empirical level.

Ключевые слова: культурные маркеры, показатели «этнического поведения», языковое поведение.

Keywords: cultural markers, indicators of "ethnic behavior", linguistic behaviour.

Обретение индивидом социальной позиции, идентичности находит свое выражение в деятельности. Поведение – основной показатель как положения индивида в системе общественных связей и отношений, так и его внутреннего мира, его сущности. Все данные о происхождении и воспитании человека, о его интересах и ценнос-

© Соловьев Е. В., 2012

тях, приверженности тому или иному типу культуры приобретают целостный и законченный характер, только если они подкрепляются исследованием поведенческого аспекта его повседневной жизни.

Идентификация с определенной этнической общностью, ощущение своего единства с ней также выстраивает определенную поведенческую линию человека. Но если признаки этнического статуса – происхождение и самоидентификация – достаточно просто можно зафиксировать на эмпирическом уровне (национальная принадлежность родителей, самоидентификация с определенным этносом или же с маргинальными группами), то по поводу содержания и, соответственно, эмпирической фиксации «функционального» или же «поведенческого» измерения, связанного с этническим статусом, возникают определенные трудности. Действительно, какие действия человека можно включить в понятие «этническое поведение»? Приверженность национальному укладу жизни, национальным традициям, бытовой национальной культуре, соблюдение национальных обрядов, обычаев или что-то еще? Все это, на первый взгляд, безусловные, необходимые и важные составляющие этнического поведения.

Собственно под социальным поведением в современной социологии понимается совокупность человеческих поведенческих процессов, связанных с удовлетворением физических и социальных потребностей и возникающих в порядке реакции на окружающую социальную среду [1]. Социальное поведение человека или группы, как известно, определяет социальная структура и, в частности, ролевая структура общества, которая формирует так называемый «ролевой комплекс» – систему ролевых ожиданий, определяемых статусом человека. Этническая структура общества, совокупность этнических статусов формирует этнический ролевой комплекс. Отличительной его особенностью является укорененность в истории человечества, связь еще с родовыми и племенными корнями, опора на традицию.

Несмотря на существенные различия в традиционном поведении разных этносов, у них есть одна общая составляющая: традиции существуют у любого этноса. В их основе – общие для всех людей и народов ключевые образы – архетипы, формирующие ожидаемые роли представителей этноса. Регулярные рецитации (ритуальные воспроизведения) архетипических образов постоянно напоминают членам общества модели их поведения [2].

К числу таких рецитаций этнографы, этносоциологи относят часть так называемых культурных маркеров, характеризующих поведение представителей этноса. На сложность определения системы этих культурных маркеров указывает, к

примеру, финский этнограф И. Лехтинен, которая называет в их числе язык; общую (совместную) память; приверженность общей истории, устной традиции и культурному наследию, включая пищу и привычные запахи (*familiar scents*); повседневные обычаи, привычки и костюм, т. е. народную культуру как целое [3]. Однако не все из перечисленных ею маркеров отражают поведенческие акты и не все можно эмпирически зафиксировать в исследовании. Поэтому для социолога больший интерес в связи с этим представляет предложенная, например, В. Ф. Вавилиным система компонент этнической культуры. На основе анализа материалов статистико-этнографического обследования сельского населения, проведенного в Мордовской АССР в середине 1980-х гг., он выделил следующие компоненты этнической культуры, ряд из которых характеризует качественную системную определенность этноса в функциональном аспекте.

Языковая компонента, включающая степень владения родным языком, русским языком и языком представителей тех народов, которые находятся в непосредственном интенсивном контакте с представителем того или иного этноса, языковые ориентации индивидов, их языковое поведение в различных сферах общения.

Компонента материальной культуры, включающая степень знания и применения традиционной одежды, меру знания и частоту употребления национальных блюд, характер функционирования традиционных и современных форм материально-вещной среды.

Обрядовая компонента, раскрывающая уровень знания и распространения традиционных обрядов.

Фольклорная компонента, состоящая из этнокультурных характеристик, раскрывающих степень знания и распространенность произведений народного фольклора.

Компонента профессиональной культуры, отражающая круг чтения художественной литературы и прессы и предпочтения в области профессиональной музыки.

Этнопсихологическая компонента, включающая интенсивность внутриэтнических связей респондентов, а также выбор установок относительно межнационального общения [4].

Марийский этнограф Т. А. Молотова, анализируя традиционные народные элементы культуры марийского народа, определяет следующие культурные маркеры, которые также, хотя и с необходимыми коррективами, можно рассматривать в качестве показателей этнического поведения: приверженность традиционным верованиям, наличие в собственности и практическое использование народной одежды и украшений, использование традиционных форм застроек и плани-

ровки усадьбы (в сельской местности), сохранение особенностей домашнего интерьера, приготовление и употребление национальных блюд, соблюдение (хотя бы и в модернизированной форме) свадебных, похоронно-поминальных и других традиций и обрядов [5].

Приверженность национальному костюму, регулярное соблюдение традиционных обрядов, сохранение этнического быта и т. д. – весь этот комплекс поведенческих процессов и формирует своеобразие этнического поведения той или иной этнической общности, является индикаторами, составляющими в совокупности показатель этнического поведения.

В традиционном обществе социальное поведение определяется характерными для него и устоявшимися веками стереотипами. Правила поведения передаются из поколения в поколение практически в неизменном виде, выступая в качестве основы социальной стабильности, «фундамента» социума. Однако приверженность традиции и жизнедеятельность человека, выстраивающаяся на ее основе, носит в таком обществе преимущественно нерациональный характер. Культурные маркеры безусловно признаются и почитаются всеми или большинством, приобретают облик «раз и навсегда данных», неизменных и не трансформируемых фетишей и образов поведения.

В то же время многие интенсивные и широкомасштабные социальные процессы унифицируют современное общество и вынужденно отодвигают названные показатели на второй план. Так, практически во всем мире культура сегодня переживает процесс перехода от традиционализма к модернизму, сочетающийся с появлением элементов постмодернизма. Массы людей, принадлежащих к разным этносам, придерживаются одних и тех же веяний моды, предпочитают одни и те же телепередачи, одну и ту же музыку, имеют сходные гастрономические пристрастия и т. д. Отмирают одни, воссоздаются и возникают другие праздничные традиции и обряды. С установлением индустриальных отношений и переходом к постиндустриальной эпохе, с их спецификой экономической структуры общества, начала и продолжает исчезать складывавшаяся тысячелетиями специфика хозяйственно-экономической деятельности этносов. Унифицируются быт, семейные отношения и т. п. «Бытовавшие много веков традиции и обычаи, – пишет один из исследователей этой проблемы, – ...используются и расцениваются в современном обществе рефлексивно. Для современного трансформирующегося общества характерной чертой является процесс индивидуализации. ...Соответственно, человек приобретает все большую самостоятельность в осуществлении своего выбора, в формирова-

нии своей идентичности и биографии» [6]. Все названные процессы снижают значимость ряда компонент этнической культуры и этнического поведения или вовсе исключают их как элементы этнического поведения если не всех, то большинства представителей народа.

Важнейшими процессами, унифицирующими составляющие «этнического поведения», являются глобализация и урбанизация. Меняются образ жизни, образцы поведения людей. «Повседневная жизнь человека, – справедливо указывают А. А. Возьмитель и Г. И. Осадчая, – более не является проявлением тотальной зависимости от господствующих институтов и структур, а образует достаточно автономные пласты обыденной жизни, конгломерат или систему, определенное сочетание “жизненных миров”» [7]. Прежде далекие и экзотические для представителей того или иного этноса элементы образа жизни становятся будничными и привычными и воспринимаются как «свои».

Город в свою очередь также создал свой уклад, свои традиции, свою урбанизированную культуру. Они оторваны от сельских, как правило, коренных в этническом плане социальных ценностей и норм, да и следование им при всем желании человека в урбанизированной среде зачастую просто невозможно. Многие национальные традиционные обряды (обрядовая компонента) привязаны исключительно к природным, т. е. сельским ландшафтам, к сельскому подворью (см. табл. 1); некоторые национальные традиционные блюда (один из элементов компоненты материальной культуры) нельзя приготовить в условиях городской квартиры, городской кухни (см. табл. 2, 3); униформа и так называемый дресс-код отрицают использование даже отдельных элементов национальной одежды (еще один элемент компоненты материальной культуры, см. табл. 4) и т. д. Теряют (и во многом уже потеряли как в городе, так и в сельской местности) свои прежние этноинтегрирующее и этнодифференцирующее значение и компоненты народной (фольклорной) и профессиональной культуры (см. табл. 5) (в табл. 1–5 представлены результаты исследования «Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл», проведенного в регионе в 2006 г. сотрудниками МарГУ и МарНИИЯЛИ (n – 1588 человек).

Таблица 1

Соблюдаете ли вы традиционные обряды своего народа в семье?

Да, постоянно	18,9
Да, но только по определенным событиям	55,9
Нет	24,6
Не ответили	0,6

Таблица 2

Готовите (или покупаете) ли вы или члены вашей семьи по праздникам блюда национальной кухни своего народа? (можно отметить несколько вариантов)

Готовим обязательно	39,7
Покупаем обязательно	6,5
Готовим иногда	40,6
Покупаем иногда	17,2
Нет	12,9

Таблица 3

Готовите (или покупаете) ли вы или члены вашей семьи и в будни блюда национальной кухни своего народа? (можно отметить несколько вариантов)

Готовим обязательно	24,8
Покупаем обязательно	4,7
Готовим иногда	49,2
Покупаем иногда	16,8
Нет	16,7

Таблица 4

Носите ли вы свою национальную одежду?

Нет, не ношу	82,2
Ношу только в праздники	12,3
Ношу и в будни, и по праздникам	1,9
Другое	2,1
Не ответили	1,5

Таблица 5

Интересуетесь ли вы историей и культурой своего народа?

Очень интересуюсь	10,8
Интересуюсь	48,6
Не очень интересуюсь	32,1
Совсем не интересуюсь	8,5

Приведенные в таблицах данные характеризуют этническое поведение не только городского, но и сельского населения, что свидетельствует о модернистской унификации поведения не только «максимально модернизированных» горожан, но и «менее модернизированных» сельских жителей.

В то же время утрата этнической культуры затрагивает, в первую очередь, конечно же, поведение горожан. Городская культура отвергает культуру сельскую, городской образ жизни – сельский. Зачастую уже во втором поколении многие представители этноса – потомки мигран-

тов – всецело воспринимают городскую урбанизированную культуру. Означает ли это, что они перестают быть полноправными представителями своего этноса? Конечно, нет. Но как это зафиксировать на эмпирическом уровне? На наш взгляд, в таких условиях ведущим показателем поведенческого аспекта этнического статуса может стать *владение языком этноса, с которым индивид связан происхождением и (или) идентификацией*. Ведь говорить на родном языке с представителями своего народа можно как в своей стране, в своем регионе, так и за их пределами, в деревне и в городе.

Возникает закономерный вопрос: почему не сам факт использования родного языка, а лишь языковую компетентность мы рассматриваем в качестве показателя этнического поведения? С одной стороны, возникновение полиэтничных сообществ нередко исключает возможность использования родного языка в повседневном общении (в тех случаях, когда индивид попадает в исключительно иноэтничную и иноязычную среду). Но этот факт не исключает его основной этнической принадлежности и идентификации. С другой – степень, глубина владения языком влияет на языковое поведение: чем лучше индивид знает определенный, в том числе родной, язык, тем шире пользуется им: владение языком всецело определяет языковое поведение. Язык тесно связан с двумя вышеназванными составляющими этнического статуса – происхождением и самоидентификацией – и выступает как раз в качестве индикатора реальности этнического статуса.

Именно язык дает наиболее конкретное представление об общих истоках происхождения народа и об этническом родстве соответствующих народов. Ведь исторически языковая и этническая принадлежность часто совпадают, что, конечно, не исключает факт смены языка, утраты исконного и принятия языка другого этноса в качестве языка повседневного общения, «родного», как это произошло, например, в истории шотландского этноса и происходит ныне у ирландского.

Языковая компонента этнической культуры и поведения не может анализироваться и в отрыве от этнопсихологической компоненты, детерминирующей, в частности, круг, а следовательно, и язык общения. Этносоциологические исследования, проводившиеся на протяжении уже не одного десятилетия в нашей стране и за рубежом с целью изучения идентичности и культуры, фиксировали факт наибольшего значения языка как этнического идентификатора. Язык является не только средством общения, но и консолидирующим психологическим фактором этноса. По мнению исследователей данного феномена, «понятие «родной язык», использовавшееся во всеобщих переписях, больше отражало не реальное

языковое поведение, а именно представление о нем как языке «своей» этнической общности, т. е. как элементе этнического самосознания» [8]. «Согласно известной теории Сепира – Уорфа, – напоминает Ю. Г. Волков, – специфика языка формирует особенности мышления людей, на этом языке говорящих. Анализируя язык, его словарный запас, лингвистические структуры, исследователи приходят к пониманию особенностей этнического менталитета, который, в свою очередь, сказывается в социальном поведении членов данной этнической группы» [9]. С языковой жизнью общества тесно связано не только этническое сознание, но и поведенческие аспекты жизни как традиционного общества, где в языке выражаются народные обычаи, верования, ритуалы, обряды, так и современного общества, модернизацию жизнедеятельности которого он отражает.

Примечания

1. Волков Ю. Г. Социология / под общ. ред. В. И. Добренкова. Ростов н/Д, 2005. С. 198–199.
2. Волков Ю. Г. Указ. соч. С. 201.
3. Lehtinen I. Globalization and Traditional Culture. Everyday Life as Collective Memory // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов: Ч. 1. Йошкар-Ола, 2005. С. 125.
4. Вавилин В. Ф. Оценка факторов и условий функционирования компонент этнической культуры // Социол. исслед. 1993. № 1. С. 94.
5. Молотова Т. А. Традиционные доминанты в современном сельском быту марийцев // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI регион. науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002; Молотова Т. А. Этноидентификационные особенности современной культуры марийцев // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
6. Валеев Б. Ф. Традиции, обычаи и ритуалы в языковой жизни традиционного и современного общества: к постановке проблемы // Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков Республики Татарстан: сб. науч. ст. / М. З. Закиев, Я. З. Гарипов, З. А. Исакова и др. Казань, 2007. С. 198–199.
7. Возьмитель А. А., Осадчая Г. И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социол. исслед. 2009. № 8. С. 60.
8. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов. М., 1999. С. 154.
9. Волков Ю. Г. Указ. соч. С. 468–469.

УДК 316.733

Н. В. Шангин

ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИИ И АДАПТАЦИЯ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются изменения, которые претерпевают религии в современном глобализованном мире. Показано отношение различных религий к данному процессу. Выводятся принципы внутренней организации религий, способствующие большему успеху в привлечении адептов в современных условиях.

Changes that religions experience in the modern world of globalization are explored in the article. Attitude of different religions toward this process is demonstrated. The author formulates the principles of internal organization of religions that contribute to a greater success in bringing in new adherents in modern circumstances.

Ключевые слова: глобализация, религии, религиозный рынок, религиозная свобода.

Keywords: globalization, religions, religious market, religious freedom.

Глобализация стала процессом, реально объединяющим весь мир и, на данный момент, выглядит необратимой. Для того чтобы понять перспективы религии вообще и ее конкретных проявлений в виде различных религиозных организаций, следует сначала посмотреть, чем характеризуется глобализация, каковы ее специфические черты, что нового она привносит в мир, а что под ее воздействием разрушается. Несмотря на самые различные трактовки глобализации [1] можно выделить следующие её ключевые характеристики. В первую очередь это все большая экономическая, политическая и культурная взаимосвязанность отдельных стран. Кроме этого необходимо отметить стирание культурных границ, объединение мира в рамках капитализма и либерализма, а также актуализация вопроса о правах человека и базовых ценностях общества.

В этих условиях все социальные институты вынуждены каким-либо образом реагировать на изменения, происходящие в мире и в конкретной стране. Не является исключением и религия. На данный момент существует три точки зрения на то, какой станет общая религиозная картина мира. Это концепция секулярного общества, концепция «столкновения цивилизаций», а также концепция “multiple modernities” [2]. В данной работе мы сфокусируем свое внимание на другой стороне воздействия глобализации на религию. На наш взгляд, под воздействием глобализации изменяется религиозность людей и в ответ на это меняются конкретные религии – изменяется их

организационная структура, догматы, социальные практики, взаимоотношения с другими социальными институтами. Этим трансформациям и посвящена работа. Мы рассмотрим процессы, общие для религиозной картины в целом, после этого обратимся к реакциям со стороны разных религий на глобализацию и постараемся выявить причины разнообразия этих реакций.

Что же действительно нового несет глобализация в мир религии, развитию каких процессов и каких явлений она дает жизнь?

Главным является появление «религиозного рынка». При актуализации права на свободу совести и вероисповедания человек может сам выбрать религию, которая наиболее соответствует его воззрениям и мироощущению. Соответственно уходит понятие канонической территории (этот термин играет большую роль в обсуждении проблемы миссионерства между РПЦ МП и представителями других религий) [3] и наступает отказ от этноконфессиональности в прежнем смысле этого слова. Религия может сохранять свое главенствующее положение на религиозном поле, но случится это не столько потому, что такова была вера предков, а благодаря сознательному выбору граждан [4]. Следует отметить, что «наследственность» в принятии религии (то есть принятие той или иной религии из-за того, что вся семья человека ее придерживается) не исчезает, но появляется добровольная альтернатива такому способу принятия религии.

Кроме того, происходит изменение понятия идентичности. Если раньше идентичность во многом определялась этнической принадлежностью, то сейчас на первый план выходит этическая идентичность – родство взглядов, убеждений [5].

Обращает на себя внимание снижение роли государства в вопросах религии. В ряде стран (в их числе и Россия) отношения между государством и основной религией сложились в формате взаимной поддержки – господствующая церковь легитимирует государство и его власть над подданными, а государство в свою очередь защищает церковь от вторжения на ее «каноническую территорию» других религий либо препятствует их распространению за определенные рамки (зачастую этнические). В новых условиях роль государства ограничивается созданием равных условий для всех религий и невмешательством в их дела. (Хотя существуют ситуации, когда государство вмешивается в дела религии и может даже запретить деятельность какой-либо религиозной организации. Особенно часто это касается представителей новых религиозных движений и сект. Нередко подобного рода преследования носят политический характер, как, например, в Китае в инциденте с сектой Falun Gong [6].)

Помимо этого в условиях глобализации культуры становятся в отношении доноров и реципиентов. Каждая культура, контактируя с другими, вбирает в себя элементы данной культуры, и это не особенность только современности. Особенность современной ситуации состоит во все большей интенсификации и все большем количестве таких контактов. В этих условиях взаимовлияние не только усиливается, но и становится крайне неравномерным. Одной из культур-доноров современности можно считать индийскую культуру. Ее влияние в мире растет, как растет и популярность различных индийских верований и философских школ. (Наиболее ярким примером служат распространенные центры йоги, которые делая упор на физическую сторону упражнений, тем не менее могут служить стимулом для более глубокого изучения данной философской системы, а также и культуры Индии.)

Важным явлением становится разделение верующих в рамках каждой из религий на «архаическое ядро» и «неофитов». Под «архаическим ядром» следует понимать последователей немодернизированных верований, обычно представителей исторических очагов той или иной религии. Под группой «неофитов» – людей, принявших то или иное верование посредством новооткрывшихся религиозных центров, преломивших верование через призму своих взглядов и своей культуры. Это связано с появлением нового пути появления религии в данном регионе – «западный транзит», когда верование, которое исторически исповедует определенная группа людей в данном регионе, появляется там вновь после посещения каким-либо человеком страны, где это верование является господствующим. Соприкоснувшись с другой культурой, человек проникся ее идеями и создает у себя дома общину. Отношения между этими группами весьма своеобразны, но формально и те и другие считаются адептами того или иного верования (см. [7], где данная проблема рассматривается на примере буддизма.) Это также делает возможным складывание «глобальных религий», свободных от конкретных культурных традиций страны-родительницы.

Кроме перечисленного в условиях глобализации могут получить новую жизнь тайные и эзотерические верования. В этом отношении показательна судьба зороастризма в России. Дело в том, что ортодоксальной формой данного верования является маздаизм (или парсизм). Зерванизм отделился от маздаизма во времена поздних Сасанидов и с тех пор был тайным учением. В Россию он попал в XIX в., но первая община была организована в 90-х гг. Павлом Глобой и стала главным представителем зороастризма в России [8].

Новым представляется появление верующих-одиночек, которые не принадлежат ни к одной общине, но придерживаются той или иной религии. При этом они могут никогда не контактировать с представителями данной религии, но неукоснительно следовать индивидуальным обрядам и практикам [9]. Это стало возможным благодаря развитию средств коммуникации, книгопечатной продукции.

Необходимо также отметить, что в условиях глобализации и актуализировавшегося вопроса о правах человека поднимается вопрос о приоритетности земного мира и загробного. И в условиях свободы вероисповедания и возможности принятия новой веры наибольшего успеха добиваются религии, которые переносят награду за богоугодную жизнь из загробного мира в мир земной [10].

Принципиальным отличием от предыдущего времени представляется повышение роли женщин, что вызвано влиянием женской эмансипации и положением женщины в современном мире, игнорировать которое многим религиям становится все труднее.

Какие основные изменения претерпевают религии? Ответ на этот вопрос различен для каждой религии, и зависит он в первую очередь от реакции на глобализацию. Все варианты реакции можно разделить на три типа: согласие, протест, игнорирование [11]. Но игнорирование не может долго продолжаться, поэтому основных реакций две – согласие или протест (естественно, что подобное упрощение возможно лишь в теоретических построениях, а на практике вариации внутри группы очень существенны). Соответственно религии можно поделить на три группы. Первые – это согласные и поддерживающие глобализацию: протестантизм. Вторые – это согласные с глобализацией как с неизбежным процессом, но предъявляющие к ней некоторые претензии и желающие внести свои коррективы: католичество. И, наконец, протестующие против глобализации, к ним следует отнести мусульманство и православие.

Следует отметить, что антиглобалистский дискурс неоднороден, а состоит из четырех частей: «дискурс идентичности» (охранительное стремление удержать замкнутые системы народной религиозности), «дискурс секулярности» (глобализация воспринимается как безрелигиозная идеология, которая чужда религии по определению), «дискурс справедливости» (социальная критика разделения стран в процессе глобализации на развитые страны и аутсайдеров, а также углубление разрыва между ними), «антизападный дискурс» (критика стереотипа западной культуры как воплощения материализма и рационализма). Все эти дискурсы созвучны и тесно переплетены

[12]. Так, например, «антизападный дискурс» обычно связан с «дискурсом идентичности», а «дискурс справедливости» – с «дискурсом секулярности».

Некоторые трудности возникают при отнесении к какой-либо из этих групп современного язычества, в котором существует большое количество течений и групп, а ответы этих групп представляют весь спектр отношения к глобализации. Но и внутри этих, казалось бы, наиболее замкнутых в своей этнической группе культов существуют сторонники глобализации. Это связано с изменением понятия идентичности, характерного для современности, а также с восприятием процесса глобализации, характерного для данной группы. (Восприятие глобализации как естественного процесса благоприятствует развитию положительного отношения к глобализации [13].)

Необходимо также учитывать, что религии, занимающие антиглобалистские позиции, могут пользоваться политикой двойного стандарта: в пределах страны, где они занимают господствующее положение на религиозном поле, они выступают с оборонительных позиций и используют традиционалистскую риторику, а за пределами этих стран возможна агрессивно-напористая позиция с привлечением либеральной риторики и апелляции к правам человека, в частности к свободе совести и вероисповедания [14]. Такой защитный механизм характерен для «не-западных» обществ, чувствующих себя слабыми по отношению к «западным» обществам, и такая позиция в религиозной сфере есть лишь частное проявление общей ситуации в культуре [15]. Подобная политика внутренне противоречива и не может долго продолжаться.

Причины занятия той или иной позиции относительно глобализации у каждой религии свои. Например, одной из причин отрицания глобализации со стороны исламских фундаменталистов выступает неприятие «вестернизации» и нежелание изменять свой образ жизни [16]. Но не последнюю роль играет умение и возможность действовать в новых условиях. Пример РПЦ МП показывает, что неспособность к действиям в условиях религиозной свободы (что вызвано как общим ослаблением церкви во времена коммунистического правления, так и некоторыми системными особенностями) вызывает резкое отторжение реальности. Можно выделить несколько важных моментов, которые обуславливают подготовленность к действиям (миссионерским и социальным) в условиях глобализации. К ним можно отнести гибкость основных положений вероучения, организационную структуру типа «транснациональная сеть», финансовую независимость местных отделений от центральной организации (в случае наличия таковой), готовность к преоб-

разованиям, подготовленность миссионеров к культурным, социальным и политическим условиям тех мест, где они будут вести проповедь. На всех этих моментах следует остановиться подробнее.

Под гибкостью основных положений верования подразумевается не то, что они могут принципиально меняться в зависимости от ситуации, но то, что их достаточно легко адаптировать для любого слушателя без потери смыслового содержания. Безусловно, что при любой миссионерской работе из-за необходимости адаптации для неподготовленных слушателей происходит некоторое упрощение и искажение положений верования. Но основные положения остаются неприкосновенными и понимаемыми всеми, что обеспечивает общность верующих.

Организационная структура типа «транснациональная сеть», характерная для некоторых религий (в первую очередь для буддизма и индуизма), обеспечивает наибольшую гибкость и наибольшую автономию для региональных представительств религий. Особенность данной структуры состоит в отсутствии единого руководящего центра, который диктует своим представителям правила и нормы поведения и миссионерской, а также социальной работы. Возникающие проблемы небольшого масштаба организации решают самостоятельно, а для обсуждения и решения более серьезных проблем существуют конференции, съезды. Это позволяет проповедникам и лидерам организаций быть более самостоятельными и свободными в принятии решений и повседневных практиках.

Финансовая независимость местных отделений от центральной организации служит обеспечением самостоятельности данных отделений. При создании новой общины организация помогает как материально, так и советами, связями и специалистами. Но организация должна сама стремиться превратиться в самокупаемую для того, чтобы продолжить миссионерскую работу. Мало того, если центральная организация не из данного региона, то присланные специалисты находятся в новом отделении до того момента, когда найдется местный преемник.

Готовность к преобразованиям подразумевает постоянный диалог с соседними культурами и постоянную возможность обновления и улучшения положений веры. Открытость переменам позволяет стремительно реагировать на новые вызовы современности и предлагать свои ответы на злободневные вопросы, которыми богата эпоха глобализации. (Среди них помимо уже упоминавшегося вопроса о правах человека вопросы биоэтики, искусственного разума, права меньшинств, вопросы экуменизма и т. д.) Религии, не способные дать ответ и высказать свое мнение

по любому подобному вопросу (или игнорирующие его), в условиях «религиозного рынка» проигрывают своим конкурентам, которые более активны в данной сфере.

Среди организационных аспектов самая важная составляющая – подготовленность миссионеров к культурным, социальным и политическим условиям тех мест, где они будут вести проповедь. Миссионер должен четко представлять себе, что за страна или регион отведены ему для его работы. Культурное пространство может завоевать лишь тот, кто достаточно силен (в плане материальном), приходит первым и несет наиболее прагматическое послание жителям данного региона [16]. А для этого необходимо знать потребности и культуру «страны-реципиента». Сюда же следует добавить и подготовленность священников к работе в условиях «религиозного рынка». Лидерам местных общин в первую очередь приходится вести диалог с местными жителями другого вероисповедания, а также сталкиваться с деятельностью религиозных организаций с признаками деструктивного культа. Только высоко осведомленные люди, получившие достаточную теоретическую подготовку и освоившие практические навыки под руководством своих руководителей, способны грамотно вести себя в подобных ситуациях. Обращение человека в ту или иную веру – шаг, который зависит не только от его внутреннего мира, но и от того, как к неопиту отнесутся в религиозной группе, а это, в свою очередь, зависит от того, как руководит общиной религиозный лидер. Многие люди попали в группы с признаками деструктивных культов потому, что в храмах других религий к ним плохо отнеслись, а в этих группах они встретились с тем, что называется «бомбардировка любовью».

Все вышеперечисленные черты характерны в первую очередь для протестантизма, что делает данную религию наиболее активно развивающейся и растущей в современном мире. Религиям, которые не соответствуют данным требованиям времени, предстоит сформулировать свою альтернативную линию поведения и организации, что позволит им не исчезнуть и не стать архаическими в глазах людей. Каждой религии предстоит для сохранения своих позиций осмыслить окружающий мир, свое место в нем и то место, которое они хотят занять с учетом современного положения.

Примечания

1. Глобализация может подразумеваться и как гомогенизация культуры в планетарном масштабе, и как новый уровень сосуществования культур и достижение реального культурного плюрализма.

2. *Casanova J.* Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59. № 2. P. 252–267.

3. Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 235.

4. Berger P. Orthodoxy and Global Pluralism // *Demokratizatsiya*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 440; Коскелло А. Современные языческие религии Евразии: крайности глобализма и антиглобализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН: Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 312.

5. Коскелло А. Указ. соч. С. 300–302.

6. Янь Яньсянь. Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 37–38.

7. Агаджанян А. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН: Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 227–228.

8. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. III / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2005. С. 322.

9. Коскелло А. Указ. соч. С. 301.

10. Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН: Моск. Центр Карнеги, 2009.

11. Berger P. Op. cit. P. 444.

12. Агаджанян А. Указ. соч. С. 231.

13. Коскелло А. Указ. соч. С. 299.

14. Красиков А. Глобализация и православие // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН: Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 75–79.

15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 132–133.

16. Фурман Д. Терроризм – смертельно опасная болезнь роста // Публицистика «нулевых». М.: Летний сад, 2011. С. 143–146.

17. Ковач Я. М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление. Культурная глобализация в Венгрии // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 162.

УДК 316.32

В. В. Тянь

ДИНАМИКА ВЛАСТИ И ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ: НОВЫЕ МОМЕНТЫ

В статье рассматривается динамика власти как фактор социальной мобильности в современном цивилизационном дискурсе. Анализируется взаимозависимость, взаимосвязь и взаимодействие структур в системе «власть – общество». Динамика власти ускоряет процесс социальной мобильности, а также горизонтальной, вертикальной мобильности.

В современном обществе появление новых социальных групп и слоев, формирование среднего класса обусловлены реформами, проводимыми властью. Структурные преобразования общества и власти являются доминантами в российском политическом дискурсе.

The article considers the dynamics of power as a factor of social mobility in modern civilization discourse. Interdependence, interrelation and interaction of structures in the “power-society” system are analyzed. The dynamics of power accelerates the process of social mobility, including horizontal and vertical mobility.

In the modern society, the emergence of new social groups and layers and the middle class formation are caused by the reforms carried out by the government. Structural transformations of the society and the power are dominating in Russian political discourse.

Ключевые слова: динамика власти, социальная мобильность, средний класс, структурное преобразование, эволюция.

Keywords: dynamics of the power, social mobility, middle class, structural transformation, evolution.

О динамике власти – истории власти от пархальной до авторитарной и от старейшинства до демократии – есть устоявшееся мнение: она является индикатором эволюционных процессов в обществе. Но есть все основания полагать, что суть эволюции власти (преобразование её структуры, а также видоизменение) в политическом дискурсе-диалоге и парадигме социальной коммуникации представляет собой одновременно процесс и результат, отражающие новые характеристики власти и динамику развития общества. Развитие системы «власть – общество» предопределено взаимодействием её элементов. Как известно, в 70-е гг. XX в. Т. Парсонс представлял политическую жизнь в виде системы, где все политические элементы образуют функциональные взаимосвязи [1]. Власть в политической системе выполняет самую главную функцию – организующую. Т. Парсонс подчеркивал: «...модальности объектов выступают как области зарождения изменений. Поэтому я буду постулировать изме-

нения в отношении социальной системы к её окружению, которое сначала выражается в изменении определения ситуации одним или несколькими классами действующих внутри единиц и которое затем начинает оказывать давление на нормативные институциональные стандарты в сторону их изменения. Этот описываемый мной тип давления связан с дифференциацией» [2]. Но власть как социальный (политический) институт на начальном этапе демократизации общества сохраняет черты традиционализма, при зрелой демократии (гражданское общество, социальный лифт, политический плюрализм) вступает в цивилизационный дискурс.

Динамика власти является фактором социальной мобильности в условиях модернизации общества, но в то же время она представляет собой изменение, ход, развитие власти, давая импульс модернизации общества. Эта проблема актуализировалась с окончанием «холодной войны», которая началась спустя год после окончания Второй мировой войны и завершилась в 1989 г., вызвав глобальную волну социально-политических процессов.

На динамику власти влияют ряд субъективных и объективных факторов. Поистине: «То, что называют установлением демократии, есть, собственно, переход законной Власти к новым держателям или, если угодно, захват Града Повелевания новыми хозяевами. Власть оказалась в обществе более одинокой и, следовательно, более могущественной» [3], по утверждению Б. Жувенеля, опиравшегося на западную теорию коммуникации. Но подобное случается в закрытом обществе, где сильны традиционные устои. Поскольку власть функционирует в системе «власть – общество», то фактором её динамики является социальная коммуникация, которая обуславливается характером власти. «Следовательно, в период, когда мы делаем рискованный переход от массовой к мозаичной демократии, можно ожидать обострение борьбы между политиками и бюрократами за управление системой» [4], – утверждает Э. Тоффлер.

Социальная динамика придает власти динамизм. Динамика власти и процесс социальной мобильности в современной цивилизационной парадигме взаимосвязаны.

С окончанием «холодной войны» перед многими странами бывшего соцлагеря и бывшего Советского Союза открылись реальные и дальние перспективы демократического развития. Власти придан заряд динамизма.

Волна демократизации вызвала в закрытых обществах социальную активность. Происходила структуризация общества, возникла социальная мобильность. Новая власть в Польше, объединение двух германских государств с со-

хранением демократических институтов, обновление власти в других восточно-европейских государствах отражало волну демократизации. Формирование новых социальных групп объективно создавало почву для эволюции власти.

Следует отметить, что социальная группа была обеспокоена своей идентичностью. Этим объясняется существование социальной клаузулы (лат. *clausula* – заключение) [5] – создание социальных барьеров и перегородок, ограничение доступа в другую группу либо замыкание группы в самой себе. (Социальная клаузула одновременно обозначает процесс и результат.) В то же время происходит ломка, устранение и даже слом этих барьеров и перегородок, связанные с появлением нового социального актора, который с обретением профессионализма требует от власти фиксации его нового социального статуса, для чего готов вступить в диалог или «выяснить отношения» с властью.

Социальный актор из «дальней периферии» не помышляет об изменении своего положения в обществе, отличается адаптивностью своего поведения. Считается, демократическая власть – динамичная, т. е. происходит регулярное обновление, циркуляция элит, в нее вливается часть от вновь сформировавшихся социальных групп.

Со времен О. Конта, впервые обратившего внимание на социальную динамику (первая половина XIX в.), до исследований П. А. Сорокина в начале XX в. (социальное пространство, социальная мобильность, социальная стратификация, социальный «лифт») прослеживается традиция рассмотрения этих проблем в цивилизационном дискурсе. П. А. Сорокин рассматривает социокультурную динамику в парадигме эволюционизма, хотя становится очевидным, что надо изучать ее и в политическом дискурсе. Можно с уверенностью сказать, социальная мобильность – это важная характеристика общества, показатель степени его открытости. В открытом обществе высоко ценится достигнутый статус и существуют относительно широкие возможности для перемещения групп из одной социальной в другую. Закрытое же общество оказывает предпочтение предписанному статусу и всячески затрудняет переход из одного социального слоя в другой.

Уровень развития общества определяется такими параметрами, как социальная мобильность, минимальная закупоренность социального лифта, отсутствие социальной стратификации. При отсутствии сказанного можно говорить об общественно-политическом кризисе и в первую очередь о кризисе власти, отставшей от общества в развитии, опиравшейся на старую социальную базу, которая закрепила её позиции, и при этом не обеспокоилась расширением социальной базы. П. Сорокин утверждает: «Предметом данной ра-

боты является социальная мобильность, то есть явление перемещения индивида внутри социального пространства» [6]. Да, социальная мобильность – это перемещение групп или индивидов в социальной структуре общества, изменение их статуса, как и трактуется в учебниках, монографиях, энциклопедических словарях.

В современном обществе продолжается процесс вертикальной социальной мобильности: движение вверх, то есть восходящая мобильность, или вниз – нисходящая мобильность в соответствии с социально-экономической шкалой, что связано с изменением места в социальной иерархии.

Динамика власти и процесс социальной мобильности являются факторами трансформации общества в современных условиях. В традиционных обществах процесс горизонтальной мобильности, по данным многих исследований, в основном сводился к географическому перемещению между регионами или изменению позиций на одном социально-экономическом уровне, без обретения нового статуса. Горизонтальная мобильность не меняла сложившуюся структуру общества, лишь вносила коррективы относительно численности социальных слоев и групп.

В переходном обществе активизируется межпоколенная мобильность, т. е. сравнительное изменение социального статуса у различных поколений (в России в период правления имп. Александра III дети крестьян могли поступить в сельскохозяйственные и технические институты и стать агрономами, инженерами. Но, как известно, доступ в университеты (выпускники получали дворянство и право на государственную службу) представителям неимущих классов был самодержавной властью затруднен из опасения размыва кастовости и элитарности). Но и внутриспоколенная мобильность, т. е. изменение статуса в рамках одного поколения, предопределена не только самой личностью, но и политическим режимом.

Большое значение имеет показатель интенсивности (объем) мобильности – число индивидов, меняющих социальные позиции в вертикальном или горизонтальном направлениях за определенный промежуток времени. Следует отметить, что число таких индивидов в какой-либо социальной общности говорит об абсолютной интенсивности мобильности, а их доля в общей численности данной социальной общности является показателем относительной мобильности.

Следует отметить, процесс мобильности рассматривается во взаимосвязи ее скорости и интенсивности. При этом применяется совокупный индекс мобильности, рассчитанный для данной социальной общности. Появляется возможность для сравнения одного общества с другим по показателям мобильности. Совокупный индекс мобильности, рассчитываемый для экономической,

профессиональной или политической областей деятельности, является ориентиром для трансформации власти. В ряде стран Восточной Европы, в бывших республиках Советского Союза власть не стала чинить препятствия трудовой миграции.

Социальная мобильность может сопровождаться маргинальностью, под которой понимается «пограничное», промежуточное, структурно неопределенное состояние социального субъекта. К маргиналам относятся индивиды и группы, исключенные из системы привычных социальных связей и находящиеся на границах социальных слоев и структур.

Государственные структуры многих стран Европы, США, России и других индустриальных (богатых) стран вынуждены решать сложные проблемы адаптации так называемых этномаргиналов, появившихся в результате миграции в иную этническую среду. Миграционный поток не иссякает, миллионы людей отправляются на заработки, власть вынуждена разрабатывать миграционную политику. У власти часто не хватает ресурсов для социомаргиналов, появляющихся в связи с незавершенностью социального перемещения, что вызывает недовольство. Власть также сталкивается с проблемой обустройства так называемых экономических маргиналов, порожденных потерей работы и материального благополучия. Серьезной для любой власти является проблема социальной реабилитации так называемых биомаргиналов, людей, чье здоровье перестает быть предметом обсуждения. Многие мигранты попадают в группу так называемых религиозных маргиналов, лиц, стоящих вне традиционных конфессий. Обычно это обстоятельство не проходит мимо внимания местных властей. Но особое беспокойство у власти вызывают так называемые политические маргиналы, которые появились, по мнению ряда исследователей, в связи с утратой общепринятых норм и ценностей политической культуры.

Следует отметить, что демократическая власть пытается проводить дифференцированную социальную политику, учитывая, что представители маргинальных групп испытывают психологическое напряжение с утратой своей социальной идентичности, что губительно действует на их самосознание.

Динамика власти и процесс социальной мобильности с особенностями и сложностями её проявления в цивилизационной парадигме характерны для постсоветской России.

В России с 90-х гг. XX в. усилился процесс социальной мобильности. Жители районов Дальнего Востока России перемещаются в центральные регионы страны. Переехали 20% населения указанного региона. В основном – это горизонтальная мобильность. Произошел отток населе-

ния из Карелии, Крайнего Севера и др. Причин много. Отсутствие внятной региональной политики. Сельская молодежь уезжает на учебу в города, и большинство её после получения профессионального образования остается в городах. Не только профессиональное образование, но и улучшение материального положения являются причинами социальной мобильности, оказывающей существенное влияние на трансформацию социальной системы общества. Правительство России прилагает достаточно большие усилия по развитию указанных регионов, уже приступив к реализации соответствующей государственной программы. Ожидается приток трудоспособного населения..

Вертикальная мобильность – формирование среднего класса. Ряд исследователей утверждают, что в российском обществе происходят структурные изменения – столыпинская переселенческая политика, переезд жителей центральных районов в районы освоения целинных и залежных земель в 50-х гг. XX в. Последний пример рассматривается в категории структурной мобильности. Но последняя обусловлена изменениями в структуре экономики и происходит помимо воли и сознания отдельных индивидов.

Таким образом, есть разные пути, по которым происходят перемещения людей из одних социальных групп в другие, их называют каналами социальной мобильности, или социальными «лифтами» (П. А. Сорокин). К ним относятся социальный статус семьи; получение образования; физические и умственные способности индивидуума, внешние данные человека; получение воспитания; смена места жительства; армейская служба; вступление в брак.

На групповую мобильность оказывают воздействие социальные революции, иностранные интервенции, межгосударственные и гражданские войны, военные перевороты, смена политических режимов, создание новых государственных образований. Для количественной оценки процессов социальной мобильности обычно используют показатели ее скорости и интенсивности. Политические, экономические и социокультурные переменные, происходящие в российском обществе, создают условия для активизации модернизационных процессов. Как известно, в свое время П. А. Сорокин увязывал социокультурную динамику с эволюционными процессами в обществе [7].

Появление среднего класса – реальность, и во многом благодаря переменам, происходящим во власти. Россия встала на демократический путь развития, прямым всенародным голосованием был избран президент страны. Но функционировал Верховный Совет РСФСР, получивший большие полномочия. Демократические преобразования проходили с трудностями, пробуксовывали, что

усугубляло социальное положение граждан в обществе. При этом возникали новые отношения, но общественное сознание не могло быстро измениться. Сказывались привязанность к предпринятию, но заводы закрывались, люди вынуждены были искать новое место работы или начинали заниматься предпринимательством. Но для этого необходимы были определенные средства. Власть имела ограниченные возможности для оказания материальной помощи предпринимательству. К тому же власть была раздвоена. Президент России и Верховный Совет по-разному представляли модель развития. Болезненными были структурные преобразования в обществе.

Эффективность управления социальными процессами выражается в гармонизации социальных отношений. Демократические реформы проводились молодыми реформаторами при отсутствии надлежащей социальной базы. В то же время было положено начало переструктурированию российского общества. Предпринимательство, фермерство, частная собственность, рыночная экономика приобретали реальные очертания на фоне острейшего политического противостояния исполнительной и законодательной власти. Но социальная мобильность еще не имела положительной динамики. Нерентабельные предприятия объявлялись банкротами, люди через биржу труда восстанавливали свой социальный статус, росло число маргинальных групп.

В каком направлении трансформировалось общество? Уже в конце 1992 г. перед Б. Н. Ельциным встала дилемма, сопутствующая всем реформаторам: откат и сохранение ресурса власти или продолжение реформ и процедура импичмента президенту. Следует отметить, достаточно быстрый переход на рыночную экономику способствовал быстрому формированию среднего класса, который количественно не являлся таковым, да и по самосознанию не отличался от остальных социальных образований.

«Так, во всех группах работающих россиян, как и в среднем классе, более 90% из них хотели бы создать счастливую семью, заниматься любимым делом, воспитывать детей, жить не хуже других, иметь надежных друзей и интересную работу и при этом честно прожить свою жизнь» [8], – пишут Н. Е. Тихонова и С. В. Мареева. Далее они подчеркивают: «Однако есть позиции, где между средним классом и социальными слоями наблюдаются заметные различия» [9].

Представители среднего класса хотят большей свободы в экономической деятельности, избавиться от произвола чиновников.

Можно согласиться и со следующим выводом: «Таким образом, социальное происхождение не только способствовало формированию у представителей среднего класса соответствующих

мотиваций, но и давало изначально иные стартовые условия для более успешной их реализации» [10].

Приведем интересное наблюдение. Обращая внимание на внутреннюю структуру «дальней периферии», авторы пишут: «Но мы считаем необходимым обратить специальное внимание на сам факт ее внутренней неоднородности, как и на возможность пребывания части представителей структурных позиций, характерных для среднего класса, в составе низшего класса» [11]. Как видим, на практике в чистом виде вертикальную социальную мобильность обнаружить нелегко. Чувство справедливости уравнивается чувством реальности у большинства людей, материально обеспеченных, но живущих, по их убеждению, в эпоху перемен.

В копилку опыта социальных преобразований включены и реформы Нового времени, от реформы Елизаветы Тюдор до реформы Егора Гайдара. Великие и малые, успешные и половинчатые, они имели позитивный тренд, вошли в цивилизационный контекст. Одна особенность: ни одна реформа не была доведена до конца. Анализ показывает, что основанная причина – нерешительность власти, запоздалость реформ. Нерешительность власти обусловлена субъективными и объективными причинами. Процесс социальной мобильности вышел из-под контроля власти, новые социальные группы добились определенного уровня самоорганизации. Фактически отсутствовала коммуникация с новыми социальными слоями актора. Власть не меняла своих позиций. Процесс внутривозрастной мобильности, приобретая вертикальный характер, мог вызвать социальную напряженность при дихотомии власти в условиях реформ.

Динамика власти и социальная мобильность в отечественном дискурсе активизирована с начала 90-х гг. XX в. с переходом страны на рыночные отношения и демократизацией общества. Перемены во властной элите вне социальной коммуникации, вызванные в основном внутренними причинами, поначалу привлекли внимание отдельных граждан. Общество ожидало перемен, демократические преобразования проходили при политическом лидерстве второго эшелона элиты.

Надо сказать, Б. Н. Ельцин и его молодая команда реформаторов вывели страну на демократический путь развития, делая все, чтобы иерархическая конструкция власти стала невозможной. Трудности у младореформаторов возникали из-за слабости социальной базы. Но рыночные отношения помогли населению побороть дефицит, хотя столкнулись с тем, что вновь: конкурентоспособности в экономике. Многие почувствовали себя обманутыми и болезненно воспринимали все шаги демократической власти. Пер-

вые инвективы против младореформаторов посыпались уже летом 1992 г. Однако рыночные отношения активизировали социальную мобильность. Формировалась новая социальная группа, которая приняла новые условия жизни. За двадцать лет эта группа сформировалась в средний класс и имеет перспективы продвижения к центру политической жизни российского общества. По мнению социологов и политологов, он ещё по-настоящему не сформировался и находится вне политической вертикали общества. Новое поколение россиян, чье сознание не засорено стереотипами и идеологемами недавнего прошлого, не представлен в органах государственной власти, где первые позиции занимает старшее поколение.

Следует отметить, конфликт интересов приобрел зримые формы, но власть не спешит дать оценку происходящему. Представители крупного бизнеса – новая социальная прослойка. Социальный лифт работает, но избирательно. Издержки развития – отсутствие условий для функционирования механизма коммуникации обратной связи – привело к конфликту интересов. Это не первый случай в отечественном дискурсе. Власть едва поспекает за требованиями этих новых групп, поскольку у нее имеются обязательства перед всем обществом.

То, что социальная мобильность является источником динамики общества, в литературе не подвергается сомнению, но, в частности, переход одного социального слоя на другой, более высокий, уровень принято считать политической вертикалью мобильности. Процесс вертикальной мобильности может достигнуть уровня политической вертикали во многих социальных слоях в контексте демократизации общества. Во власти представлены многие социальные слои, но для перехода от противостояния к равновесию политических сил необходимо появление в обществе и в политической жизни среднего класса. Следовательно, социальная вертикальная мобильность является источником динамики власти.

Эффективность власти проявляется в характере проводимых политических реформ. Зачастую они были половинчатые. Примером могут служить недавние события в Египте, Тунисе, Йемене, свидетельствующие о все более усиливающемся отставании власти от инерционно развивающегося общества. Значительная часть образованной молодежи не у дел. Молодежь, получившая профессиональное образование, пополнила ряды безработных. В Египте население увеличилось по миллиону человек в год, за 30 лет правления Х. Мубарака численность населения Египта достигла 80 млн человек. Высокая межпоколенная мобильность повлияла на социальный состав населения. Удвоилась численность бедно-

го сельского населения. Возросло число безработных среди молодежи, выпускников вузов, долго не находящихся работу по специальности. В столице и других мегаполисах появились маргинальные группы, которые доставляли правительству немало хлопот. Правительство предпринимало робкие попытки вести социальную политику. Социальный лифт не работал, выразителей интересов новых социальных групп не появлялось, партия власти по инерции продолжала политический поединок с «братьями-мусульманами». Снижение динамики власти при неподвластной ей социальной динамике привело к обрыву коммуникативных связей со структурами общества.

В современной социальной практике встречаются феномены традиционалистского характера, особенно в обществах, где живучи стереотипы и традиции. Они препятствуют внедрению модели новых отношений в переструктурированном обществе. В Китае коммунистическое руководство (обновление кадров, внутрипартийная демократия) пользуется доверием многомиллионного населения. Есть динамика власти и в других странах БРИКС. Но картина социальной мобильности в них довольно пестра.

По мнению экспертов, современному российскому обществу присущ динамизм. Но его поступательное развитие не априорно, оно имеет сложный, противоречивый характер, зависящий от ряда факторов: бифуркация общественного сознания, социальная мобильность, конфликт интересов, изменение властеотношений. Показатели динамики власти созвучны с показателями социальной мобильности. Можно утверждать, что динамика власти и социальная мобильность выявляют тенденции дискурса современности, что становится все более очевидным в отеческом дискурсе в постэлекторальный период.

Примечания

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 93.
2. Там же. С. 706.
3. Жувенель Б. Власть. Естественная история её возрастания. М., 2019. С. 319.
4. Тоффлер Э. Метаморфоза власти. Знание, богатство и сила на пороге XX века. М., 2003. С. 316.
5. Новейший словарь иностранных слов. М., 2007. С. 181.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297.
7. См.: Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1994.
8. Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М., 2009. С. 225.
9. Там же. С. 226.
10. Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М., 2009. С. 227.
11. Там же. С. 250.

УДК 172.1

А. В. Яшин

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ*

В статье обсуждается вопрос эволюции феномена идентичности в XXI веке. Отмечается тенденция к стиранию границ между персональной и социальной идентификацией, а также к доминированию искусственных форм идентичности.

The article is concerned with the evolution of the phenomenon of identity in the XXI century. The author notes the tendency to blur the boundaries between personal and social identification, as well as the dominance of artificial forms of identity.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, политическая идентичность, корпоративная идентичность, потребительская идентичность.

Keywords: identity, identification, political identity, corporate identity, consumer identity.

Прежде чем углубляться в исследование политической идентичности, необходимо принципиально определить собственно с самим понятием идентичности (определение, основные характеристики), а также с тем, что мы будем подразумевать под понятием политической сферы.

Идентичность – это свойство психики человека в совокупном виде выражать представление о его принадлежности к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям или отождествлять себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств. Строго говоря, идентичность даже не есть нечто присущее индивиду изначально – не свойство, а отношение. Она формируется, закрепляется, трансформируется только в ходе социального взаимодействия. Идентичность есть не что иное, как самоопределение индивида в процессе социального взаимодействия и соотнесение свойств и характеристик собственного Я со свойствами и характеристиками той или иной социальной группы [1].

Проблема идентичности достаточно широко представлена в современной научной литературе. Большинство исследователей выделяют два уровня идентификации: социальный и персональный. Сам процесс идентификации представляет собой диалектику приобщения и обособления, что и характеризует эти два уровня. «Введение по-

* Материал подготовлен в рамках Проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ.

нятий “приобщение” и “обособление” в социальную философию обусловлено необходимостью исследования не только объективных закономерностей, но и закономерностей субъективной интеграции и субъективной разобщенности в различных общественных средах» [2].

Социальный и индивидуальный уровни идентификации, как уже было указано в определении идентичности, формируются в процессе социального взаимодействия субъекта. Социальный уровень отвечает за схожесть в соотношении субъекта и социальной сферы, то есть за формирование группового сознания. Социальная идентичность – результат идентификации индивида с нормами его социальной среды. Персональная идентичность формирует уникальность индивида, то есть своего рода самоидентификацию, но опять же через соотношение с его социальной средой. Иногда персональная идентичность носит радикальный характер и приобретает вид своеобразного радикального нонконформизма, однако, как пишет Стивен Льюкс, это одна из современных форм господства над идентичностью, характерная не только для идентификации в политической сфере. «Это то, что можно назвать чрезмерным или нежелательным признанием, когда разными способами и по разным причинам у индивидов отбивают охоту идентифицироваться с какой-либо группой или категорией» [3].

Данная структура идентичности полностью соответствует обострившемуся во всей социальной сфере в XIX в. противостоянию между тенденцией к бессубъектности и стереотипизации и нормой когнитивной субъективности – стремление субъекта к индивидуальности по факту проходит в русле действующего поля стереотипов и контроля общества потребления.

Как правило, все виды идентификации условно делят на естественные и искусственные. Естественные идентичности существуют сами по себе и зависят не от деятельности человека, а от тех признаков, поменять которые человек не способен. То есть естественные идентичности воспроизводят сами себя и участия человека не требуют. Искусственные идентичности требуют организации, обеспечивающей поддержку этой идентичности.

В данном ключе одной из особенностей трансформации идентификации в XIX в. можно назвать процесс исчезновения естественной идентичности как таковой. В условиях глобализации и сопутствующего ей процесса бессубъектности, стереотипизации и массовости сознания большинство людей получают возможность расширить сферу своего социального контакта и таким образом нивелировать границы естественных форм идентичности: этнических, расовых, языковых и

даже гендерных. Кроме того, в силу наибольшей социальной значимости на первый план выходят наиболее актуальные виды искусственных форм идентичности: профессиональные, политические, потребительские.

Теперь необходимо перейти к вопросу о политической сфере. Как упоминалось ранее, данная сфера трактуется нами не в узком смысле, то есть в качестве сферы политического взаимодействия между государственными и политическими организациями, институтами и учреждениями, регулирующими политические отношения в обществе. Сфера непосредственного официального политического взаимодействия, несомненно, тоже рассматривается, однако политическое взаимодействие понимается гораздо шире, – как взаимодействие между субъектом и властью.

Современная политическая реальность – сложная многоуровневая система. Во многом данная система является настолько сложной именно потому, что на современном этапе развития социума, по сути, каждый субъект, каждый индивид включен в систему политического взаимодействия. Власть – гораздо более широкое понятие, чем совокупность политических организаций и институтов, она проникает во все сферы жизни общества и осуществляет тотальный контроль за индивидом. Власть в XIX в. выступает в качестве корпоративного типа господства, который представляет собой взаимозависимую триаду политических сил, корпоративного бизнеса и общества потребления [4].

В процессе изменения социальной структуры общества меняется и понятие идентичности. Также меняются и сами типы идентификации: кроме существовавших ранее этнической, религиозной, политической, языковой, профессиональной и прочих исследователи выделяют виртуальную, корпоративную, потребительскую идентичность, идентичность по стилю жизни [5].

Исходя из того, как мы определяем сферу политики (взаимодействие политических сил, корпоративного бизнеса, общества потребления), представляется логичным рассмотреть политическую идентичность в XIX в. как совокупность трех типов идентификации: политической, корпоративной и потребительской.

Политическая идентичность – это свойство психики человека в совокупном виде выражать представление о его принадлежности к политическим группам или отождествлять себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам свойств. Политическая идентичность в узком смысле есть схожесть политических позиций. «Она предстает как общность ориентаций и установок политического субъекта и совпадение форм и методов достижения политических целей, возникая из особого эмоциональ-

ного отождествления себя с конкретной политической группой, усвоения политических ролей» [6].

Здесь необходимо определиться с принципом действия. Несмотря на то политическая сфера, в отличие от ряда других, подразумевает непосредственное участие в политической жизни, идентификация субъекта вполне может оставаться на уровне ценностно-идеологических ориентаций и не развиваться в прямое политическое действие. Однако на основании когнитивной политической базы и идентификации в политике индивид может менять свое поведение в политической сфере (в широком смысле). В XIX в. субъект получил возможность быть задействованным в политической жизни. Таким образом, представляется логичным выделить следующие уровни политической идентичности, в которых интенсивность проявления данного свойства человеческой психики проявляется через деятельность:

1) пассивный (уровень когнитивно-ценностных установок, включая принципиальное отрицание политической активности; использование формальных инструментов участия в политической жизни – выборы, референдумы и пр.);

2) активный официальный (реализация идентификационных ориентаций через участие в официальных политических партиях, ведение активной политической жизни через призму данных партийных убеждений, в том числе в рамках государственных институтов и СМИ);

3) активный неофициальный (реализация идентификационных ориентаций через участие в неофициальных, неформальных политических движениях, включая молодежные политические объединения).

Кроме того, даже в XXI в. существуют социальные слои населения, которые не включены в процесс политического взаимодействия (в узком смысле) из-за низкого уровня социальной мобильности.

Необходимо определить ключевые отличия политической идентичности XIX в., исходя из разработанной нами концепции соотношения власти и общества.

Во-первых, процесс выборности, если разобратся, протекает сейчас иначе, чем в XX в. Выбор субъект зачастую осуществляет не в силу принадлежности к тому или иному политическому течению или в силу солидарности программе партии, а по принципу потребительской выгоды, также по образу самого кандидата, который вынужден презентовать себя и продать, как любой другой товар. Политика приобретает форму политического маркетинга.

Во-вторых, если мы говорим о выборе потребителя политического товара, то можно отметить одинаковость и зачастую бессодержательность данного товара на политическом рынке. В

силу сформированных либерально-демократической властью и корпоративным бизнесом единых стандартов потребления в обществе более нет необходимости производить серьезную дифференциацию политических сил. Программы партий презентуют единый формат удовлетворения сформированных властью потребностей и по сути имеют вполне формальное различие [7].

В-третьих, можно отметить подъем активности неофициальных политических сил, в том числе молодежных политических движений. Они принимают участие в решении достаточно большой части общественно значимых вопросов. С одной стороны, это говорит о повышении политической активности граждан, с другой стороны, несмотря на активное участие в политической жизни влияние общественных объединений на принятие окончательных решений в спорных вопросах является достаточно условным.

Вторым крупным феноменом – составляющей современной политической идентичности – является корпоративная идентичность. Как уже отмечалось, сфера политики, осуществлявшая на предыдущих стадиях развития власти контроль над деятельностью субъекта, делегирует часть своих функций корпоративному бизнесу, который благодаря более тесному взаимодействию с субъектом занимается формированием у индивида единой структуры мышления, основанной на ценностях потребления.

Корпоративная идентичность – это свойство психики человека в совокупном виде выражать представление о его принадлежности к организации, в которой он работает, или отождествлять себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этой организации ценностей. Корпоративная идентичность – феномен, который приобрел в XIX в. особый статус и особенно серьезное влияние на формирование самоидентификации человека. На работе современный человек проводит треть своей жизни. Профессиональные успехи, отношения с руководством и коллегами влияют на его самооценку, на комфортность существования в обществе. Но самое главное – формируют его мировоззрение. По сути, рабочая социальная среда является определяющей в формировании мышления современного человека.

Одной из актуальных задач современного менеджмента является поиск способов формирования у персонала высокой степени отождествления себя с организацией. Выделяют такие признаки развитой корпоративной идентичности, как [8] осознание себя ее членом, переживание тождества с организацией, а также обособления от конкурирующих организаций; высокая степень принятия ценностей организации; личностная значимость целей организации; осознанное соблюдение норм корпоративного поведения.

«Образуемые капиталом и основывающиеся на схематизме “владение – не-владение” организации, в свою очередь, определяют условия приема и выхода своих членов, правила подчинения указаниям руководства, конституируя таким способом собственную автономную власть» [9].

Как уже отмечалось, основным вектор формирования мышления в корпорации – приоритет потребления и всего, что с ним связано. Потребление – идеальный инструмент управления обществом XIX в. При этом ценности общества потребления никогда не навязывались напрямую. Если говорить о корпорации, то ценности потребления здесь проникают в мышление субъекта через образ успешности и связанные с ним атрибуты: развитие, целеустремленность, эффективность, компетентность, готовность брать на себя решение сложных задач. «Капитализм попытался распространить логику *vita activa* на все прочие сферы человеческой жизнедеятельности, подчинить “прекрасное и невыгодное” “полезному и необходимому”. Конечным результатом промышленной революции явилась лейборизация всего западноевропейского общества – порабощение человека трудовой деятельностью» [10].

Потребительская идентичность есть третья составляющая политической идентичности в рассматриваемом нами вопросе соотношения власти и субъекта. Общество потребления – это база, искусственно сформированная усилиями конклава политики и корпорации и позволяющая успешно существовать всей триаде, характеризующей современный тип господства: либерально-демократической власти, корпоративному бизнесу, обществу потребления.

Потребительская идентичность – это свойство психики человека в совокупном виде выражать представление о его принадлежности к группе потребителей определенных товаров и услуг или отождествлять себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этой группе свойств.

Потребление связано с ориентацией на обладание. В таком контексте идентичность человека выступает в качестве совокупности вещей, которыми он обладает. Происходит размытие сущности человека, она отчуждается в сторону товаров и услуг, а также сопровождающих их потребительских образов.

Потребление в XIX в. выступает фундаментом построения любого рода социальных практик. Потребление в XIX в. переросло из простого обладания и использования товаров и услуг в мощный инструмент конструирования социальной идентичности. Товары и услуги, потребляемые человеком, являются маркерами, обозначающими его статус в обществе. В обществе потребления субъект не может себе позволить не

идентифицировать себя с потребляемыми им товарами и услугами, иначе он, по сути, потеряет свой социальный облик.

Принципиальным отличием потребительской идентичности от корпоративной является тот факт, что потребитель никаким образом не связан с корпорацией, производящей продукт потребления, кроме как через товары и услуги этой корпорации, однако этого становится достаточно для формирования у потребителя своего рода зависимости в потреблении именно этого продукта и соотношения себя с сопутствующим образом успешности, пропагандируемым данной корпорацией, соответствующей ей социальной группой, а следовательно, и с системой ценностей.

Навязанная извне необходимость бесконечного потребления заставляет индивида осуществлять трудовую деятельность в рамках определенных корпоративных сообществ, транслирующих свои ценности, которые по факту являются теми же принципами потребления, через образ успешности субъекту. При этом субъект считает происходящее нормой и в зависимости от уровня политической идентификации, который, по сути, ничего не решает, так как любого рода неконформизм уже заложен в системе и является лишь ее частным проявлением.

Примечания

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
2. *Калашикова Е. М.* Личность и общность (Проблема идентификации). Пермь: Изд-во Перм. у-та, 1997. С. 10.
3. *Льюкс С.* Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 174.
4. *Яшин А. В.* Власть и общество: формирование нового типа господства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3 ч. Ч. III. С.223–225.
5. *Крылов А. Н.* Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида. М.: Изд-во НИБ, 2010.
6. *Попова О. В.* Функции политической идентичности в трансформирующемся обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. Сер. 6. Вып. 2. С. 43.
7. Заверенные копии уставов зарегистрированных политических партий. URL: <http://cikrf.ru/news/relevant/2011/08/03/ustav.html> (дата обращения: 11.11.2012).
8. *Дагаева Е. А.* Корпоративная идентичность: понятие, структура, механизмы формирования // Вестник Таганрогского института управления и экономики. Таганрог. 2008. № 2. С. 46.
9. *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 159.
10. *Джохадзе И. Д.* Демократия после модерна. М.: Праксис, 2006. С. 43.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 391:008

А. Е. Зиновьева

КОСТЮМ И ТЕЛО. ГАБИТУС, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ*

В статье исследуется костюм через его взаимодействие с телом, включение в структуры социально организованного пространства и системы властных отношений и форм репрезентации, выделяются основные виды взаимодействия костюма с телом. На основе понятия габитуса представлены характерные системы костюмных практик, инкорпорирующие социальный опыт и задающие способы репрезентации культурной идентичности и самоидентичности через костюм.

This paper investigates costume through its interrelation with body, inclusion in the composition of socially organized space and systems of power relationships and forms of representation. The author specifies the major kinds of interaction between costume and body and, on the basis of the concept "habitus", studies characteristic patterns of costume practices that incorporate social experience and predetermine the ways of representing cultural identity and self-identity by means of costume.

Ключевые слова: костюм, мода, телесность, габитус, идентичность, репрезентация, социальное пространство.

Keywords: costume, fashion, corporeality, habitus, identity, representing, social space.

Традиция исторического и эстетического исследования костюма насчитывает не одно столетие, социология активно занимается проблемами моды несколько десятков лет, но никогда ранее мода и костюм не привлекали внимания философии и философской антропологии. Лишь за последние тридцать лет благодаря активному вовлечению в поле философских интересов проблем человеческой телесности и развитию постмодернистского дискурса костюм и мода, их трансформации в поле постмодернистской культуры приобрели статус антропологических проблем, а синтезное междисциплинарное изучение

костюма стало не просто историей, а собственно теорией моды.

Без основополагающих исследований телесности и дисциплинарных практик М. Фуко [1] или анализа инкорпорирования социального опыта в телесные структуры в социологии П. Бурдьё [2], современный теоретический образ моды в работах В. Стил [3] или Э. Уилсон [4], впервые появившийся в 80-х гг. XX в., был бы невозможен. Теоретическим основанием этого подхода является рассмотрение проблем костюма и моды в контексте человеческой телесности.

Это дает нам возможность, рассматривая костюм как искусственное тело человека, разрабатывать теорию костюма и моды в философско-антропологическом ключе. Через взаимоотношения костюма и тела перейти от исторического или эстетического анализа костюма как вещи, а моды как социально-психологического механизма к единству костюма и тела как предмету философско-антропологического анализа. Вместе с тем этот теоретический аппарат позволяет решать и более конкретные задачи, адекватно отражая как в теоретическом, так и в практическом плане практику костюмных процессов, развернувшихся в эти же годы в мире.

Тело человека является результатом длительной биофизиологической эволюции, которая определила его основные физические параметры и динамические возможности. Вместе с тем социокультурная эволюция человека кардинально меняет эту природу. Через многочисленные культурные механизмы и практики она выстраивает внешнее по отношению к индивидуальному социальному телу в виде организованного социального пространства, техники (искусственных орудий и органов), одновременно внедряя эти практики и механизмы в саму внутреннюю структуру индивидуального тела.

Наиболее полным выражением этих процессов может служить понятие габитуса, являющегося одной из центральных категорий социологии П. Бурдьё. Данное понятие отражает опыт прошлого в телесных структурах человека, определяющих его актуальные и потенциальные практики и выборы. Габитус «обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает

*Статья подготовлена в рамках реализации Проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ.

гарантию тождества и постоянства практик во времени» [5].

Вместе с тем социокультурный опыт является достаточно подвижной и сложной системой, непосредственное фиксирование которой в теле может потребовать от человечества слишком серьезных затрат по перестраиванию уже сложившихся практик воздействия на тело. Универсальным способом решения этой проблемы в истории культуры собственно и является костюм. Появление костюма свидетельствует о новом, культурном, социальном, смысле телесности, обретенном человеком. Пожалуй, именно в истории костюма наиболее явственно прослеживаются различные механизмы формирования габитуса через воздействие костюма на тело.

Уже в глубокой древности во всех архаических сообществах, даже в тех, которые совершенно не нуждались в одежде как способе защиты от неблагоприятных климатических условий, обязательно возникал костюм. Его социализирующий смысл явно преобладал над чисто прагматическим. Костюм создавал соответствующий габитус, придавая природному, физическому телу узнаваемые сообществом социальные черты.

Архаический тип костюма представляет собой не одежду, а непосредственно измененную с помощью особых техник, практик и тренажей структуру тела. Это может быть особым образом вытянутая шея, растянутая с помощью специальных вставок нижняя губа, татуировка, нанесенная на лицо или тело, подпиленные зубы, удаленные фаланги пальцев, скошенные специальным образом глаза и т. д. Устойчивость социальных статусов архаического общества легко находила воплощение в таких изменениях тела, которые производились в нем по мере приобретения этих статусов. Так, например, вождь племени мог иметь самую большую по площади татуировку ног, выделявшую его среди соплеменников. Тело менялось архаическим костюмом раз и навсегда, буквально образуя его габитус, внося социальную информацию в саму телесную структуру. Эпизодические изменения осуществлялись с помощью временных разрисовок лица и тела, масок, украшений из перьев или листьев и тому подобного. Таким образом, уже в древности костюм отстраивал телесную структуру человека в соответствии с его социальным опытом и репрезентировал этот опыт окружающим, определяя тем самым не только место индивида в сообществе, но и задавая места других индивидов по отношению к нему.

Изменение системы социальных отношений и усложнение социальных практик привело к появлению других способов взаимоотношений костюма с телом и, соответственно, других габитусов. Появление в обществе системы изменяемых

социальных статусов и подвижных социальных ролей привело к необходимости выражения этих систем во внешности человека и к универсализации знаковых систем, выражавших эти новые смыслы. В результате появился второй тип костюма – драпировка. Драпированный костюм, облекающий тело как структурную конструктивную основу, не изменяет само тело непосредственно. Конечно, практика ношения такого костюма требует определенного тренажа и умения, но в большей степени тело воспринимается как самостоятельная эстетическая ценность, а не «вешалка для костюма». Цивилизации, носящие драпированную одежду, обычно культивируют наготу, красоту тренированного тела, ассоциируют даже внешние личностные проявления с физическими состояниями тела, а не с костюмными социальными практиками, то есть формируют максимально свободный габитус. Так, например, образ единства телесной и моральной красоты – калокагатия – абсолютно органичен для древнегреческой культуры, в то время как для традиционной средневековой культуры органичен образ Золушки – красоты, обретаемой переодеванием в статусный костюм. Различие свободного и зависимого человека (при условии, что рабы воспринимались не как люди, а как орудия) осознавалось древними греками и через костюмные отличия. Так, свободный габитус греков, облаченных в драпированные костюмы, и подневольная динамика персов, одетых в штаны и куртки, была для них ощутимо разной. Но в самом греческом полисе ничто так ярко не выражало идею гражданского равенства и единства, как костюм, ведь принципиальных конструктивных отличий в одежде богатых и бедных свободных граждан древнегреческих городов, а соответственно и в их габитусе, не было.

Римский костюм во многом уже приобретал иные характеристики, потому что наряду с использованием тела как конструктивной основы костюма римские драпировки имели собственную, правда, мягкую конструкцию, которая формировала тело. Сами римляне очень хорошо представляли себе влияние тоги на телесную структуру человека. Патрицианские юноши с детства учились плавно и величественно двигаться в тяжелом многометровом коконе тоги, встраивавшем их социальный статус в их тело. Неспроста римляне, гордо именовавшие себя «одетыми в тогу», противопоставляли тем самым себя диким варварам, носившим штаны.

Чем более иерархизированным является общество, чем больше властные структуры и отношения определяют характер социальных связей, тем более жестким по отношению к телу становится и костюм. В обществах традиционного типа с четкой социальной лестницей драпировка быс-

тро уступает место костюму третьего типа – имеющему собственную конструктивную основу, накладываемую на физическое тело, и преобразующему его посредством костюма. Именно этот тип воплощает в теле систему властных отношений, формирует различные сословные габитусы в рамках одного культурного пространства, буквально преобразует тело человека в соответствии с заданными ему социальными функциями наиболее полно и жестко. Социальная структура и власть буквально вторгаются в человеческое тело посредством костюмных практик, надевая на него доспех, корсет или каблуки, не просто меняющие его походку или осанку, но и очерчивающие этой походкой и осанкой его социальные права, возможности и ограничения. При этом конструктивная основа европейского костюма остается практически неизменной веками, и только социальные движения, связанные с разрушением традиционного общества и его модернизацией (Ренессанс, буржуазные революции), будут временно отменять жесткие конструкции в пользу драпировок. Сословный габитус, созданный носимым с детства корсетом или лаптями, будет однозначно идентифицировать для окружающих тонкую талию с дворянским, а большую ступню – с крестьянским происхождением ее хозяйки. Костюм не только репрезентировал обществу социальное положение носившего его человека, он становился и основанием самоидентификации. Если человек изменял свое социальное положение, это означало его переодевание в другой костюм, независимо от того, вверх или вниз по социальной лестнице он двигался.

Традиционное общество не оставляет больших возможностей индивидуализации внешности, однако редкие примеры такой индивидуализации связаны обычно с осознанием человеком особого положения в обществе и необходимости создания адекватного этому положению габитуса и внешнего образа. Идеально соединяя в себе самоидентичность, габитус и внешнюю репрезентацию, костюм и осуществляет такую индивидуализацию. Примером могут служить костюмные новации Елизаветы I, королевы Англии, которая сама придумывала уникальные наряды, соответствовавшие ее исключительной роли королевы-девственницы, супругом которой объявлялось ее собственное государство, наряды не только безумно дорогие, как и подобает королеве, но и полные символических украшений, обозначавших богатство и влияние Англии в мире. В то же время конструкция ее платьев была такой широкой, что занимала значительное пространство, увеличивая тем самым фигуру королевы и не допуская приближения к ней на дистанцию близкого общения. Таким образом, костюм не только структурировал пространство самого королевского

тела, но и выражал в нем понимание Елизаветой ее собственного социального значения, выражал ее самоидентичность как исключительной по тем временам правящей королевы, а не королевы при короле.

В целом же костюм, жестко формирующий габитус посредством собственной конструктивной структуры, не призван выражать индивидуальность. Он создает тело, носящее в себе собственный сословный статус, поэтому мода в традиционном обществе меняет лишь декоративные детали костюма, не затрагивая его конструкции. При этом осведомленность о новейших веяниях моды позволяет аристократии достаточно долго поддерживать свой социальный статус, отделяя себя от буржуазии, которая получает материальный доступ к аристократической одежде, но не владеет тонкостями модных изменений и аристократическим габитусом.

Однако возникновение индустрии моды вместе с модернизацией и демократизацией общества в целом изменяет и механизм социальной идентичности, создаваемый костюмом. Вплоть до второй половины XX в. работает система моды, в которой кутюрье создавал образец, реализуемый в продаваемых моделях. Любой человек, имевший возможность приобрести такую модель, приобретал вместе с ней и соответствующий новый габитус. Если кутюрье чутко реагировал на систему социальных ожиданий и тенденций развития социального тела, его модели имели огромный успех, как это происходило, к примеру, с моделями Г. Шанель. Таким образом, система моды окончательно перестала поддерживать сословные социальные статусы, она начала ориентироваться на финансовые возможности клиентов. Это с необходимостью привело к исчезновению жестких конструкций и появлению костюмов, свободно сочетающих элементы разных типов, а затем вывело моду с подиума на улицу. У клиентов модных кутюрье появилась возможность менять свой габитус в соответствии с требованиями новой моды, переходя от подчеркнутой женственности и хрупкости «ню лук» 50-х гг. к спортивности и молодости 60-х гг.

Следующим шагом на этом пути стало появление моды постмодерна, полностью разрушившей последнюю границу, отделявшую заданный костюмом габитус, предлагаемый модным образом, от свободного выбора конструкций собственного тела. Предельная (вплоть до утраты) индивидуализация самоидентичности, типичная для постмодерна, превратила костюм в способ самостоятельного выбора и создания как идентичности, так и габитуса, приведя, в свою очередь, моду с улицы на подиум. Постмодернистский индивидуализированный костюм демонстрирует выбор отдельной личности, ее культурную самоидентич-

ность, ее понимание своей телесной индивидуальности, закрепленной вовне и предъявленной социуму.

Таким образом, постмодернистский дискурс, в котором костюм предстает как способ инкорпорирования и выражения через пространственные структуры культурной идентичности и самоидентичности человека, дает новый – философско-антропологический – подход к пониманию костюма и моды, более полно улавливающий их природу и особенности современного состояния.

Примечания

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М., 1999; Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб., 2011.

2. Бурдье П. Мужское господство / пер. с фр. Ю. В. Марковой // Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 286–364; Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.; М., 2001.

3. Стил В. Корсет / пер. с англ. М. Маликовой. М., 2010; Стил В., Парк Дж. Готика. Мрачный гламур / пер. с англ. Кс. Щербини. М., 2011.

4. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность / пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, Е. Ляминой. М., 2012.

5. Бурдье П. Практический смысл ... С. 105.

УДК 82:01

О. И. Родионова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. П. ЧЕХОВА: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье рассматриваются антропологические взгляды А. П. Чехова. Выявлены и проанализированы идеи писателя о природе и устройстве человека. Материалом для исследования послужили в основном письма писателя.

The paper is devoted to Chekhov's anthropological conception. Chekhov's ideas about the nature and organization of a human are revealed and analyzed. Our research is based mainly on the letters of Chekhov.

Ключевые слова: А. П. Чехов, антропология, человек, философия литературы.

Keywords: A. P. Chekhov, anthropology, human, philosophy of literature.

Антропологическая проблематика относится к той области, где философия и литература сходятся наиболее близко. Если некоторые из философских областей (таких, например, как логи-

ка) традиционно находились в ведении специализирующихся в этой области философов, то вопросы о природе, сущности и назначении человека интересовали во все времена как философов, так и писателей.

В данной статье мы рассмотрим антропологические взгляды А. П. Чехова. Изучение темы человека в творчестве Чехова достаточно популярно среди литературоведов [1], философские же исследования по этой проблематике немногочисленны [2]. В основном такие исследования выполняются на материале художественных произведений писателя, однако интерес представляют и его письма. Ниже мы представим опыт исследования, выполненного на материале писем А. П. Чехова.

Для начала отметим, что Чехов ни в письмах, ни в дневниках, ни, тем более, в произведениях свою антропологическую концепцию явным образом не формулирует. Что же заставляет нас сделать предположение, что таковая вообще была? Не только высказывания Чехова о природе и назначении человека, но и его убежденность в том, что «нельзя заставлять своих действующих лиц творить чудеса, когда сам не имеешь резко определенных убеждений относительно чуда» [3]. Следовательно, нельзя писать о человеке, если не имеешь никаких взглядов на человека и человеческое. Каковы же были взгляды Чехова?

Когда Д. С. Мережковский в своей статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (опубликована в «Северном вестнике». 1888. № 11) написал, что Чехову лучше всего удаётся тип мечтателя-неудачника и этот «излюбленный поэтом образ героя-неудачника является в самых разнообразных обстановках и под всевозможными видами: под видом каторжника-бродяги, неведомого монаха, слагающего поэтические акафисты святым...» [4], Чехов отреагировал на это следующим образом: «Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай Бог всякому так пожить: и в Бога верил, и сыт был, и сочинять умел...» [5] М. М. Дунаев обращает наше внимание на то, что Чехов в этих строках закладывает понимание человеческого благополучия как «полноты жизни на трёх уровнях: духовном (“в Бога верил”), телесном (“сыт был”) и душевном (“сочинять умел”)» [6]. Таким образом, мы здесь видим классическую христианскую модель устройства человека, предполагающую его трёхчастность, то есть наличие у человека духа, души и тела.

Однако одного комментария явно недостаточно, для того чтобы утверждать наличие у мыслителя того или иного представления о человеке. Множество других свидетельств внимания Чехо-

ва ко всем трём составляющим человека мы можем обнаружить в его письмах. О теле он часто писал со своей профессиональной, врачебной, позиции. Так, например, в письме к В. М. Соболевскому от 23 июня 1901 г. читаем: «У Вас перерождение артерий, так называемый атероматозный процесс, такой же естественный в Ваши годы, как поседение волос. <...> Вам надо ходить пешком, не утомляться, не есть говядины, а питаться птицей, телятиной, рыбой, ветчиной <...> А из лекарств, если бы я лечил Вас, посоветовал бы Вам только одно: иодистый калий. Это безвредное, но чудесное лекарство. Действует на сосудистую систему превосходно. Вот видите, я не удержался и преподал Вам медицинский совет, хотя Вы и не просили его» [7]. В письмах к родственникам Чехов умело сочетал рекомендации врача с братской заботой и супружеской любовью: «Сырость для детей так же вредна, как голод. Заруби себе это на носу и выбирай квартиру посуше. Топи чаще и повесь в комнате термометр, каковой я непременно заведу, когда у меня будут дети» [8] (из письма к брату Александру от 24 октября 1887 г.), «Вообще ты очень часто играешь, без отдыха, а это нехорошо. Нездорово и для тела, и для души. Нужно бы играть не чаще 2–3 раз в неделю» [9] (из письма к Ольге Книппер-Чеховой от 2 января 1902 г.), «Что ты у меня большая, настоящая актриса, я давно знаю, я тебя ценю высоко, дуся моя, только, пожалуйста, умоляю тебя, не простуживайся, не утомляйся и спи как следует. Дай мне слово, что ты будешь себя беречь» [10] (из письма к Ольге Книппер-Чеховой от 4 апреля 1904 г.).

Если «законная жена» (эту роль в своей жизни Чехов отводил медицине) требовала равного внимания и к телу, и к душе, то «любовница» (так Чехов называл литературу) более пристальное внимание призывала уделять последней. Сама жизнь предоставляла Чехову наглядные подтверждения того, что не только тело, но и душа русского человека нуждается в особом рода «лечении» – облагораживании: «Вчера пьяный мужик-старик, раздевшись, купался в пруде, дряхлая мать била его палкой, а все прочие стояли вокруг и хохотали. Выкупавшись, мужик пошел босиком по снегу домой, мать за ним. Как-то эта старуха приходила ко мне лечиться от синяков – сын побил. Откладывать *просвещение темной массы* (курсив здесь и далее наш. – О. Р.) в далекий ящик, это такая низость!» [11].

Впрочем, о внимании Чехова к душевной составляющей человека говорят не только его слова, но и его дела. Он построил три школы, активно участвовал в устройстве Таганрогского музея и Таганрогской библиотеки, ныне носящей его имя. Вклад в культурное развитие род-

ного города заключался не только в осязаемой материальной поддержке (так, например, основная часть фонда молодой библиотеки была сформирована именно за счёт книг, присылаемых Чеховым), но и в его практических советах по различным вопросам обустройства таганрогской жизни. В качестве примера таких советов приведём строки из письма Чехова к А. Б. Тараховскому, сотруднику таганрогских газет «Таганрогский вестник» и «Приазовский край»: «Да, народная читальня и народный театр должны иметь свое помещение, а городская библиотека – свое. Просветительные учреждения не следует концентрировать в одном месте, нужно их разбрасывать по городу – это раз. Во-вторых, следует бояться тесноты, толкотни, надо бояться шума, который нужен в театре и так мешает в библиотеке. В-третьих, когда несколько учреждений одного характера помещается под одной крышей, то одно из них должно поглотить другие. В-четвертых, кухарки библиотекаря, смотрителя театра и проч. и проч. будут ссориться и ссорить между собой хозяев. А главное, в-пятых, городская библиотека, как книгохранилище, должна занимать свое собственное, просторное, привлекательное для публики помещение, и должна быть уверена при этом, что по мере надобности помещение библиотеки можно будет расширять; а если с одного боку читальня, а с другого театр, то уж о расширении тут и думать нечего. Ведь при росте теперешней культурной жизни никто не может поручиться, что для библиотеки не понадобится через 25–40 лет пятиэтажное здание! Театры же учреждения наполовину коммерческие; дайте срок, и они сами начнут расти, как грибы, и на каждой улице будет по театру, именно по такому театру, какой этой улице нужен. Как в Неаполе, например» [12].

Если интерес Чехова к человеческой душе признаётся всеми чеховедами, то вопрос о его отношении к духовной составляющей является дискуссионным, поскольку тесно связан с религиозными взглядами писателя. Не останавливаясь здесь на них подробно (они заслуживают специального исследования), отметим лишь, что если для различных представлений о религиозном самоопределении писателя есть вполне объективные основания (в письмах Чехова можно найти цитаты, которые говорят как о его вере, так и о его безверии), то двоякая трактовка представлений Чехова о том, каково *должно быть* религиозное самоопределение человека, едва ли возможна. Чехов нигде не порицает отсутствие *окончательно сформированных* религиозных взглядов (скорее, наоборот, словами «интеллигенция же пока только играет в религию» [13] он выражает негативное отношение к наличию *определённой* религиозной позиции при *поверхностном* усвое-

нии религиозных истин), но настаивает на необходимости поиска пути к Богу, т. е. на необходимости религиозного поиска. Приведём здесь две известных цитаты из его писем к В. С. Миролюбову и С. П. Дягилеву: «Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...» [14] «Теперьшняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога – т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре» [15].

О внимании Чехова к духовной составляющей человека, как и о внимании к душевной составляющей, можно говорить не только языком слов, но и языком дел. Весной 1892 г. Чехов, обустроив недавно купленное им Мелихово, занимается благоустройством церкви. 6 апреля 1892 г. он пишет А. С. Суворину: «У нас Пасха. Церковь есть, но нет причта. Собрали со всего прихода 11 рублей и наняли иеромонаха из Давыдовской пустыни, который начал служить с пятницы. Церковь ветхая, холодная, окна с решетками, плащаница – это доска в 1 1/2 аршина длиною с тусклым изображением. Пасхальную утреню пели мы, т. е. моя фамилия и мои гости, молодые люди. Вышло очень хорошо и стройно, особенно обедня. Мужики остались предовольны и говорят, что никогда служба у них не проходила так торжественно» [16]. А четыре года спустя он напишет А. С. Суворину: «Строю колокольню. Посылаем во все стороны воззвания о пожертвованиях. Мужики подписываются на больших листах и прикладывают тусклую грязную печать, а я посылаю по почте» [17]. Едва ли можно представить себе, что Чехов совершал поступки, в которых он не видел никакого смысла. В его содействии благоустройству церковной жизни Мелихова видна забота о потребностях человеческого духа.

В приведённых выше примерах мы видели, что Чехов обращается и к телу, и к душе, и к духу, то есть ко всем трём составляющим человека. Но выделение нескольких составляющих в каком-либо объекте всегда предполагает не только вопрос о своеобразии каждой из составляющих, но и вопрос о том, каким образом происходит их взаимодействие. Остановимся подробнее на том, как представлен в наследии Чехова вопрос о взаимодействии духа, души и тела.

Чехов по образованию был врачом, а размышления об устройстве человека вообще характерны для врачей и обусловлены спецификой их профессиональной деятельности. Врач в ходе

своей медицинской практики на множестве случаев наблюдает связь между душевным и телесным. Эти наблюдения могут послужить материалом не только для медицинских, но и для философских трудов, что видим на примере работы Луки Войно-Ясенецкого. В этой работе он писал: «Общеизвестно могущественное влияние психики больного на течение болезни. Состояние духа больного, его доверие или недоверие врачу, глубина его веры и надежды на исцеление или, наоборот, психическая депрессия, вызванная неосторожными разговорами врачей в присутствии больного о серьезности его болезни, глубоко определяют исход болезни» [18]. Аналогичное замечание в отношении Н. И. Пирогова находим в монографии О. В. Доля «Философия Пирогова»: «Придавая большое значение психотерапевтическому аспекту деятельности врача, Пирогов в работе “Начала общей военно-полевой хирургии” особо подчеркнул, какую роль играет состояние психики больного, как сильно действует оно на “ход ран”. Преодоление смятения, в которое нередко повергает больного само слово “операция” (а ведь все это происходило в донаркотное время!), Пирогов видел только в укреплении духа больного, его внутренней убежденности в необходимости преодоления боли» [19].

Свидетельство о том, что и Чехов большое внимание уделял взаимосвязи души и тела, находим в воспоминаниях земского врача П. А. Архангельского, которого Чехов в письме Н. А. Лекину от 27 июня 1884 г. назвал своим «давнишним приятелем»: «Душевное состояние больного всегда привлекало особенное внимание Антона Павловича и, наряду с обычными медикаментами, он придавал огромное значение воздействию на психику больного со стороны врача и окружающей среды» [20].

Чехов обращает внимание и на другую сторону проблемы: неправильное отношение к телу может пагубным образом сказываться на душе. Речь идёт о психологической фиксации больных (или даже условно здоровых) на существующих, преувеличенных или даже воображаемых телесных недугах. В качестве примера приведём здесь оценку Чеховым состояния Л. В. Средина, данную им в письме к В. Н. Львову: «Средин чувствует себя сравнительно недурно, это правда, но у него хроническое воспаление почек, выделяется белок, и это до такой степени волнует его и тревожит, что он ходит как отравленный, хотя, мне кажется, мог бы и не обращать внимания на эту свою болезнь» [21]. Самому Средину Чехов писал по этому поводу следующее: «О Вашем здоровье наши общие знакомые говорят хорошо, я доволен и рад. Ваш страх перед белком мне не

нравился; мне все казалось, что если я стану искать у себя белка, то найду его непременно... и тоже начну бояться. Между тем у меня есть хорошие знакомые, например Лавров, редактор “Русской мысли», выделяющий белок и цилиндры с 1884 г., пьющий помногу, временами как пьяница, и только теперь начавший стареть» [22].

В ином, немедицинском, аспекте вопрос о взаимосвязи духа, души и тела выступает предметом интереса религиозных и морально-этических учений, а также различных аскетических практик. Высота человеческого духа связывается ими с определёнными ограничениями плотских вожделений (необходимое, но не достаточное условие для духовного возрастания). Обращение Чехова к этому вопросу не обусловлено поиском им путей духовного преобразования, но его представления о взаимосвязи души и тела близки к тем, которые заложены в апостольских посланиях. Например, в Послании к римлянам апостол Павел говорит: «Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8:12–13), в Послании к Галатам читаем: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5:16–17). Своё видение взаимодействия души и тела Чехов даёт в одном из писем к А. С. Суворину, в котором делится с последним своими впечатлениями от посещения Левитана: «Был я у Левитана в мастерской. Это лучший русский пейзажист, но, представьте, уже нет молодости. Пишет уже не молодо, а бравурно. Я думаю, что его истаскали бабы. Эти милые создания дают любовь, а берут у мужчины немного: только молодость. Пейзаж невозможно писать без пафоса, без восторга, а *восторг невозможен, когда человек обожрался*. Если бы я был художником-пейзажистом, то вел бы жизнь почти аскетическую: употреблял бы раз в год и ел бы раз в день» [23]. Итак, по мнению Чехова, пресыщенный чувственными удовольствиями не может творить, то есть победа плоти ведёт к ослаблению душевных и духовных сил. Впрочем, уместно заметить, что речь здесь идёт всего лишь об акцентах, поэтому не следует из последних слов Чехова делать выводы о его безразличии к телесной составляющей человека. Примеры, приведённые нами ранее, свидетельствуют о том, что это не так.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Чехов со вниманием относился ко всем трём составляющим человека – телу, душе и духу. И хотя его внимание к этим трём составляющим не оформилось в явную концепцию человеческого устройства (формулирование концепций Чехову во-

обще не было свойственно), эта трёхчастная модель, по нашему мнению, соответствует представлениям писателя о человеке.

Теперь от взглядов Чехова на устройство человека перейдём к его представлениям о человеческой природе. Человеческую природу Чехов считал несовершенной (в этом он опять-таки близок к христианскому пониманию человека). В письме к М. В. Киселёвой от 14 января 1887 г. читаем: «Что мир “кишит негодьями и негодьями”, это правда. *Человеческая природа несовершенна*, а потому странно было бы видеть на земле одних только праведников» [24]. О чеховском видении человеческой природы можно судить не только по его прямым высказываниям, но и по тем литературным приёмам, которые он использовал. К. И. Чуковский отмечает, что уравнивание плюсов и минусов было «...» обычным литературным приёмом» Чехова. В своей книге «О Чехове» он приводит хорошие иллюстрации использования Чеховым этого приёма: «Как осуществлялось им это “уравнивание”, можно судить по таким наиболее четким примерам, к каким принадлежит его повесть «Дуэль». В этой повести на первой же странице Чехов выводит очень милого праведника, военного врача Самойленко, безгранично благодушного, щедрого. “По общему мнению, – говорит о нем Чехов, – он был безгрешен” «...» Но тут же спешит сообщить, что у этого праведника были две небольшие слабости. Во-первых, он стыдился своей доброты и маскировал ее искусственной грубостью, отчего производил неприятное впечатление хрипуна и бурбона, а во-вторых, он любил, чтобы его величали “ваше превосходительство”, хотя не имел генеральского чина «...» В “Рассказе старшего садовника” Чеховым был применен точно такой же прием. «...» Здесь, как и в “Дуэли”, Чехов с первых же слов поспешил предупредить нас, что, хотя садовник был человек благородный, у него тоже были две столь же невинные слабости: он называл себя старшим садовником, хотя младшего не было, и когда начинал говорить, не терпел, чтобы его перебивали» [25]. Обязательное соседство положительных черт с отрицательными также говорит о признании Чеховым несовершенства человеческой природы.

Завершая статью, остановимся на основных её положениях. Мы предприняли попытку реконструировать антропологическую концепцию А. П. Чехова. Нами были выявлены и проанализированы идеи писателя о природе и устройстве человека. Возможность такого анализа свидетельствует о том, что попытка опровергнуть «распространённое представление о Чехове как не-философском писателе» [26] может быть вполне успешной.

Примечания

1. *Абрамович С. Д.* Концепция личности у Чехова-повествователя в контексте идейно-эстетических исканий русского реализма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН, Укр. ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1991; *Земляная С. В.* Концепция личности в прозе А. П. Чехова 1889–1890-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004; *Колобаева Л. А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1987. № 2. С. 7–18; *Максименко В. Ф.* Проблема личности в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Вопросы русской литературы. 1988. Вып. 2 (52). С. 83–89; *Полоцкая Э. А.* Человек в художественном мире Достоевского и Чехова // Страницы истории русской литературы: сб. ст.: к 80-летию Н. Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 184–245.
2. *Зайцева Т. Б.* Экзистенциалистская точка зрения А. П. Чехова на феномен смерти // Проблемы истории, филологии, культуры. М. и др., 2008. Вып. 19. С. 271–282; *Михайлов И.* Экзистенциальный модус философии А. П. Чехова // Арт. Сыктывкар, 2000. № 3. С. 180–189; *Подкопаева И. А.* Мироззрение А. П. Чехова: (Ист.-филос. анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 1989.
3. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Письма. Т. 6. С. 157.
4. А. П. Чехов: pro et contra / сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих; послесл., примеч. А. Д. Степенова. СПб.: РХГИ, 2002. С. 66.
5. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Письма. Т. 3. С. 54.
6. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: в 6 ч. Ч. IV. М.: Христиан. лит., 2003. С. 587.
7. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Письма. Т. 10. С. 48.
8. Там же. Т. 2. С. 137.
9. Там же. Т. 10. С. 158.
10. Там же. Т. 12. С. 77.
11. Там же. Т. 6. С. 54.
12. Там же. Т. 8. С. 314.
13. Там же. Т. 11. С. 106.
14. Там же. Т. 10. С. 142.
15. Там же. Т. 11. С. 106.
16. Там же. Т. 5. С. 46.
17. Там же. Т. 6. С. 158.
18. Святитель Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский. Избранные творения. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 621.
19. *Доля О. В.* Философия Н. И. Пирогова. М.: Республика, 2009. С. 85.
20. *Соболев Ю. В.* Антон Чехов: Неизданные страницы. М.: Северные дни, 1916. С. 134–140.
21. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений ... Т. 12. С. 15.
22. Там же. С. 16.
23. Там же. Т. 6. С. 15.
24. Там же. Т. 2. С. 11.
25. *Чуковский К. И.* О Чехове: Человек и мастер. 4-е изд. М.: Рус. путь, 2008. С. 144–145.
26. *Corrigan Y.* Chekhov's existentialism: The ethics of outsiderness. Ph. D. Thesis, Princeton University, 2008, abstract (i).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 10(09)

В. Н. Квасков

МЕСТО «ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛ. ТАТАРКЕВИЧА

Статья посвящена историко-философскому наследию известного польского философа, историка философии, историка эстетики, этика Вл. Татаркевича (1886–1980). Он считал, что при написании истории философии необходимо учитывать две тенденции: можно рассматривать историю, опираясь на личность философа, а также отразить историю становления и развития философских проблем, что требует применения генеалогического подхода. Сочетание этих двух подходов дает возможность описать историко-философский процесс как определенную непрерывность.

The article is devoted to the historical-philosophical heritage of the prominent Polish philosopher, historian of philosophy and aesthetics, ethics theoretician W. Tatarkiewicz (1886–1980). In his opinion, when writing a history of philosophy, it is necessary to consider two tendencies: on the one hand, the historian can focus on the philosopher's personality, and, on the other, one can reflect the development of studying philosophical problems, which demands application of the genealogical approach.

The combination of these two approaches makes it possible to describe historical-philosophical process as a certain continuity.

Ключевые слова: история философии, методология написания, философские факты, интерпретация, классификация, система, критика.

Keywords: history of philosophy, the philosophical facts, interpretation, classification, system, criticism.

Владислав Татаркевич (1886–1980), известный польский философ, историк философии, этик и эстетик, историк эстетики, историк польского искусства, занимает особое место в польской и европейской философии XX в. Он был автором более трехсот работ, среди которых своей фундаментальностью выделялась его трехтомная «История философии», над которой он работал в 30–40-е гг. XX в. В 1931 г. вышли первые два тома, а в 1950 г. – третий том этой большой работы. Такой большой перерыв между публикациями был вызван тем, что третий том этого произведения погиб в 1944 г. в огне Варшавского восстания и автору пришлось затратить несколько лет на восстановление текста этого тома.

Его научные интересы были весьма разнообразными. До 1925 г. он занимался, в основном, проблемами этики, истории философии и историей эстетики. С 1925 по 1930 г. – историей философии, в 30–40-е гг. XX в. его исследования были вновь посвящены этическим проблемам; в 40–50-е гг. он возвращается к истории философии, а в 50–60-е гг. его внимание обращается к истории эстетики, теории и практике искусства.

Ученый-энциклопедист, обладающий способностью к тонкому анализу, независимостью суждений и толерантностью по отношению к взглядам других мыслителей, – все это определило философскую позицию Вл. Татаркевича и нашло отражение в его творчестве. На характер его работы также повлияла многолетняя преподавательская деятельность. Он всегда стремился к ясности изложения, к методической простоте и логичности излагаемого материала.

Интерес к истории философии сформировала марбургская школа, где он писал докторскую диссертацию, посвященную философии Аристотеля. Эта диссертация была опубликована в 1910 г. в Гессене на немецком языке. Только в 1979 г. она была издана на родном языке философа. В предисловии к этой работе философ оценил то влияние, которое на него оказали Г. Коген и П. Наторп, основоположники этой школы. Он подчеркивал, что марбургской школе он обязан «...смелостью анализа великих мыслителей, поиском сущности их взглядов. Из разбуженной в то время смелости, которой я обильно пользовался, в частности, я позже написал, спустя несколько десятилетий, “Историю философии”» [1].

«История философии» явилась первым систематическим изложением истории западноевропейского философского знания, начиная со времен античности и до середины XX в. в польской философской литературе. Эта работа выдержала более десяти переизданий, и на ней, собственно, выросло не одно поколение польской интеллигенции, польских философов. «История философии» переведена на многие европейские языки, а также и на китайский язык. Это произведение польского философа подобно средневековым «суммам» и содержит в себе не только сведения по истории философии, но и по истории логики, психологии, этики и представляет собой весьма подробное изложение взглядов крупных представителей западноевропейской философии.

Т. Кронский, известный польский исследователь немецкой классической философии, в своей статье 1952 г., посвященной анализу и критике «Истории философии» Вл. Татаркевича, [2] обвинял автора в том, что он недостаточно уделил внимания истории восточноевропейской, польской и российской философии. Философ считал, что изложению, в частности, истории польской философии необходимо посвятить специальную работу, что он и сделал впоследствии. Отмечая заслуги Вл. Татаркевича в разработке истории польской философии, Зб. Кудерович говорил, что Вл. Татаркевича часто интересовали малоизвестные польские философы, творческое наследие которых, как правило, содержалось в небольших статьях и рукописях, а оценка их роли в развитии философии исходила из мнения философа, что они закладывали своими трудами тот фундамент, на котором выросли более крупные мыслители. «Этот интерес к менее крупным философам исходил, наверно, из убеждения в значении преподавательской и популяризаторской деятельности в развитии народной культуры, а также в подготовке почвы для появления мыслителей более крупного формата, внесших свой творческий вклад в универсальную философию» [3].

Польский философ считал, что его работа в области истории философии ни в коей мере не исчерпывает всего знания в этой области, поскольку история философии более богата, чем наша способность к ее постижению. Как историк философии он стремился к детальной классификации исходных позиций философов. Историю философии он рассматривал на широком культурном фоне тех эпох, которые он описывал. Он часто писал и говорил о том, что он является только «собирателем, коллекционером мыслей». «Коллекционирование» такого рода сформировало его плюралистическую позицию, которая нашла свое выражение не только в «Истории философии», но и в трехтомной «Истории эстетики» и других крупных работах философа.

В интервью журналу “Studia Filozoficzne” в 1976 г. по случаю своего девяностолетия Вл. Татаркевич сказал: «Мои взгляды удачно определены как плюрализм. Я всегда акцентировал внимание на том, что в искусстве есть множество возможностей. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь обнаружит счастливую формулу, которая охватит все эти возможности. Она до сих пор не обнаружена, и пришлось остановиться на плюрализме» [4].

Необходимо отметить то обстоятельство, что в «Истории философии» автор как бы отсутствует и его отношение к излагаемым философским системам и взглядам не проявляется. Такая по-

зиция дает возможность проследить процесс формирования и развития философских идей вне любых политических оценок. Эта «незаинтересованная» позиция позволяет философу определить то место, которое занимает та или иная философская система, тот или иной мыслитель не только в истории философии, но и в культуре того периода, в котором он творит. Вл. Татаркевич стремился в своем произведении вскрыть механизм функционирования философских идей в системе человеческой культуры, продемонстрировать, как меняется содержание философских понятий в ходе истории в зависимости от сложившейся ситуации в науке, технике, гуманитарном знании в ту или иную эпоху.

В истории философии, как отмечает польский философ, имеют место две тенденции, два подхода к ее изложению. Первая тенденция: историк философии может излагать материал как историю людей, которые ищут ответы на существенные вопросы своего времени, смотреть на историю через личность философа. Этот подход имеет смысл, поскольку он дает возможность описать взгляды отдельного мыслителя. Для реализации этой тенденции Вл. Татаркевич применяет имманентный анализ, который, по его мнению, дает возможность «...в изолированном изложении взглядов какого-либо мыслителя устоявить его внутренние пути мысли, ухватить их в чистоте и последовательности» [5].

Вторая тенденция – это отражение истории становления и развития философских проблем и их решений, что требует применения генеалогического подхода, который с необходимостью предполагает рассмотрение зарождения проблемы, ее развития вплоть до ее современного решения. Философ осознавал те недостатки, которыми обладают эти тенденции. Первая тенденция не дает возможности рассматривать историю философии как единое целое, как непрерывный путь развития, она дробит историю философской мысли на группы мыслителей и их мнения. Вторая тенденция в истории философии рассматривает историю становления философских проблем и их решений, но, как правило, она сводится к какой-либо позиции, которая признается критерием оценки любых иных представлений и взглядов, игнорирует индивидуальный вклад философов, искажает историю философии, превращая ее в историю одного направления или определенной философской позиции. Как отмечал Зб. Кудерович, «история философии, в понимании Татаркевича, является историей философов, их вклада в выражение человеческих позиций по отношению к миру, и, одновременно, есть история проблем и философских положений, их формирования и анализа, обобщения и критики» [6].

Польский философ большое внимание уделял индивидуальной философской творческой деятельности философов. Он считал, что она опосредованно влияет на характер изложения философских проблем, обогащает или выявляет их слабые стороны. В «Истории философии» Владислав Татаркевич тщательно квалифицировал позиции отдельных мыслителей, относил их к определенным направлениям, «...подчеркивал их вклад в разработку тех взглядов, которые становились собственностью общества или философской школы либо культуры данного времени» [7].

Польские исследователи философского творчества Вл. Татаркевича, Б. Суходольский и Зб. Кудерович, отмечали в своих статьях, оценивая историко-философскую концепцию философа, ее антигегелевский характер, писали о том, что она не поддерживает гегелевскую традицию понимания истории философии как постепенного раскрытия и реализации одной-единственной идеи. Б. Суходольский писал: «“История философии” Татаркевича ... не обращается, в целом, через взгляды конкретных философов к тому таинственному пути развития, которому подчиняется, исходя из своих законов, объективный дух; она является историей философии, созданной в разные времена и в разных странах различными людьми» [8]. Подобным образом высказывался и Зб. Кудерович, который отмечал в своей статье: «...профессор Татаркевич высказывался против выделения одной системы и ее признания единственной мерой оценки. Традиция истории философии, как истории одной, абсолютной истины – идущая еще от Гегеля – была ему совершенно чужда» [9]. Эта антигегелевская позиция по отношению к истории философии явилась еще одним источником плюралистического подхода к истории философии как процессу.

Философ в своей «Истории философии» пытался показать, что европейская философия представляет собой определенную целостность с момента своего возникновения и до наших дней. Он считал, что кроме нескольких исторических переломов философская традиция никогда не прерывалась: средневековая философия достаточно широко использовала идеи античности, а философия Нового времени – идеи Средневековья и т. д.

Вл. Татаркевич отстаивал ту точку зрения, согласно которой связи между философскими (в более широком смысле – интеллектуальными) составляющими и другими элементами культуры не подчиняются никаким общим закономерностям. Он считал, что изменения в способе мышления, в методе философствования чаще всего предвзвешивают изменения в жизни общества.

Необходимо обратить внимание на то, что имеет право делать историк, излагая историю философии, как и насколько он может вторгаться в ис-

следуемый материал, на какую методологию он должен опираться в своей исследовательской работе. В своей статье, посвященной общей методологии изложения историко-философского материала «О написании истории философии», Вл. Татаркевич определил собственную позицию как «исторический интервенционизм». Этот «исторический интервенционизм» проявляется в том, что историк имеет право на выбор фактов, на их интерпретацию, классификацию, уточнение, приведение их в систему, на критическое их рассмотрение [10].

Философ подчеркивал в этой статье роль историка в работе над историко-философским материалом. Он писал: «Активная роль историка философии, необходимость имеющего место вторжения с его стороны и неизбежная свобода этих вторжений не могут не влиять на ход развития истории философии. Она движется вперед не только через дополнение всякий раз новыми фактами и синтезом, но и через сокращение и перекрещивание. Она движется вперед как при введении новых положений, так и посредством корректировки старых» [11].

Эти методологические правила «исторического интервенционизма» польский философ применял и в своей работе над историей эстетики, и в проведении своих этических исследований, что давало ему возможность привести историко-философские, эстетические и этические факты и события в определенную систему. Он смог выстроить определенную, весьма прозрачную, ясную и понятную логику изложения, продемонстрировать во всей полноте процесс формирования понятий и идей, представить непрерывность развития этих отраслей гуманитарного знания. Польскому философу не был характерен «анархизм» в понимании свободы интервенции и неограниченных возможностей вторжения историка в исследуемый материал.

Примечания

1. *Tatarkiewicz Wl.* Uklad pojec w filozofii Aristotelesa. Warszawa. PWN. 1978. S. 12.
2. *Kronski T.* O “Historii filozofii” W. Tatarkiewicza // *Mysl filozoficzna*. 1952. № 4. S. 265–266.
3. *Kuderowicz Zb.* Wl. Tatarkiewicz jako historyk filozofii // *Studia filozoficzne*. № 9. 1980. S. 16.
4. *Trwanie i tworczość* // *Studia filozoficzne*. № 4. 1976. S. 15.
5. *Tatarkiewicz Wl.* Uklad pojec w filozofii Aristotelesa. Warszawa. PWN. 1978. S. 16.
6. *Kuderowicz Zb.* Wl. Tatarkiewicz jako historyk filozofii // *Studia filozoficzne*. № 9. 1980. S. 13.
7. *Suchodolski B.* Wl. Tatarkiewicz jako historyk filozofii // *Studia filozoficzne*. № 4. 1976. S. 166.
8. *Kuderowicz Zb.* Wl. Tatarkiewicz jako historyk filozofii // *Studia filozoficzne*. № 9. 1980. S. 13.
9. *Tatarkiewicz Wl.* O filozofii i sztuce. Warszawa. PWN. 1986. S. 47.
10. *Ibid.* S. 47.
11. *Ibid.* S. 45.

УДК 316

А. Ф. Невоструева

ГЕНЕЗИС ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы становления отечественного информационно-коммуникационного пространства в контексте исторического развития российской государственности. Выявляются особенности этих процессов с точки зрения цивилизационной парадигмы, дается характеристика информационных процессов и складывания коммуникационного пространства в период зарождения и существования древнерусской цивилизации в рамках Киевской Руси и Русских княжеств (IX–XIV вв.).

The article deals with the problems of development of national information and communication space in the context of the historical development of Russian statehood. The main features of these processes are characterized from the point of view of the civilizational paradigm. The author describes the information processes and the formation of the communication space in the period of emergence and development of ancient civilization in Kievan Rus and Ruthenian principalities (IX–XIVc.).

Ключевые слова: древнерусская цивилизация, феодализм, христианство на Руси, древнерусский этнос, менталитет, информационное пространство.

Keywords: ancient Russian civilization, feudalism, Christianity in Russia, the Russian ethnoscience, mentality, information space.

Зарождение и развитие отечественного информационно-коммуникационного пространства самым тесным образом связано с территориальным фактором, системообразующим для формирования первого типа российской цивилизации – Киевской Руси. Географический фактор всегда играет определяющую роль в жизни любого государства или региона, так как он оказывает свое влияние на протяжении очень длительного времени [1], создавая «изюминку» каждого народа, получившую название «менталитет». Время образования государства на территории, которую занимали восточнославянские племена, традиционно относят к IX в. (упоминание в летописях о призвании варягов на княжение в Киевской Руси датируется 862 г.). Не затрагивая «норманнскую» проблему становления государства, так как это не является предметом нашего рассмотрения, отметим, во-первых, что возникновение древнерусского государства органично связано со сложными процессами разложения первобытно-общинного строя у восточнославянских племен, когда внутри будущего древнерусского этноса формировались новые, феодальные, отношения. Во-вторых, появление Киевской Руси как само-

стоятельного государства произошло позже, чем возникли аналогичные государства в Западной Европе, тем самым воспроизводился уже существующий исторический опыт.

С самого начала для складывающегося общества и российской государственности особое значение имел природный и пространственный фактор. Важен сам характер физического пространства России: большая протяженность земель, их относительная незаселенность, то есть наличие свободных земель для хозяйственного освоения, чередование открытых пространств и лесных массивов, не очень благоприятные климатические условия для земледелия (зона рискованного земледелия) закладывали основу для иного, чем в Западной Европе, типа экономического развития – *экстенсивного* [2], при котором сформировался «мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта» [3]. Отсутствие гарантированного урожая заставляло крестьянство использовать иные способы хозяйственной деятельности: промысловую охоту, рыболовство, собирательство и бортничество. Это сформировало комплексный характер ведения хозяйства и универсальность приемов крестьянского труда [4].

В этих условиях для организации общества главной хозяйственной единицей становится *община*, объединяющий центр всей жизни сельского мира, что позволяет полагать, что именно сам характер пространства, занимаемого Киевской Русью, а в дальнейшем и российским государством, приводит к формированию таких отличительных черт менталитета людей, как коллективизм – способность и готовность прийти на помощь; высокий уровень патриотизма – на первом месте в шкале ценностей стояли интересы общины; героизм – способность и готовность пожертвовать собственной жизнью ради сохранения рода, общины, Родины. Обозначенные черты славянского этноса всегда вызывали удивление иностранцев и отмечались в различных источниках того времени.

Вместе с тем обилие судоходных рек и водных источников создавало благоприятные условия для внутренней торговли, а Днепр стал одним из важнейших мировых торговых путей, связав Европу и Восточные государства («из варяг в греки»). Данные обстоятельства способствовали быстрому росту городов, выполнявших не только административные функции власти, но и ставших опорными центрами коммуникаций, – как торговых, так и культурных. Не случайно в европейских хрониках одним из названий Руси становится «Гардарики» – страна городов [5].

Несомненным достижением древнерусского общества стало принятие в X в. христианства в

византийском варианте – православия, во многом повлиявшего на российское информационно-коммуникационное пространство. Объективным фактором, определившим судьбу старой государственной идеологии – язычества, отражавшего, по выражению Э. Дюркгейма, *«элементарные формы религиозной жизни»*, стал политический фактор – необходимость перехода к новому качеству организации общества, – укреплению великокняжеской власти. Преподнесенной форме государственной власти, основанной на известной формуле *«первый среди равных»*, соответствовало именно язычество с его многобожием. Как известно, отличие язычества от мировых религий – в многобожии и отсутствии единой церковной организации, в то время как мировые религии, особенно христианская церковь, были построены на основе феодальной иерархии. Именно церковь как новый социальный институт *«...одна скрепляет общество, единит людей, тогда как все остальное их разъединяет»* [6]. Изменение политического пространства власти требовало новой идеологии, основанной на единогобожии, т. е. выборе одной из существующих мировых религий.

Великий князь Владимир сделал попытку приспособить язычество к новым формам государства, введя пантеон славянских богов при главенстве Перуна, но она закончилась неудачей [7]. Этот процесс смены мировоззренческих основ социального существования человека – сложное явление, для реализации которого необходимо было иное информационно-коммуникационное пространство и новые социальные институты. *«Смена религии и для одного человека – грандиозная ломка психики, но она неизмеримо больше, когда речь идет о целом народе (этнотипе) с устоявшимися традициями культуры и быта. И, тем не менее, смена языческих культов мировыми религиями повсеместна, хотя детали этого процесса различны»* [8].

Оставляя за рамками рассмотрение проблемы выбора новой веры, отметим, что, на наш взгляд, решающими факторами принятия православия на Руси стали два обстоятельства: во-первых, использование славянского языка в богословской литературе и обрядах, облегчающего распространение христианства в народных массах (*коммуникационный эффект*), во-вторых, взаимоотношения церковной организации как идеологического института и государства в Византийской империи соответствовали процессам утверждения главенства великокняжеской власти в Киевской Руси.

Принятие православия вводит Киевскую Русь в ранг христианских европейских государств, она становится полноправным участником международной политики, государство приобретает со-

циальные черты, характерные для западноевропейских государств. Но более значимое приобретение в области культуры и информации – введение славянской письменности и приобщение к античной культуре. Последнее обстоятельство имело довольно глубинное значение. Как известно, христианство в своей католической конфессии, особенно в начальном периоде, выступало непримиримым противником античности, что приводило к определенному упрощению культурной сферы, её обеднению. Византийская империя являлась эллинистическим государством, православие представляло собой сплав достижений научной, философской мысли античного периода и христианских догматов, более мягко взаимодействующих с человеком. Кроме того, распространение письменности способствовало появлению летописания как важнейшего социального информационного канала сохранения исторической памяти древнерусского этноса. Христианизация Руси дала начало развитию многих направлений культурной жизни страны: церковному строительству и архитектуре, иконописанию, изготовлению предметов религиозных обрядов и др.

Принятие православия на территории Киевской Руси происходило в ожесточенном противостоянии языческого жречества, значительного числа жителей, поэтому для его распространения использовался, в большинстве случаев, как сегодня сказали бы, *«административный ресурс»*, т. е. возможности государственного давления. Однако особенностью утверждения православия на долгое время оставалось *«двоевечье»*, включающее в себя многие элементы языческого мировоззрения [9].

Последующий период в древнерусской истории (XI–XIV вв.) проходил в условиях *феодальной раздробленности*, что было вызвано неравномерностью экономического и политического развития отдельных регионов государства. Борьба новых, экономически развитых центров (Новгородские земли, Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское княжества) за политическое господство (за титул великого княжения) отражала общемировую закономерность раздробленности государственного строительства. В ряде исследований это время называют периодом *«интеграции и диффузии»* [10]. Не вызывает сомнения тот факт, что этот период означал не упадок значения государства как особого социального института, а являлся *этапом его развития*, в результате которого возникает новый тип объединения – *национальное государство*, с иным, в ряде случаев, национальным центром (столицей).

Тесно связанное с политическим фактором информационно-коммуникационное пространство переживает аналогичный процесс трудности в

своем развитии. Разрыв единого государственного пространства на относительно самостоятельные удельные земли, установление таможенных «заборов» и даже включение отдельных территорий в состав других государств (Польша, Литва, Дания и др.) – все это хотя и препятствовало свободному распространению информации, но все-таки оставалось существовать благодаря единству церковной структуры.

В целом, можно полагать, что генезис информационно-коммуникационного пространства древнерусского государства до XIII в. по основным параметрам совпадал с общеевропейскими направлениями. Вместе с тем в дальнейшем этот естественно-исторический процесс феодальной раздробленности был прерван татаро-монгольским завоеванием, оказавшим огромное влияние на всю последующую историю страны. Больше всего пострадали города, которые становились центрами сопротивления, они подвергались тотальному уничтожению. Практически полностью была разрушена вся городская инфраструктура, погибла или оказалась в плену основная масса ремесленников. Тем самым ликвидировались ключевые структурные центры информационно-коммуникационного пространства. При этом большая часть разоренных городов так и не смогла восстановиться в прежнем качестве центров ремесла и культуры.

В этих сложных условиях, благодаря выдающейся роли православных монастырей, стало возможным воссоздание разрушенных экономических, политических, социальных связей. Именно на долю монастырей выпала роль соединения разорванного информационно-коммуникационного пространства, сохранения исторической памяти Киевской Руси и Русских земель. В данном отношении они сыграли такую же роль, которую взяли на себя монастыри Западной Европы в период феодальной «вольницы». Не случайно этот период получил образное название «*Время соборов*» [11].

Социальный смысл существования этих очагов культуры и народной памяти заключался не только в просветительской работе, но также и в том, что они в сложных жизненных условиях поддерживали в людях надежду, выступали посредниками во взаимоотношениях между удельными князьями, формировали общественную идею национальной независимости. Как известно, символами средневековой Руси являются четыре исторические фигуры: князя Александра Невского и Дмитрия Донской, олицетворяющие военный и политический талант, и не менее важные образы преподобного Сергия Радонежского (игумен Троицкого монастыря, впоследствии преобразованного в Троице-Сергиеву лавру) и иконописца Андрея Рублёва. Доминирующей в со-

держании информационно-коммуникационного пространства становится идея борьбы за возрождение единства государства, к православной церкви переходят все функции управления коммуникацией, ей же принадлежала монополия на информацию.

К концу рассматриваемого периода Русские земли так и не смогли восстановить роль городов как центров зарождения новых форм взаимоотношений власти и личности, в то время как на Западе отмечаются первые проявления процесса формирования гражданского общества, завершившегося в условиях Нового времени.

Крестьянство, подавляемое непомерными налогами в пользу княжеской казны и Золотой Орды, представляло собой безмолвную массу, не способную оказывать влияние на государственную власть, не имеющую никаких институтов выражения своих интересов. Экономическая незащищенность крестьянского хозяйства, постоянная военная опасность перед набегами, обязанность выплачивать дань создают благоприятные условия для утверждения внеэкономических форм принуждения, позднее принявших вид *крепостного права*. Купечество («*торговые люди*») также находилось в полной зависимости от власти, к тому же его развитие сдерживалось наличием большого числа таможенных препятствий на границах удельных княжеств. Властные структуры удельных княжеств в ходе взаимоотношений с Золотой Ордой воспринимают её практику государственного управления на своих территориях, получившую позднее название «*восточный деспотизм*».

Таким образом, вектор социального развития Русского государства (IX–XIV вв.) всё дальше отходил от магистрального пути Западной Европы и приобретал характер своеобразного симбиоза двух типов развития: восточного и западного – при доминировании восточного типа. Своеобразная информационно-коммуникативная изоляция дополнялась противостоянием двух ветвей христианства: православия и католичества, – подчас принимавшим военный характер (продвижение религиозных католических орденов на славянские территории), что, естественно, затрудняло взаимовлияние и взаимодействие. А слабое освоение русских земель, отсутствие нормальных дорог («*на Руси нет дорог, есть только направления*») создавало дополнительные трудности в осуществлении коммуникаций.

Примечания

1. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2006. Т. 3. Время мира. Гл. 1; Блок М. Феодальное общество. Кн. 1. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.
2. Экстенсивный (за счет вовлечения новых ресурсов) характер сельскохозяйственного производства

сохранился в нашей стране до середины 50-х гг. XX в., когда был использован последний свободный земельный ресурс – освоены целинные земли. И только с этого периода начинается переход к интенсификации сельского хозяйства.

3. Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОС-ПЭН, 1998. С. 8.

4. Достаточно вспомнить знаменитый рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», где с особой яркостью показана смекалка, хозяйственная изобретательность русского крестьянина.

5. Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. Т. 1. М.: Аграф, 1999. С. 191.

6. Трубецкой Е. Н. Философия христианской теократии в V веке // Вопросы философии и психологии. М., 1891. Кн. IX. С. 33.

7. См.: Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М.: Изд-во «Индрик»,

1998; Клейн А. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Изд-во «Евразия», 2004; Кузьмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М.: Мол. гв-я, 1988 и др.

8. Гумилев А. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2006. С. 154–155.

9. На это обстоятельство указывают многие ученые и богословы. См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. С. 168–169; Зосимовский З. В. Есть ли у русских религия? СПб.: Типо. журн. «Строитель», 1911; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. С. 8–15; Хомяков А. С. Церковь одна: собр. соч. Т. 2. Сочинения богословские. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 21–22 и др.

10. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 463–465.

11. Дюби Ж. Время соборов: Искусство и общество 980–1420. М.: Ладомир, 2002.

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323

К. А. Антипов

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия двух институтов гражданского общества: некоммерческих организаций и местного самоуправления. Автор выделяет группы проблем, влияющих на эффективность деятельности этих институтов. Предлагаются варианты решения обозначенных проблем.

The paper considers the problem of interaction between the two institutions of civil society: non-profit organizations and local government institutions. The author identifies a group of problems affecting the efficiency of these institutions and proposes solutions to the problems identified.

Ключевые слова: некоммерческие организации, местное самоуправление, муниципальная власть, местное сообщество, гражданское общество.

Keywords: non-profit organizations, local government, municipal authorities, local community, civil society.

В последнее время достаточно большое внимание власти сконцентрировано на деятельности некоммерческих организаций. С одной стороны, они являются неременным атрибутом любого развитого демократического государства и помогают решать те проблемы, до которых «не дотягивается» государство. С другой стороны, государственную власть тревожит то, что, будучи самоорганизованными структурами, некоммерческие организации склонны к политизации и оппозиционности по отношению к власти. Внутри подобных организаций могут появляться люди с лидерским потенциалом, которые способны иметь влияние на большое число людей. Находясь в этих тисках, государственная власть пытается изменить нормативные основы деятельности некоммерческих организаций, использовать механизм их финансирования, содействовать контактам некоммерческих организаций и органов местного самоуправления. Остановимся на особенностях взаимодействия некоммерческих орга-

низаций (далее – НКО) и органов местного самоуправления (далее – МСУ).

Современная теория и практика убедительно показывают, что МСУ и НКО играют ключевую роль в институционализации гражданского общества и развитии социальной активности граждан. Без их участия невозможна модернизация экономики, политики, общества в целом. Однако уровень развития НКО и МСУ сегодня в России таков, что он не соответствует современным требованиям. На пути развития этих важнейших социальных институтов стоит множество проблем, которые необходимо не только обозначить, но и найти пути их решения в современных социально-политических и экономических реалиях.

В самом широком виде можно выделить три группы таких проблем. Первая и вторая группы проблем связаны с низким уровнем развития этих институтов в отдельности. Третья группа состоит в слабом взаимодействии НКО и МСУ, отсутствии синергетического эффекта от их взаимодействия.

Рассмотрим каждую из названных групп проблем подробнее.

Проблемы местного самоуправления. Значение местного самоуправления в развитии гражданского общества действительно трудно переоценить. В стране насчитывается 24 тысячи муниципалитетов, из них 19 тысяч – муниципальные образования в виде сельских поселений. За 7 последних лет количество муниципальных образований увеличилось более чем в два раза [1].

Преимущества местного самоуправления перед другими властными институтами (федеральными и региональными) состоят в том, что этот уровень власти ближе всех к населению и при определённых условиях обеспечивает наилучшие условия для включения граждан в общественную деятельность. Он вовлекает их в различные формы участия по решению местных вопросов, принятию на себя ответственности за дела в своём населённом пункте.

В научной литературе, в многочисленных социологических исследованиях, на различного рода форумах и конференциях, в устных выступлениях руководителей муниципалитетов, в статьях периодической печати выделяются ключевые проблемы, которые мешают сегодня развитию МСУ. К их числу относятся финансовая несостоятельность основной массы муниципали-

тетов, стабильно низкие собственные доходы бюджетов, что не позволяет удовлетворять многие повседневные нужды и потребности граждан. Более того, если налог на недвижимость, как планируется, будет региональным, то это может привести к полной потере муниципалитетами собственных налогов. Есть сферы, где ситуация, связанная с полномочиями МСУ, постепенно и неуклонно ухудшается. В первую очередь, это касается системы ЖКХ, где, по свидетельству специалистов, требуется принятие экстренных мер. Отсюда другая проблема: узость доходной части МСУ, высокая зависимость от финансовой помощи бюджетов других уровней. Уже много лет ведутся дискуссии о необходимости пересмотра принципов формирования местных бюджетов и межбюджетных отношений. От инструмента выравнивания, которыми они являются сейчас, они должны стать инструментами развития. Наиболее неблагоприятная финансовая ситуация складывается в сельских муниципальных образованиях, а также в поселениях с монопрофильной структурой экономики (так называемые моногорода); существенной проблемой, снижающей роль МСУ в решении жизненно важных вопросов местного значения, является высокий уровень коррупции и криминала в структурах муниципальной власти, в несовершенстве и противоречивости правовой базы.

Значительная часть проблем МСУ кроется в низкой общественной активности граждан, слабом развитии их способности к самоорганизации. Проще говоря – нет традиций самоорганизации или они крайне слабо развиты. Поэтому их необходимо формировать, как это делалось во многих странах. Свою позитивную роль в этом должны сыграть государственные структуры. К сожалению, сегодня наблюдается противоположное. Так, в ряде регионов страны насаждается практика назначения сити-менеджеров, вместо избрания глав муниципальных образований населением. И те регионы, где реализуют право выбирать местную власть, Министерство регионального развития называет «отстающими». Тем самым люди отчуждают от минимального влияния даже на ближайшую к ним власть [2]. Встраивание МСУ в вертикаль власти выхолащивает социальную природу этого вида управления.

Но есть и другая негативная сторона. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» (2003) достаточно чётко разграничил полномочия между тремя уровнями власти. Однако практика показывает, что органы государственной власти всё больше передают свои обязанности на муниципалитеты. А те, в свою очередь, принимают их. Это связано с тем, что исполнение ими государственных задач сопровождается соответствующим финанси-

рованием. Но выполняя эту часть, муниципалитеты нередко забывают о своём истинном предназначении. Местные сообщества в работу не включаются, бюджетных заявок по своим округам депутаты не представляют. Сегодня очень мало муниципалитетов нацелено на развитие собственной экономики. Загруженные выполнением различных государственных программ, они начинают привыкать к этому. Это расхолаживает муниципалитеты, не стимулирует их деятельность на поиск источников повышения собственной ресурсной базы, теряется непосредственная связь МСУ с его социальной основой – местным сообществом.

Учитывая наличие этих и других проблем, вряд ли можно говорить о сформировавшейся системе МСУ и о завершённости муниципальной реформы.

Некоммерческие организации и их проблемы. НКО, наряду с МСУ, являются важной основой современной демократии, поскольку формируют своеобразную буферную прослойку между индивидуумом, местным сообществом и государством. И чем активнее и шире эта прослойка, тем выше контроль общества за всеми уровнями власти (федеральной, региональной, местной), тем полнее проявление гражданской активности. Деятельность НКО – это одно из мощных средств, препятствующих развитию бюрократических процессов, противостоящих укреплению позиций «рыночного фундаментализма», господству денежных ценностей.

По оценкам экспертов, за первые 10 лет с начала демократических преобразований в стране насчитывалось 600 тысяч НКО. Однако к 2006 г. с введением официальной отчётности их число сократилось и уменьшается ежегодно [3]. На это есть определённые причины. Их выделим несколько позже.

Деятельность НКО способствует снижению уровня отчуждённости широких слоёв населения от власти всех уровней, стимулирует развитие солидарности в обществе. Важно то, что деятельность НКО реализуется в социальных сферах, где средств государства на осуществление целенаправленных программ не хватает. Не случайно НКО называют «третьим сектором». В нём работает достаточно значительная часть трудоспособного населения (часто безвозмездно), снижая тем самым уровень безработицы и решая частично проблему занятости и социальной обеспеченности. Ряд НКО для реализации своих проектов привлекает в страну средства международных организаций и фондов. К сожалению, из-за недостатков в законодательстве и практике его применения среди российских НКО есть и такие, которые за рубежом деньги проводят открытую политику в интересах других государств на нашей террито-

рии, пытаясь использовать социально активных людей для своих целей. Так, только из госбюджета США, без учёта всевозможных фондов и программ, в 2009–2011 гг. было выделено 160 млн долларов на поддержку НКО в России [4]. Понятно, что бояться иностранных денег не стоит, но контролировать, на что они тратятся, безусловно, государство должно.

Специальные исследования и практика показывают, что в деятельности НКО, как и в местном самоуправлении, имеет место целый ряд существенных проблем.

Прежде всего, недостаточное финансирование НКО или его фактическое отсутствие. Так, по данным исследования, проведённого при участии автора в 2008 г. в 14 городах Приволжского федерального округа, только каждая вторая НКО имеет достаточную финансовую обеспеченность [5].

Хотя следует отметить, что государство, осознавая значимость НКО в развитии общества, принимает некоторые меры по их финансированию. Тем не менее эта помощь чаще всего бывает недостаточной и оказывается не постоянно, а время от времени.

Есть ещё одна сторона этой проблемы: очень немногие российские бизнес-структуры реально не рассматривают поддержку НКО как свою социальную обязанность. Они больше рассматривают её как выгодный PR. Следствием названной проблемы является слабая материально-техническая база. Острые ресурсные проблемы практически заслоняют другие системные моменты.

Нехватка профессиональных кадров, лидеров НКО также осознаётся и самими организациями и властью. Одной из ключевых причин данной проблемы является низкая информированность граждан о НКО, их деятельности и возможностях влиять на принятие решений органами власти и бизнес-структур.

В большинстве своём со стороны государственных и муниципальных органов власти отсутствует реальная поддержка этого важнейшего института общества. В этом, по нашему мнению, одна из существенных причин низкого престижа общественно активного человека. Так, по данным опроса, проведённого Государственным университетом – Высшей школой экономики при участии фонда «Общественное мнение», более чем каждый второй респондент (63%) полагает, что сегодня в России трудно быть общественно активным человеком. Лишь 16% придерживаются противоположного мнения [6]. Особенно низкая оценка собственной активности у жителей сёл и малых городов. Как следствие такого положения – в этих населённых пунктах крайне мало, а то и совсем нет НКО. Хотя потенциальная социальная база для российского гражданского общества, к которому относятся как люди, уже

участвующие в социальных практиках гражданского общества, так и люди, ориентированные на такое участие, по данным того же исследования, составляет не менее 90% взрослого населения России [7].

Понятно, что в разных регионах страны и разных типах поселений социальная база отличается, и порой существенно. По этой причине наблюдается тенденция постепенного и поступательного развития регионального законодательства – как законов, так и подзаконных актов, многие из которых изменяются или дополняются в зависимости от темпов развития и активности некоммерческого сектора в регионах.

Исследования и реальная практика показывают, что часть НКО преследуют очень конкретные, «приземлённые» интересы, ориентированные на зарабатывание денег, на решение собственных проблем разными путями. И нередко это не имеет ничего общего ни с целями, ни с задачами, обозначенными в уставах НКО, что отрицательно влияет на престиж этих общественных организаций. По данным социологических исследований, более половины россиян не знают, есть ли польза от НКО [8].

Проблемы взаимодействия местного самоуправления и некоммерческих организаций. Если сравнить проблемы, имеющиеся у двух социальных институтов, то во многом они схожи. Но есть и некоторые отличия. Во-первых, значительно более активную роль в развитии местного самоуправления играет государство, нежели НКО. Во-вторых, при всех недостатках, МСУ – это публичные властные органы, в то время как НКО – это добровольные самодеятельные организации. Довольно часто они вынуждены рассчитывать только на себя. Отсюда следует третья особенность. Её суть состоит в том, что при слабом взаимодействии органов местного самоуправления с населением они превращаются в формальную, бюрократическую, закрытую организацию, а НКО в подобной ситуации просто прекращает свою деятельность.

Можно выделить ряд направлений и социальных практик, способствующих усилению взаимодействия местного самоуправления и НКО. Такое взаимодействие усиливает потенциал двух социальных институтов. Появляется так называемый синергетический эффект. Это суммирующий эффект взаимодействия двух и более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

Важнейшим направлением такого взаимодействия является совместное участие в разработке нормативных актов. Поскольку НКО не наделены правом нормотворческой инициативы, то основной формой их участия в нормотворческом

процессе является общественная экспертиза нормативных актов.

Важным направлением взаимодействия НКО и органов местного самоуправления является совместное участие в сфере благоустройства, решения социально-бытовых и жилищно-бытовых проблем жителей поселений. В области самоорганизации граждан для решения бытовых и жилищно-коммунальных проблем важной разновидностью НКО являются товарищества собственников жилья, организуемые на базе многоквартирных домов. К сожалению, здесь накопилась масса проблем. Прежде всего, рынок предоставления услуг ЖКХ недостаточно регламентирован законодательством. В этой сфере возникает масса вопросов и конфликтных ситуаций, которые можно было бы урегулировать в досудебном порядке, через создание общественно-консультативных центров.

Уже многие годы местные органы власти активно используют практику муниципальных грантов и социальных заказов как важных источников финансирования социальной сферы с привлечением НКО в качестве благополучателей. Тем самым они не только расширяют свою социальную базу, но и стимулируют активность НКО, развивают активность граждан своих поселений.

За счёт привлечения НКО к своей деятельности, МСУ в ряде регионов страны удалось убедить граждан в полезности такой социальной практики, как введение самообложения граждан. Так, в Пермском крае из 148 поселений региона в ходе референдума (4 декабря 2011 г.) в 118 муниципалитетах поддержали такую практику. Этот проект получил поддержку краевой власти в виде дополнительных финансовых вливаний, связанных с благоустройством территорий. Этот проект получил название «Активные граждане – сильный муниципалитет».

Есть и другие положительные практики взаимодействия НКО и МСУ.

Однако в целом эффективность межсекторного социального партнёрства невелика. Многие причины такого положения лежат в ранее названных проблемах, характерных для этих социальных институтов, в том числе в ограниченных ресурсах, несвоевременной нормативной базе, низкой способности местных сообществ к самоорганизации.

Но есть и более общие причины, связанные с «архаичностью» и социальной инертностью нашего общества [9]. И не устранив эти общие причины, вряд ли можно ожидать усиления позиций МСУ и НКО.

Необходимость повышения роли институтов гражданского общества – МСУ и НКО – диктуется всей логикой общественного развития. Это требует объединения усилий и государства, и

бизнеса, и широкого общественного участия граждан. Отношение государства и граждан к МСУ и НКО является одним из важных социальных индикаторов развитости гражданского общества.

Подлинная демократия и реальная свобода не могут получить своё развитие при запредельном социальном расслоении российского общества. «Не может быть свободы там, – пишет японский философ Я. Кэндзюро, – где человек лишён права жить по-человечески. Поэтому основным условием достижения всеобщей свободы должна быть гарантия на жизнь и труд для всего народа. Пока основные права не будут гарантированы, то, сколько бы ни предоставлялось свободы слова и мысли, она не будет истинной свободой» [10].

Следовательно, достижение большей социальной справедливости, снижение уровня расслоения общества является важной предпосылкой расширения социальной базы МСУ и активизации деятельности НКО. Негативное влияние на усиление взаимодействия МСУ и НКО оказывают коррупция, криминал и низкая активность граждан, правовые пробелы в деятельности этих институтов.

Так, система функционирования местного самоуправления требует постоянного правового совершенствования: с момента принятия 131-го закона уже внесено более 100 поправок. Кроме того, принято около 50 законов, так или иначе затрагивающих сферу деятельности местного самоуправления. Зачастую обновление законодательства, по словам председателя «Всероссийского совета местного самоуправления» В. С. Тимченко, происходит так быстро, что муниципалитеты не успевают вносить изменения в свои нормативные акты [11]. С другой стороны, многие изменения, инициируемые различными ведомствами, достаточно хаотичны, а активность населения по-прежнему низка.

Примечания

1. Тимченко В. Как логика ломается практикой // Российская Федерация сегодня. 2011. № 9. С. 39.
2. Левичев Н. Пора заглянуть вглубь // Российская федерация сегодня. 2011. № 9. С. 17.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Обществ. палата РФ, 2008. С. 83.
4. Шкель Т. Некоммерческие организации в России // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. 3 февр.
5. Вьюжанин В. Н. Третий сектор городских поселений Приволжского федерального округа: состояние и стратегии развития // Эмпирические исследования гражданского общества: сб. материалов обществ. слушаний. М.: Обществ. палата РФ, 2008. С. 30.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М.: Обществ. палата РФ, 2008. С. 9.
7. Там же. С. 11.

8. Брынцева Г. Кому идут гранты? // Российская газета. 2007. 2 ноября. С. 13.

9. Президент: Сначала свободный человек, потом свободная страна // Российская газета. 2010. 11 ноября. С. 2.

10. Кэндюро Я. Философские свободы. М., 1958. С. 120.

12. Тимченко В. Местное самоуправление – ресурс для развития страны. URL: <http://tyumen.er.ru/news/tr/?news=3815>

УДК 316.354.2

А. Б. Буханцев

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВОВ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ У КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В статье анализируется процесс формирования мотивов, которые влияют на прохождение военной службы. Изучаются факторы, обуславливающие формирование этих мотивов, и их трансформация в процессе обучения в военном вузе.

The paper analyzes the formation of motives that influence performing military service. This article also studies the factors of forming these motives and their changes in the course of training in the military college.

Ключевые слова: мотивы, ценности, военная служба, курсанты, военные вузы.

Keywords: motivations, values, military service, cadets, military schools.

Изучение состояния и динамики развития мотивационно-ценностной структуры личности курсанта высшего военно-учебного заведения в настоящее время представляется важным и необходимым как с точки зрения научного анализа, так и с позиции создания основания для определения направлений деятельности органов военного управления по формированию оптимальной системы военного образования. Только на основе научной оценки и констатации реального состояния и динамики формирования мотивов и ценностей у курсантов, выявления факторов, негативно влияющих на процесс привития курсантам ценностей военной службы и активацию негативных мотивов прохождения военной службы, можно обосновать направления и пути воздействия на процесс формирования мотивационно-ценностной структуры личности у курсанта высшего военно-учебного заведения.

Одним из этапов исследования мотивационно-ценностной структуры личности курсанта высшего военно-учебного заведения является

изучение мотивов как выбора молодым человеком военного образовательного учреждения для продолжения своего образования, так и последующего продолжения военной службы.

Исследование проводилось на базе трех военных вузов, дислоцированных в г. Москве. Выборка исследования рассчитана исходя из следующих принципов:

– требования по точности данных – на уровне 5% ошибок;

– группами репрезентации определены курсы специальностей:

1) командная – курсанты Московского ВВОКУ (ВИ);

2) техническая – курсанты Военной академии РВСН им. Петра Великого;

3) гуманитарная – курсанты Военного университета;

– объем выборки определен для доверительной вероятности 0,95 и ошибке 5%, при максимальной дисперсии для качественных вопросов $S = 0,25 - 360$ человек;

– квоты выборки по группам репрезентации распределены:

1-я группа – 120 человек;

2-я группа – 120 человек;

3-я группа – 120 человек.

На первой ступени единицами отбора являлись факультеты высших военно-учебных заведений. В каждом из высших военно-учебных заведений отбиралось по одному факультету, который представлял в выборке все факультеты своего вуза. Отбор факультетов из высших военно-учебных заведений осуществляется случайным способом путем жеребьевки.

На второй ступени отбирались курсы выбранных факультетов. Для уточнения трансформации мотивов курсанта в процессе обучения были выбраны I, III и V курсы обучения. В высших военно-учебных заведениях, где на момент проведения исследования I курс отсутствовал, отбор производится со второго курса.

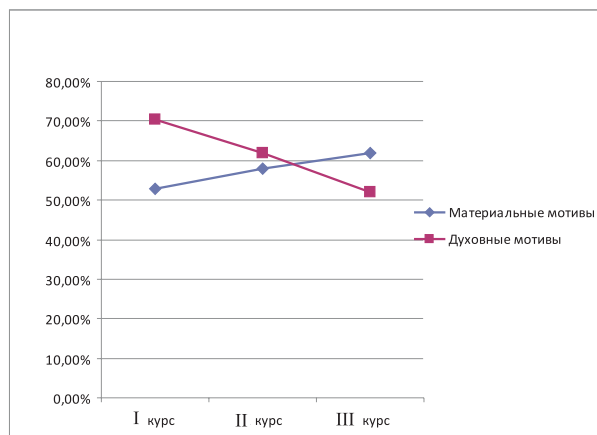
Распределение выборки осуществлялось равномерным способом по 40 курсантов на курс. Данное количество опрошенных предполагалось достигнуть в ходе сплошного опроса двух учебных групп с курса. В случае, если численности двух учебных групп при опросе недостаточно для достижения необходимого численного значения, то производится довыборка в соседних учебных группах.

Сконструированная модель выборки является, таким образом, двухступенчатой, на первой ступени – случайной, на последней ступени – сплошной.

Для проведения социологического анализа данных было проведено ранжирование мотивов учебно-служебной и профессиональной деятель-

ности, которые были объединены по следующим группам: профессиональные, общественно значимые, самореализации, меркантильно-личностные. Далее группы были объединены в два блока: профессиональные и общественно значимые – в блок духовных мотивов, а самореализация и меркантильно-личностные – в блок материальных мотивов (см. табл. 1).

Усредненное изменение мотивов, входящих в данные блоки, можно увидеть на следующем графике (см. рисунок).

Как видно из графика, духовные мотивы снижаются на протяжении всего процесса обучения, достигая минимума к моменту выпуска. Наибольшее падение показывает группа общественно-значимых мотивов, снижаясь за время обучения более чем на 60%. В свою очередь, материальные мотивы показывают устойчивый рост, который происходит за счет группы меркантильно-личностных мотивов, в то время как группа мотивов самореализации незначительно снижается. Особенно заметно увеличение доли мотива государственного обеспечения, обучения в крупном городе и, конечно, мотива решения жилищной проблемы, который с I курса по V демонстрирует рост на 134% от первоначального значения.

Таким образом, анализ структуры мотивов респондентов показывает, что общественное в процессе обучения уходит в сознании личности на второй план, а мотивы учебно-служебной деятельности определяются потребностями и ценностными ориентациями личного характера.

Однако для получения полной картины, выявления ряда зависимостей необходимо провести двухмерный анализ наиболее важных показателей.

На данном этапе исследования необходимо было выявить зависимость структуры мотивов от различных условий, факторы, наиболее влияющие на них, проанализировать их зависимость

от социального статуса, т. е. от семейного положения, социального происхождения, военной специальности, срока выслуги, региона проживания до поступления.

Для этого вычислялся индекс мотивированности, лежащий в интервале от -1 до 1, по формуле

$$I_M = \frac{(+1)m_{Дn_1} + (-1)m_{Мn_2}}{N}$$

где $m_{Д}$ – число выбранных мотивов, входящих в блок «духовные», $m_{М}$ – число выбранных мотивов, входящих в блок «материальные», и т. д., N – общее число показателей, используемых для построения индекса.

Анализ уровня мотивированности в группах курсантов, сформированных по наличию опыта военной службы до поступления в военный вуз, показал, что уровень мотивированности возрастает с ростом информированности личности о военной службе и сознательности выбора офицерской профессии. Более высоким уровнем мотивированности на фоне курсантов, не имеющих опыта военной службы до поступления в вуз (0,05), отличаются в современных условиях курсанты, поступившие в вуз после окончания суворовских (нахимовских) военных училищ (0,19), прохождения службы по призыву (0,13) и службы по контракту (0,41).

В социальных группах курсантов, сформированных по профилю получаемой специальности, можно отметить следующие тенденции относительно уровня мотивированности. Наиболее высоким уровнем мотивированности в современных условиях отличаются курсанты, проходящие службу в инженерных военных вузах (0,22). Чуть меньшее значение уровня мотивированности зафиксировано у курсантов, обучающихся в командных вузах (0,14). В гуманитарных военных вузах значение индекса мотивированности имеет отрицательное значение (-0,08).

Исследование уровня мотивированности по социально-демографическим признакам позволило также определить, что наиболее высоким уровнем мотивированности отличаются группы курсантов, проживавшие до выбора профессии офицера в сельском населенном пункте (0,20); с социальным происхождением из семьи военнослужащих (0,24) и женатые (0,23). Наиболее низким уровнем мотивированности характеризуются группы курсантов, проживавшие до поступления в вуз в г. Москве и Санкт-Петербурге (-0,21), с социальным происхождением из предпринимателей (-0,28).

Изучение динамических характеристик формирования мотивации личности.

Оценка динамических характеристик процесса формирования мотивации личности курсанта осуществлялась на основе анализа типовых моделей ее развития на предварительном и текущем этапах.

Изучение выявленных моделей показывает, что уже на *предварительном этапе*, т. е. при поступлении в военный вуз, материальные мотивы преобладали у 51% сегодняшних курсантов (см. табл. 2), другими словами, каждый второй курсант, до того как начал подготовку в системе военного образования, не желал проходить офицерскую службу и профессиональный выбор сделал под влиянием других мотивов и ценностей, не связанных с желанием продолжать службу в качестве кадрового офицера. Еще у 6% респондентов до вуза духовные и материальные мотивы равны. Характерно, что приверженность материальным мотивам, сформированная на предварительном этапе, чаще всего сохраняется и на последующих этапах обучения в военном вузе. Результаты исследования показывают, что почти у 80% курсантов, руководствующихся материальными мотивами до поступления в вуз, сохраня-

ется желание и стремление уволиться с военной службы после выпуска (см. табл. 2).

Сравнительный анализ типовых моделей развития мотивации в процессе обучения у курсантов, различающихся профилями обучения, показывает, что современная система отбора абитуриентов не способствует в должной мере отбору лиц, нацеленных на бескорыстное обучение и дальнейшую службу в качестве кадрового офицера. Это явно проявляется в том, что значительная часть абитуриентов, изначально мотивированных материальными, корыстными мотивами, проходит через сито вступительных испытаний и профессионального психологического отбора.

Результаты социологического опроса курсантов-выпускников показывают, что до поступления в военный вуз материальные мотивы преобладали у 44% из них, еще у 4% материальные и

Таблица 1

Мотив	I курс		III курс		V курс	
	К поступлению в военный вуз	К прохождению службы в ВС РФ	К поступлению в военный вуз	К прохождению службы в ВС РФ	К поступлению в военный вуз	К прохождению службы в ВС РФ
ДУХОВНЫЕ						
Профессиональные						
Содержательность и интересность профессии	78,3%	71,7%	71,7%	65,2%	61,7%	59,5%
Работа в коллективе	75,0%	77,5%	63,3%	65,0%	55,2%	57,8%
Физическое совершенствование	81,7%	89,2%	80,8%	85,8%	79,2%	83,3%
Желание принадлежности к офицерскому корпусу	80,0%	82,5%	75,8%	75,8%	54,2%	51,5%
Самосовершенствование в области дисциплины	68,3%	70,0%	59,2%	65,0%	52,7%	50,5%
Общественно значимые						
Патриотический долг	77,5%	75,0%	61,2%	55,2%	52,2%	49,8%
Семейная традиция	40,0%	41,7%	44,2%	48,3%	45,8%	45,8%
Продолжение традиций русского воинства	62,5%	59,2%	53,3%	49,7%	41,3%	35,5%
Общественная значимость профессии	62,5%	61,7%	51,2%	50,3%	43,8%	39,8%
Желание лично участвовать в обороне Отечества	75,8%	76,7%	59,3%	65,0%	43,5%	49,5%
МАТЕРИАЛЬНЫЕ						
Самореализация						
Достичь определенного соц. положения	83,3%	87,5%	81,8%	82,2%	80,5%	80,0%
Материальная заинтересованность	64,2%	54,2%	56,7%	47,5%	55,8%	42,5%
Возможность творчества	60,8%	60,0%	48,3%	50,8%	49,2%	49,2%
Меркантильно-личностные						
Уверенность в трудоустройстве после выпуска	72,5%	80,8%	66,7%	70,0%	63,3%	73,3%
Бесплатное образование	71,7%	78,3%	73,7%	81,7%	77,0%	84,7%
Желание уклониться от службы по призыву	11,7%	13,3%	21,7%	24,2%	20,8%	18,3%
Государственное обеспечение	54,2%	55,8%	62,5%	63,5%	77,5%	79,5%
Настояние родителей	29,2%	29,2%	26,7%	30,0%	29,2%	32,5%
Обучение в крупном городе	40,0%	43,3%	48,3%	51,3%	67,8%	71,5%
Решение жилищной проблемы	44,2%	39,2%	81,8%	83,2%	88,8%	91,8%

духовные мотивы были равнозначны. В процессе обучения, однако, мотивация трансформировалась таким образом, что материальные мотивы стали преобладать у 66% выпускников, причем данное количество формировалось постепенно, с увеличением курса обучения. Снижение доли курсантов, у которых преобладают духовные мотивы, вероятно всего связано в числе прочих причин с тем, что определенное количество курсантов отчисляется в процессе обучения, разочаровавшись в военной службе.

Анализ моделей развития мотивации у курсантов высших военно-учебных заведений у различных профилей обучения свидетельствует о

том, что в вузах гуманитарного профиля процесс формирования мотивации будущих офицеров носит более деструктивный характер. По результатам проведенного исследования выяснилось, что более чем у половины респондентов гуманитарного профиля (52%) материальные мотивы преобладали еще до поступления, а к пятому курсу это количество достигает почти 80% от общего числа выпускников.

Несмотря на более высокие показатели формирования мотивации у курсантов инженерного и командного профилей, остается фактом, что сегодняшний процесс обучения и воспитания курсантов не в полной мере отвечает формирова-

Таблица 2

Модели развития мотивированности курсантов на предварительном и текущем этапах (% по столбцам)

Мотивация к поступлению в военный вуз	Изменение мотивации к дальнейшему прохождению службы в процессе обучения	Наименование моделей развития мотивации	Среди курсантов первых курсов	Среди курсантов третьих курсов	Среди курсантов пятых курсов
+	↑	Мотивированные духовными мотивами до вуза, в вузе мотивация усилилась	9%	11%	11%
+	=	Мотивированные духовными мотивами до вуза, в вузе мотивация не изменилась	7%	6%	8%
+	↓	Мотивированные духовными мотивами до вуза, в вузе стали преобладать материальные мотивы	27%	31%	33%
0	↑	До вуза духовные и материальные мотивы равнозначны, в вузе стали преобладать духовные мотивы	2%	3%	2%
0	=	До вуза духовные и материальные мотивы равнозначны, в вузе мотивация не изменилась	1%	0	0
0	↓	До вуза духовные и материальные мотивы равнозначны, в вузе стали преобладать материальные мотивы	3%	7%	2%
-	↑	Мотивированные материальными мотивами до вуза, в вузе стали преобладать духовные мотивы	0	0	0
-	=	Мотивированные материальными мотивами до вуза, в вузе мотивация не изменилась	6%	8%	13%
-	↓	Мотивированные материальными мотивами до вуза, в вузе мотивация усилилась	45%	34%	31%

Мотивация к поступлению в военный вуз		Изменение мотивации к дальнейшему прохождению службы в процессе обучения	
+	Преобладают духовные мотивы	↑	Стали преобладать духовные мотивы
0	Духовные и материальные мотивы равнозначны	=	Духовные и материальные мотивы остались равнозначны
-	Преобладают материальные мотивы	↓	Стали преобладать материальные мотивы

нию курсанта, отвечающего потребностям нового перспективного облика Вооруженных Сил Российской Федерации. Так, треть курсантов в ходе анкетного опроса признались, что за время обучения их мотивы сменились с духовных на материальные, причем обратного преобразования не произошло ни у кого. Несмотря на то что у более чем 10% курсантов преобладают духовные мотивы, очевидно, что этого недостаточно.

Результаты проведенного военно-социологического исследования показали, что существует противоречие между современной мотивационно-ценностной структурой личности курсанта высшего военно-учебного заведения и требованиями, предъявляемыми к курсантам высшего военно-учебного заведения новым перспективным обликом Вооруженных Сил РФ.

Включение курсанта в учебно-служебную деятельность в военном вузе позволяет ему расширить свои представления об избранной военной специальности, о военной службе в целом, о характере и условиях будущей офицерской службы. В этом новом статусе, как никогда ранее, начинают обостряться противоречия между действительным и желаемым, между идеальным и реальным. Отметим, что несмотря на изменение мотивов с курсом обучения практически не изменяется процент курсантов, желающих уволиться сразу после выпуска (табл. 3).

Как видно из табл. 3, процент желающих служить после выпуска из военного вуза увеличивается с 66% на I курсе до почти 71% – на V. Незначительно, на 3%, растет количество желающих уволиться, происходит это за счет уменьшения доли неопределившихся, к V курсу таких менее 17%.

По нашим заключениям, современный процесс формирования мотивации курсантов к прохождению военной службы может принимать устойчивый и неустойчивый характер развития. Устойчивым он является тогда, когда направленность, сложившаяся на предыдущих этапах формирования, сохраняет свое значение на последующих. Если же мотивация меняет свою направленность на последующих этапах, то про-

цесс формирования мотивации курсанта является неустойчивым.

Для выявления наиболее распространенных моделей была сконструирована теоретическая матрица возможных моделей формирования мотивации на протяжении изучаемого периода. Сопоставление мотивации в период поступления в вуз, в период среднего этапа обучения (III курс) и перед выпуском (V курс), а также группировка моделей по критерию «устойчивые – неустойчивые» позволили выявить, что неустойчивость формирования мотивации в период обучения в вузе проявляется у каждого третьего (37%) курсанта (см. табл. 4).

Анализ неустойчивых моделей формирования мотивации курсантов показывает, что только каждый пятидесятый курсант (2%) развивается по неустойчиво-духовной модели, имеющей тенденцию к преобладанию духовных мотивов продолжения военной службы после выпуска из военного вуза. Значительная часть изменений (35%), протекающих в процессе формирования мотивации курсантов в период обучения, направлена в сторону преобладания материальных мотивов.

Анализ устойчивых моделей формирования мотивации в современных условиях указывает на то, что доля стабильно развивающихся моделей преобладает среди курсантов. Так, устойчиво-духовная модель формирования мотивации, которая характеризуется стабильным преобладанием духовных мотивов продолжения военной службы, свойственна только для одной пятой части курсантов (19%). Для 44% курсантов характерна устойчиво-материальная модель, особенностью которой является стабильное преобладание материальных мотивов на всех этапах формирования мотивации у курсантов. Изучение результатов исследования, исходя из опыта военной службы до поступления, показало, что для 80% курсантов, поступающих из числа военно-служащих, проходящих срочную и контрактную военную службу, и 65% курсантов, окончивших перед поступлением в военный вуз суворовские и нахимовские училища, характерна устойчиво-духовная модель формирования мотивации.

Таблица 3

		Планы после выпуска			
		Служить на офицерской должности	Служить на любой должности	Уволиться	Не определился
		% по строке	% по строке	% по строке	% по строке
Курс обучения	I	58,5%	7,6%	9,3%	24,6%
	III	54,2%	1,7%	14,2%	30,0%
	V	61,7%	9,2%	12,5%	16,7%

Модели формирования мотивации у курсантов в современных условиях

Модели	В ретроспективе (до поступления в вуз)	В период среднего этапа обучения	В перспективе (после окончания вуза)	%
устойчивые				
Устойчиво-духовная	Мотивированность духов. мотивами	→ Мотивированность духов. мотивами	→ Мотивированность духов. мотивами	19
Устойчиво-материальная	Мотивированность матер. мотивами	→ Мотивированность матер. мотивами	→ Мотивированность матер. мотивами	44
неустойчивые				
Неустойчиво-духовная	Мотивированность духов. / матер. / неопред. мотивами	→ Мотивированность духов. / матер. / неопред. мотивами	→ Мотивированность духов. мотивами	2
Неустойчиво-материальная	Мотивированность духов. / матер. / неопред. мотивами	→ Мотивированность духов. / матер. / неопред. мотивами	→ Мотивированность матер. мотивами	35

Уровень устойчивости и направленности формирования мотивации у курсантов во многом определяется образовательной системой, в которой подготавливается курсант. Социологический анализ устойчивости и направленности мотивации в зависимости от профиля обучения свидетельствует о том, что устойчивость и направленность формирования мотивации курсантов, обучающихся по различным профилям обучения, практически не изменяется, что свидетельствует об идентичности факторов, влияющих на преоб-

ладание устойчиво-материальной модели формирования мотивации.

Таким образом, социологический анализ формирования мотивации у курсантов свидетельствует о длительном, неустойчивом и преимущественно деструктивном характере ее функционирования, что приводит к недостаточному количеству молодых офицеров, обладающих выраженными духовными мотивами продолжения военной службы в современных условиях.

УДК 316

Ю. П. Куликова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ФИНЛЯДИЯ)

В статье рассмотрены основные этапы эволюции системы высшего образования Финляндии. Рассмотрена роль государства в регулировании инновационной деятельности. Выявлены условия эффективности проводимых преобразований и современные тенденции инновационного развития высшей школы Финляндии.

The article deals with the main stages of evolution of higher education in Finland. The role of the government in regulating the innovative activities is highlighted. The factors of efficient reformation and modern tendencies of innovative development of higher school in Finland are explored.

Ключевые слова: Финляндия, высшее образование, инновационное развитие.

Keywords: Finland, higher education, innovative development.

Введение

Качество человеческого капитала в условиях «новой» экономики становится основой конкурентоспособности и экономического развития регионов и государств. Поэтому во всем мире высшие учебные заведения становятся все более активными и зачастую системообразующими участниками инновационных систем.

Опыт Финляндии, за последние два десятилетия занявшей лидирующие позиции в мировых рейтингах инновационности и конкурентоспособности, показывает, что именно образование явилось основой высокого качества жизни, сложившегося в стране. В 2011 г. в Европейской шкале инноваций Финляндия заняла 4-е место по общему инновационному индексу, а по уровню развития человеческих ресурсов – 2-е место.

При этом к началу XX в. на территории Финляндии существовал только один университет, современная система высшего образования сформировалась в 1990-е гг. и продолжает претерпевать динамичные изменения. Систематизация опыта Финляндии позволяет выделить три этапа формирования национальной системы высшего образования, направленных на интенсификацию участия вузов в инновационной деятельности и экономическом развитии.

1.1. Становление инновационной политики развития сферы высшего образования в Финляндии

Первый этап инновационного развития высшего образования в Финляндии охватывает 1960–

1980-е гг. и характеризуется становлением общей институциональной среды образовательной и научно-технической деятельности. Обществом была осознана необходимость научно-технического развития, что было обусловлено низкой конкурентоспособностью Финляндии на международных рынках (зависимость экономики от лесной промышленности, техническое отставание от развитых стран). Увеличивалось число вузов, рассматриваемых как основа модернизации экономики Финляндии (подготовка высококвалифицированных специалистов; устойчивое региональное развитие; социальная необходимость вузов в связи с демографическим подъемом) [1].

Были созданы или модернизированы основные органы государственного регулирования научно-технической деятельности. Например, в 1983 г. за счет адаптации шведского опыта было создано Финское фондовое агентство по технологиям и инновациям Tekes (Finnish Funding Agency for Technology and Innovation) при Министерстве занятости и экономики. Tekes до сих пор является одним из основных инструментов государственной поддержки инновационного развития. В 2011 г. более 40% финансирования Tekes было направлено на проекты вузов и научно-исследовательских институтов [2].

С 1980-х гг. Финляндия приняла участие в ряде международных программ научно-технического развития (EUREKA).

В 1988 г. была создана национальная сеть технопарков TEKEL. Кооперация с вузами признается главным направлением деятельности научных парков. Вузы зачастую входят в состав учредителей научных парков и участвуют в управлении.

В целом 1960–1980-е гг. характеризовались постепенным усилением инновационной направленности экономики при координировании и регулировании со стороны государства. В этот период была заложена основа инновационного развития страны.

Второй период охватывает 1990-е – 2007 гг. Советом по научно-технической политике в 1990 г. была сформулирована концепция национальной инновационной системы Финляндии, которая в 1996 г. была дополнена концепцией «общества знаний», что послужило основой последующей более тесной интеграции всех элементов национальной инновационной системы. Вступление в Европейский Союз привело к необходимости повышения качества образования. Был создан Центр международной мобильности (СІМО) для развития международного обмена студентами. Уровень финансирования вузов и НИОКР стал выше средних значений по ЕС и ОЭСР (в 2008 г. внутренние затраты Финляндии на научные исследования и разработки составили 3,92% от ВВП,

стран ЕС – 1,92% от ВВП, стран ОЭСР – 2,4% от ВВП) [3].

1.2. Стратегические альянсы как основа инновационного развития высшего образования в Финляндии

Однако основная реформа Финляндии 1990-х гг., направленная на повышение качества высшего образования, – выделение двух типов вузов, выполняющих разные роли, – университетов и политехнических вузов. Политехнические вузы специализируются на прикладных науках и ориентированы на учет потребностей конкретных регионов. Реформа включала экспериментальный период (1991–1995 гг.), по результатам которого были законодательно закреплены критерии для получения лицензии политехнического вуза. На основе проведения оценки политехнические вузы были учреждены в 1996–2000-х гг. и функционируют на постоянной основе с 2000 г. В результате реформы 210 профессиональных технических институтов уровней *post-secondary* и *higher* были объединены в 29 политехнических вузов [4]. Реформой 2003 г. основной задачей политехнических вузов наряду с образованием было объявлено выполнение НИОКР, также отмечалась необходимость соответствия образования и исследований потребностям регионального развития. Расширилась внутренняя автономия политехнических вузов для создания более гибких связей с бизнесом и малым бизнесом.

В 1996 г. был создан Финский совет по оценке высшего образования (FINHEEC), ответственный за независимую оценку вузов Финляндии, регулярно изучающий вопросы функционирования политехнических вузов и университетов.

В 1994 г. была запущена Программа создания центров экспертизы (OSKE), направленная на инновационное развитие регионов. Основой программы является расширение партнерства между вузами, НИИ и предприятиями для создания новых предприятий и развития существующих предприятий на основе внедрения инноваций.

В рассматриваемый период государственные постановления и планы по-прежнему играют координирующую и регулирующую роль в развитии образования. Например, для ликвидации нехватки высококвалифицированных специалистов в приоритетных отраслях в 1998–2002 гг. реализовалась программа по развитию образования в области ИКТ.

Третий этап развития системы высшего образования Финляндии условно начался в 2007 г., когда стала обсуждаться необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего деятельность вузов. Целью реформ являлось предоставление вузам большей финансовой и управленческой независимости для повышения конкурентоспособности и более эффек-

тивного выполнения целей вузов, в том числе по взаимодействию с другими участниками инновационной системы.

В результате к 2009 г. были отредактированы Закон об университетах и Закон о политехнических вузах. За вузами закреплялась ответственность за обеспечение образования и выполнения научных исследований, соответствующих потребностям реальной экономики, а также задача регионального развития с учетом сложившейся структуры экономики. Для выполнения этих задач вузы обеспечивают непрерывность образования, взаимодействуют с бизнесом, промышленностью и другими секторами рынка труда, особенно на уровне региона, а также с финскими и зарубежными вузами.

1.3. Адаптация государственного управления в инновационно развивающейся системе высшего образования Финляндии

Основное изменение закона касается предоставления университетам статуса юридических лиц, независимых от государственного контроля. Прочие изменения: большая независимость вуза во внутренних делах (право назначения ректора, право определения условий контрактов преподавателей и т. д.), расширение участия внешних представителей в общем совете вуза, ужесточение требований к качеству образования, возможность осуществления предпринимательской деятельности, возможность взимания платы с иностранных студентов, ужесточение требований к поступающим. Вузы получили право организации обучения по контракту (*made-to-order education*), которое может быть инициировано правительством, другим государством, международной организацией, финской или зарубежной корпорацией.

Стратегические цели и показатели развития вузов устанавливаются государством в планах и программах развития при предварительном согласовании с вузами. Учебные программы по-прежнему регулируются правительством для обеспечения конкурентоспособности и стратегических задач страны. При этом вузы не исключены из системы бюджетного финансирования, предоставлена возможность получения дополнительного финансирования за счет высоких показателей деятельности, расширены возможности привлечения внешнего финансирования.

В 2008 г. в Финляндии была подготовлена первая национальная инновационная стратегия, дополненная Направлениями научно-исследовательской и инновационной политики на период 2011–2015 гг. Целью инновационной политики Финляндии было объявлено создание лучших в мире условий для инновационной деятельности, в том числе достижение мирового лидерства в области высшего образования. Среди задач отмечается развитие трансфера технологий вузов и других

форм взаимодействия с реальным сектором экономики.

Современные тенденции развития высшего образования Финляндии характеризуются следующими особенностями:

– направленность на международное сотрудничество (учебные программы на английском языке реализуются во всех вузах Финляндии, все финские университеты имеют соглашения о сотрудничестве с зарубежными странами, поддерживается международный обмен студентами, обязательно обучение студентов хотя бы одному иностранному языку);

– развитие кластеризации (в 2007–2012 гг. создано шесть стратегических центров науки, технологий и инноваций SHOK, в приоритетных отраслях хозяйства с участием университетов; организационная модель Программы создания центров экспертизы в 2007–2013 гг. была переориентирована на кластеризацию, ее основу составили усиление региональной специализации и кооперации между центрами экспертизы);

– развитие межвузовского взаимодействия, укрупнение и слияние вузов (образование университетских консорциумов финских университетов; создание в 2007 г. Cross-Border University – университетского консорциума, включившего четыре финских и шесть российских вузов, при финансировании правительством Финляндии).

Заключение

Основу инновационного развития высшей школы Финляндии в последние десятилетия составили несколько принципов, обеспечивших эффективность проводимых преобразований: систематичность и последовательность государственной политики; стратегическая направленность реформ с учетом общих социально-экономических целей страны (регулярное составление планов и программ развития); своевременная оценка, корректировка и модернизация программ развития; понимание образования не только как основы национальной инновационной системы, но и культуры общества (в Финляндии функционирует Министерство образования и культуры); развитие высшего образования с учетом общей системы образования, поддержка непрерывного образования; вовлечение большого числа участников в проводимые преобразования; тщательное изучение и адаптация зарубежного опыта (Швеции, Японии, США и т. д.) с учетом национальных особенностей.

Положительный опыт инновационного развития высшей школы Финляндии может быть учтен при активизации инновационной деятельности вузов Российской Федерации.

Примечания

1. Tarmo Lemola. Transformation of Finnish Science and Technology Policy. Science Studies. 2003. № 1.

2. URL: http://www.tekes.fi/en/community/Annual_review/341/Annual_review/1289 – официальный сайт Tekes.

3. URL: <http://stats.oecd.org> – официальный сайт OECD. StatExtracts, Main Science and Technology Indicators.

4. Anu Lyytinen. Finnish Polytechnics in the Regional Innovation System – Towards New Ways of Action. University of Tampere, 2011.

УДК 316.334.3

О. В. Устинова

ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье представлены результаты исследования общественного мнения относительно эффективности реальных и возможных мер государственной политики, направленных на повышение рождаемости в стране.

The article presents the results of public opinion research concerning the efficiency of actual and possible measures of state policy aimed at increasing the birth rate in the country.

Ключевые слова: воспроизводство населения, репродуктивное поведение, рождаемость.

Keywords: population reproduction, reproductive behavior, birth rate.

Управление процессами воспроизводства населения является одним из важных компонентов политики национальной безопасности, поскольку определяет перспективную численность населения страны, основные направления социальной динамики, сохранение существующей системы ценностей, культуры и т. п.

Под воспроизводством населения понимают постоянное возобновление численности и структуры населения как путем естественной смены уходящих поколений новыми, так и перехода одних структурных частей в другие [1].

Теоретико-методологические аспекты воспроизводства населения исследовались В. Н. Архангельским, В. А. Беловой, В. А. Борисовым, Д. И. Валентей, А. Г. Вишневым, В. М. Медковым, Н. М. Римашевской и др.

О приоритетности вопросов воспроизводства населения неоднократно высказываются первые лица страны. Так, В. В. Путин в феврале 2012 г. на совещании по демографической политике и реализации региональных программ модернизации здравоохранения отметил низкие демографические показатели в регионах страны [2].

© Устинова О. В., 2012

В своей статье под названием «Строительство справедливости. Социальная политика для России» В. В. Путин призвал реализовать программу «народосбережения», чтобы увеличить численность населения до 154 млн человек [3].

Д. А. Медведев также неоднократно указывает на актуальность проблемы деторождения. По его мнению, для стимулирования рождаемости в России нужны дополнительные меры со стороны регионов и работодателей [4].

Эффективное управление расширенным воспроизводством населения требует разработки эффективной социальной политики (учитывающей не только и не столько возможности государства, сколько потребности населения, отношения различных социальных групп к вопросам создания семьи и деторождения), направленной на изменение ценностных ориентаций личности с тем, чтобы дети в системе ценностей индивидов занимали приоритетные позиции.

Следует заметить, что реализуемые на сегодняшний день меры по стимулированию рождаемости можно признать относительно эффективными, поскольку они способствовали некоторому перелому сложившейся в начале XXI в. тенденции сокращения рождаемости в России. Однако вести речь о расширенном воспроизводстве населения: два родителя – три ребенка и более – пока преждевременно.

В связи с этим необходимо обратиться к анализу общественного мнения по поводу выявления тех мер и направлений воздействия, которые могли бы устранить существующие ограничения роста рождаемости.

Опираясь на результаты проведенных автором исследований, в рамках которых было выявлено преобладание таких ценностных ориентаций личности, как «материальное благополучие», «карьерный рост» и «решение жилищного вопроса», можно сделать предположение, что расширенное воспроизводство населения в России в сознании соотечественников в определенной степени может зависеть от уровня их жизни. В случае подтверждения данной гипотезы экономический показатель может стать ключевым предметом управленческого воздействия на репродуктивное поведение граждан.

Для подтверждения либо опровержения выдвинутого предположения в январе-ноябре 2011 г. автором был проведен опрос жителей Тюменской области. Цель опроса заключалась в оценке эффективности принимаемых государством мер, направленных на стимулирование рождаемости. Опросом были охвачены 1322 респондента в возрасте от 18 до 55 лет из числа жителей гг. Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск и Заводоуковск, а также жителей близлежащих сельских и поселковых муниципальных образований.

В ходе анкетирования респондентам был задан вопрос о том, какие меры могут оказать воздействие на желание современных семей родить трех и более детей. Среди вариантов ответов были предложены как существующие меры воздействия на процесс воспроизводства населения, так и пока не нашедшие своего применения в России, однако эффективно используемые в ряде стран мира.

Выяснилось, что, по мнению респондентов, используемые сегодня рычаги воздействия на репродуктивное поведение населения в стране недостаточно эффективны. В частности, только 20,2 и 36,1% опрошенных полагают, что увеличение «материнского капитала» или расширение возможностей его использования окажет существенное воздействие на желание семей родить третьего ребенка (см. рис. 1).

Причины сложившейся ситуации заключаются в том, что на сегодняшний день «материнский капитал», по мнению жителей исследуемого региона, не позволяет существенно улучшить материальное положение их семей.

Заметим, что на такую меру, как увеличение пособия по беременности и родам, в качестве эффективной указали 38% респондентов. Выявленное обстоятельство автор склонен связывать с рациональным суждением респондентов. Опыт России свидетельствует, что прямое денежное стимулирование не следует рассматривать как эффективную меру, так как помимо ограниченного положительного воздействия на рождаемость оно имеет ряд негативных эффектов, среди которых возможный рост числа детей, рожденных в «неблагополучных семьях» и оставшихся без попечения родителей.

Говоря о мерах, нашедших поддержку у большинства респондентов, необходимо указать на двойственность сложившейся ситуации: с одной стороны, жители Тюменской области говорят о готовности родить трех и более детей при условии повышения их уровня жизни, а с другой – указывают на обязательное наличие определенных социальных условий в регионе проживания.

Так, 62,3% респондентов отметили необходимость увеличения доступности ясельных и дошкольных учреждений, 76,5% опрошенных считают, что финансовые гарантии здоровья, образования и трудоустройства также будут способствовать расширенному воспроизводству населения.

Наибольшую популярность по результатам опроса имеют такие меры воздействия, как существенное увеличение персональных доходов (86,5%), налоговые льготы (71,9%), а также «премия» за рождение третьего ребенка (67,9%) или гарантированный государством именной депозит, ежегодно пополняемый вплоть до совершеннолетия ребенка.

При этом в разрезе населенных пунктов наблюдаются следующие закономерности: в областном центре зафиксировано относительно большее количество респондентов, предпочитающих налоговые льготы (76,2% опрошенных) и финансовые гарантии (78,3%), тогда как, например, в г. Заводоуковске данные меры воздействия нашли поддержку лишь у 53,1% и 68,8% опрошенных соответственно. И, напротив, в Тюмени отмечено относительно меньшинство лиц, указывающих на необходимость использования «премии за рождение» (62,0% против 84,4% в г. Заводоуковске), а также резкого увеличения доходов (84,4% против 93,8% в г. Ялуторовске) (см. табл. 1).

Также отмечено, что жители областного центра проявляют более высокую озабоченность нехваткой ясельных и дошкольных учреждений. Примечательно, что в гендерном разрезе наблюдается весьма интересная тенденция: женщины склонны оказывать предпочтение мерам, эффект от которых наступает в краткосрочном или среднесрочном периоде, тогда как доля мужчин увеличивается по мере удаления эффекта от соответствующих способов поддержки расширенного воспроизводства.

Автор отмечает, что опыт стран Европы, прежде всего Франции, свидетельствует, что «прогрессивные» меры содействия расширенному воспроизводству населения несут в себе ряд негативных моментов: усиление иммиграции, рост нало-

говой нагрузки на работающее население и бизнес, изменение структуры национального состава населения, в том числе существенное уменьшение удельного веса титульной нации.

В связи с этим принципиально важным моментом в управлении процессами расширенного воспроизводства населения является необходимость согласования внедряемых мер с бюджетно-налоговой, миграционной, денежно-кредитной политикой.

Описанные выше ответы респондентов в дальнейшем были уточнены рядом дополнительных вопросов. Предполагая, что многие респонденты связывают уровень доходов семьи с репродуктивным поведением, представляется целесообразным проанализировать, насколько сложившийся уровень доходов семей соответствует их репродуктивному настрою с позиции возможности обеспечить достойный уровень жизни своим детям.

Поэтому респондентам был задан следующий вопрос: «Какой уровень доходов на семью из двух работающих человек должен быть обеспечен для рождения одного, двух или трех детей соответственно?».

Ответы респондентов позволили установить, что жители Тюменской области считают достаточным для рождения одного ребенка уровень доходов в размере 40 000 р. на семью (27,8% высказались в пользу доходов на уровне 30–40 тыс. р.

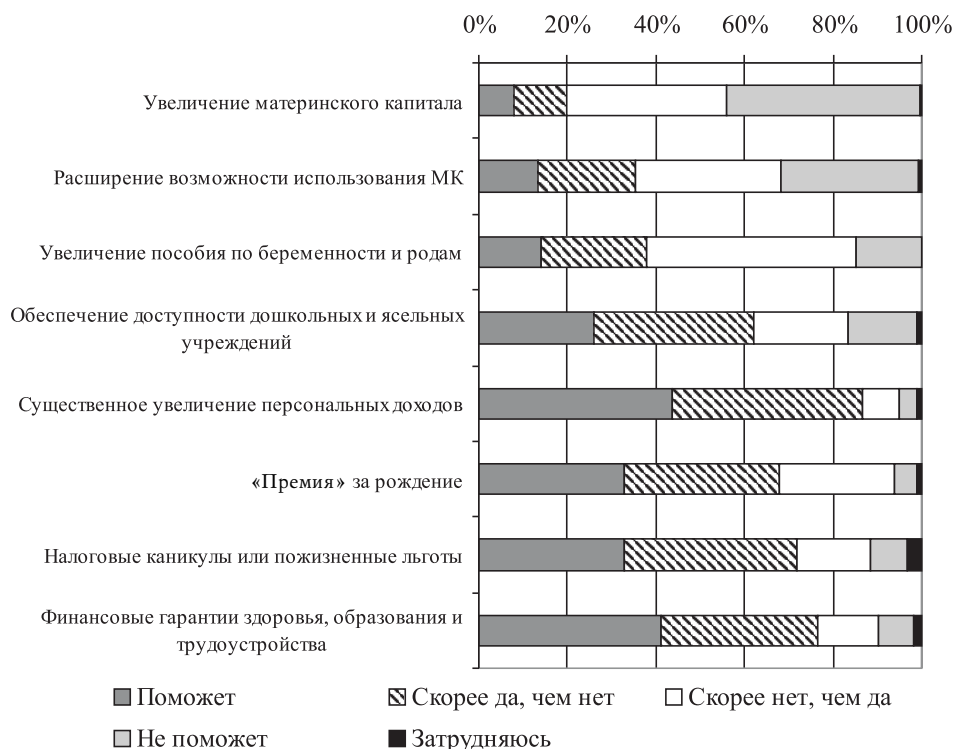

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об эффективности мер воздействия на расширенное воспроизводство населения, %

Распределение ответов респондентов о мерах, влияющих на репродуктивное поведение граждан, по населенным пунктам, %

Способ поддержки расширенного воспроизводства населения	Всего, чел.	В том числе по городам, % (% женщин из числа ответивших утвердительно)						
		Тюм.	Тоб.	Ишим	Ялут.	Завод.	Сельск. жители	Среднее взвешенное
Увеличение материнского капитала	261	19,0 (58,0)	17,4 (59,8)	25,0 (65,3)	22,9 (64,7)	21,9 (63,3)	19,8 (66,9)	21,0 (62,2)
Расширение возможности использования МК	466	35,7 (57,0)	42,4 (56,6)	32,4 (64,1)	22,9 (61,0)	34,4 (62,8)	35,1 (65,1)	33,8 (60,3)
Увеличение пособия по беременности и родам	502	30,4 (54,0)	46,7 (55,8)	55,9 (61,8)	56,3 (58,4)	68,8 (57,2)	38,1 (60,1)	49,4 (57,4)
Обеспечение доступности детсадов	823	66,0 (53,0)	58,7 (52,0)	52,9 (61,6)	45,8 (58,0)	56,3 (56,8)	62,2 (60,3)	57,0 (56,3)
Увеличение доходов	1144	84,4 (52,8)	92,4 (44,4)	89,7 (56,1)	93,8 (51,1)	87,5 (51,1)	86,5 (52,1)	89,0 (51,1)
«Премия» за рождение	898	62,0 (47,1)	76,1 (42,4)	83,8 (54,5)	81,3 (45,0)	84,4 (49,6)	68,2 (50,0)	75,9 (47,7)
Налоговые льготы	951	76,2 (43,3)	64,1 (40,8)	63,2 (44,5)	64,6 (45,0)	53,1 (39,0)	71,9 (41,2)	65,5 (42,5)
Финансовые гарантии	1011	78,3 (39,3)	79,3 (37,9)	69,1 (43,8)	68,8 (35,2)	68,8 (35,9)	76,3 (35,5)	73,4 (38,4)

на семью, 26,1% – 40–50 тыс. р. на семью). По мнению респондентов для рождения двух детей семья должна располагать доходами на уровне 80–90 тыс. р. в месяц (36,% опрошенных), а три ребенка и более потребуют зарплаток на уровне, превышающем 100 тыс. р. в месяц на семью из двух работающих.

При этом необходимый (по мнению респондентов) средневзвешенный уровень доходов, рассчитанный автором по результатам опроса, составил 43 252,65 р. для рождения одного ребенка, 80 794,25 р. – для рождения двух детей, и не менее 88 403,93 р. – для рождения трех и более детей. В пересчете на одного работающего это должно составлять в среднем 21,6, 40,4 и 44,2 тыс. р. в месяц соответственно (см. табл. 2, рис. 2).

Таблица 2
Распределение ответов респондентов на вопрос об уровне доходов на семью из двух работающих человек, необходимом для расширенного воспроизводства, %

Уровень дохода, р.	Количество детей в семье		
	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка и более
20000–30000	16,7	0	0
30000–40000	27,8	0,9	0
40000–50000	26,1	3,3	0,8
50000–60000	19,6	8,4	2,2
60000–70000	6,7	7,2	11,3
70000–80000	1,9	19,2	14,2
80000–90000	0,8	36,0	20,2
90000–100000	0,4	15,8	21,9
Свыше 100 000	0	9,2	29,4

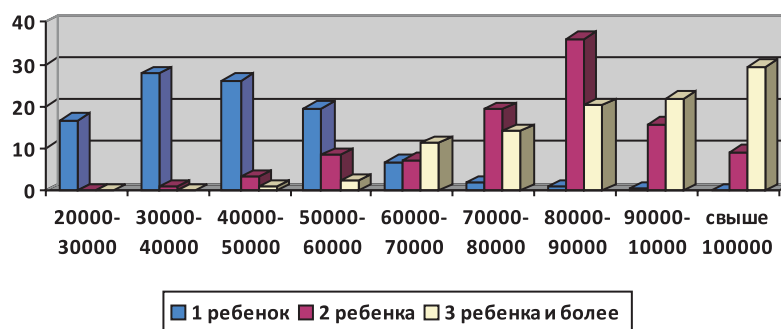

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об уровне доходов на семью из двух работающих человек, необходимом для расширенного воспроизводства

Учитывая, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в расчете на одного работника в Тюменской области по состоянию на апрель 2011 г. составила 22,3 тыс. руб. [5], можно сделать предварительный вывод о нереалистичности оптимистического сценария воспроизводства населения юга Тюменской области. Более того, анализ структуры доходов работающего населения области свидетельствует, что установленной респондентами «планке» для рождения двух детей соответствуют лишь 9,4% работающих жителей области, а для рождения трех детей – 6,9%.

Проведенное исследование, на первый взгляд, подтверждает выдвинутую ранее гипотезу о том, что реализуемая политика в отношении повышения рождаемости недостаточно эффективна.

Некоторым свидетельством тому является преимущественно скептическое отношение опрошенных к возможности принимаемых мер, влияющих на их стремление иметь трех и более детей, что соответствовало бы идее расширенного воспроизводства населения. Можно констатировать, что важным фактором в обеспечении рождаемости является, по мнению опрошенных, уверенность жителей области в их способности обеспечить нормальные – соответствующие постоянно растущим стандартам – условия существования и развития своим детям.

Как показало авторское исследование, респонденты убеждены, что залогом такой уверенности могут стать адекватные доходы, существенно превышающие современный средний уровень оплаты труда в области, а также финансовые гарантии материального благополучия детей в будущем.

Завершая статью, следует подчеркнуть предварительность сделанных в рамках нее выводов и некоторую их условность. По мнению автора, выявленные в ходе опроса населения меры, оказывающие влияние на репродуктивное поведение граждан, при условии их реализации не обязательно приведут к формированию новых многодетных детей.

Как отмечает Я. В. Андрющенко, «давно известно, что в странах с низким уровнем жизни и образования рождаемость выше, чем в странах экономически развитых. В свою очередь, в семьях с низким уровнем дохода и образова-

ния (вне зависимости от страны проживания) итоговое число детей зачастую оказывается выше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования. Этот феномен получил название обратной связи рождаемости с уровнем жизни, вокруг которого в научном мире велись дискуссии» [6].

Автор статьи согласна с А. И. Антоновым, который небезосновательно утверждает, что «...сокращение числа детей в семье и рождаемости объясняется не финансовыми и жилищными трудностями, а девальвацией самого семейного образа жизни, непопулярностью фамилизма как стиля поведения в обществе, антиценностью материнства и отцовства» [7].

С учетом вышеприведенных точек зрения можно выдвинуть еще одну гипотезу, а именно: представители семей с низким или средним доходом лишь предполагают, что повышение дохода таковых будет способствовать их намерению родить трех и более детей в будущем (когда такие семьи, по их выражению, «более стабильно встанут на ноги»).

Таким образом, меры государственной поддержки в рамках политики расширенного воспроизводства населения не должны включать в себя ориентацию лишь на материальное стимулирование семей, решивших родить двоих и более детей.

Примечания

1. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицаков, В. А. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко, 2003.
2. URL: <http://newsla.ru/politika/item/203>
3. URL: http://www.dp.ru/a/2012/02/15/Vladimir_Putin_otrugal_gu/
4. URL: www.rg.ru
5. Отчет губернатора Тюменской области о результатах деятельности регионального Правительства в 2010 г. / Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/gov/more.htm?id=10658467@cmsArticle
6. Андрющенко Я. В. Влияние материальных условий жизни на рождаемость и проблемы демографической политики // Демографические исследования. 2010. № 6. С. 12–15.
7. Антонов А. И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // Демографические исследования. 2010. № 6. С. 3–5.

Н. А. Павельев

**О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ
НА УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

В статье проанализированы различные подходы к определению факторов, оказывающих влияние на устойчивость развития региона. Обоснован собственный подход к определению понятия «фактор». Раскрыто содержание внутренних и внешних факторов; высказано и обосновано положение о том, что деление внешних факторов на прямые и косвенные является условным. Раскрыто влияние как отдельных факторов, так и их совокупности на устойчивость развития региона.

The article is concerned with various approaches to defining of the factors influencing stability of the region's economic progress. The author's own definition of the concept "factor" is grounded. The content of internal and external factors is revealed. It is proved that the division of external factors into direct and indirect ones is not precise. The paper shows the influence of these factors, taken separately and also in their complex, on stability of economic progress of the region.

Ключевые слова: факторы, устойчивость, развитие, экономическая устойчивость, устойчивое экономическое развитие, регион.

Keywords: factors, stability, progress, economic stability, stable economic progress, region.

С переходом России к рыночным отношениям в отечественной экономической науке широкое распространение получила теория факторов. Теория факторов возникла в конце XIX в. как реакция на неудачные попытки объяснить общественное развитие воздействием одного какого-то фактора: географического, демографического, психологического, экономического и т. д. Представители данной теории пытались объяснить общественное развитие воздействием не одного, а целого ряда равноправных факторов. Позднее теорию факторов стали применять не только к развитию общества в целом, но и к локальным социальным объектам, процессам и явлениям. В нашей стране факторный подход стал широко применяться при анализе проблем, связанных с устойчивым развитием отдельного региона, отрасли, предприятия. Краткий анализ целого ряда научных статей и монографий [1], посвященных исследованию данной проблематики, позволяет сделать следующие обобщения. *Во-первых*, для большинства из них характерна практически идентичная точка зрения на классификацию факторов (независимо от объекта исследования), которая сводится к разделению их на внутренние и внешние. Внешние факторы, в свою очередь, подразделяются на прямые и

косвенные. Внутренние факторы определяются как ключевые, фундаментальные, основные; факторы, связанные с обстоятельствами неодолимой силы, и т. д. По направленности развития различают стабилизирующие и дестабилизирующие факторы, факторы угроз и факторы непредсказуемого характера. *Во-вторых*, диапазон применения факторов, с точки зрения их количественной характеристики, довольно широк: от одного, двух до десятка и более. Чтобы избежать подробного перечисления сравнительно большого количества факторов, некоторые авторы объединяют их в отдельные группы. Отдельные авторы выделяют группы факторов, характеризующие производственно-ресурсный потенциал региона, структуру регионального рынка, кадровый потенциал региона, региональный бюджет, стратегию региона. Внешняя среда региона прямого воздействия включает взаимосвязи с партнерами: внешними поставщиками товаров и услуг, внешними потребителями, регионами-конкурентами, финансовыми организациями, транспортными предприятиями. Среда косвенного воздействия на регион включает следующие группы факторов влияния: общеэкономические, общеполитические, научно-технические, природно-экологические, демографические [2]. По мнению А. В. Цомартовой, в числе внутренних факторов региональных социально-экономических систем следует рассматривать природно-ресурсные, общественно-политические, институциональные, организационно-управленческие, рыночные, научно-технический прогресс и т. п., которые можно свести к двум группам: ресурсным, определяющим потенциал региона, и регуляционным, определяющим возможность управленческого воздействия на процесс развития региона [3]. Целый ряд статей посвящен анализу отдельных ключевых факторов, влияющих на устойчивое развитие региона: малому бизнесу, экологическому туризму, эколого-образовательной среде региона и т. д.

В-третьих, само понятие «фактор» нередко отождествляется с такими понятиями, как «процесс», «условие», «причина» и т. д. Разделяя многие позиции, высказанные различными авторами, на наш взгляд, необходимо все-таки более четко прояснить методологический подход при исследовании данной проблемы. В частности, прежде чем говорить о внутренних факторах, влияющих на устойчивое развитие того или иного социального объекта, необходимо, во-первых, определиться с самим понятием «фактор». В современном экономическом слове понятие «фактор» рассматривается как производное от английского слова factor – агент, посредник – и определяется в трех смысловых значениях: 1) как один из основных ресурсов производственной де-

тельности предприятия и экономики в целом (земля, труд, капитал, предпринимательство); 2) как агент, которому поручается продать товар; 3) как условие, причина, параметр, показатель, оказывающие влияние, воздействие на экономический процесс и результат этого процесса [4]. Из приведенных определений понятия «фактор» в большей степени факторному подходу при исследовании проблемы устойчивого развития социального объекта отвечает его третье смысловое значение. В связи с этим более целесообразным представляется рассмотрение понятия «фактор» как производного от латинского слова *factor* – делающий, производящий – и определение его как причины, движущей силы того или иного процесса или явления. Во-вторых, следует определить, прежде всего, такие факторы, без которых невозможно развитие объекта (системы) как таковое. В-третьих, необходима более четкая классификация факторов по группам. Эти группы могут быть немногочисленны, но в состав каждой из них может быть включено относительно большое количество равнозначных факторов. Это особенно важно учитывать при анализе регионального развития. И, в-четвертых, нужно последовательно отслеживать причинно-следственные связи между анализируемыми факторами. Нередко в научных работах причина выдается за следствие и, наоборот, следствие выдается за причину. С позиций, названных выше, внутренние факторы устойчивости экономического развития региона – это причины, обуславливающие собой в той или иной степени все явления и процессы, происходящие внутри региона. Такими факторами, по мнению автора, являются следующие: природно-климатический, производственно-технологический, трудовой и инфраструктурный. Это своего рода крупные блоки, объединяющие в своем составе целый ряд взаимосвязанных, равноправных факторов.

Так, *природно-климатический фактор* включает все компоненты природной среды, находящиеся в пределах территориальных границ региона: климатические условия, водные, лесные, земельные ресурсы, минеральное сырье, полезные ископаемые и другие компоненты. Некоторые авторы придерживаются традиционной точки зрения, согласно которой роль и влияние этого фактора на экономику региона ослабевает по мере осуществления научно-технического прогресса и развития производства. Например, О. Н. Воронова считает, что в настоящее время «российский тип экономики является природообусловленным или климатодетерминированным. Конечно, степень климатодетерминации экономических отношений, – отмечает автор, – зависит от инженерно-технологических факторов – по мере развития технологий такая зависимость

будет ослабевать» [5]. Однако факты свидетельствуют об обратном. В связи с начавшимся процессом изменения климата в планетарном масштабе, что признается учеными всего мира, уменьшением временного интервала между засухами в одних регионах и экстремальными осадками и наводнениями – в других, истощением природных ресурсов влияние природно-климатического фактора не только не ослабевает, но, на наш взгляд, в обозримом будущем будет возрастать. Свидетельство этому – засуха, поразившая отдельные регионы нашей страны в 2010 г. и нанесшая значительный ущерб не только отдельным регионам, но и всей стране. В Нижегородской области от засухи погибли зерновые на площади 200 тысяч га. Убытки аграрного сектора экономики составили более 2,5 млрд р., а общий экономический ущерб от засухи в регионе превысил 4 млрд р. [6] И подобная ситуация характерна не только для нашей («климатодетерминированной») страны, но и для стран, в которых применяются высокие технологии в сельскохозяйственном производстве. Они также несут огромные потери от наводнений и засухи, потому что можно технически решить вопрос с поливом зерновых, но где взять такое количество воды, чтобы оросить зерновые и другие сельскохозяйственные культуры на площади в десятки и сотни тысяч га. Или возьмем другой пример – положение с обеспечением минеральным сырьем, нефтью, газом и т. д. В настоящее время время их добыча все в большей степени осуществляется в труднодоступных местах, с суровыми климатическими условиями, в районе арктического шельфа, что значительно удорожает их добычу и транспортировку. Все это не может не отражаться на экономическом развитии регионов.

Среди внутренних факторов ведущая роль принадлежит *производственно-технологическому фактору*, под которым следует понимать совокупное состояние промышленности, сельского хозяйства и сферы обслуживания. От состояния производственного потенциала и возможных качественных и количественных изменений в нем в результате внедрения высоких технологий зависит достижение необходимого роста производства и повышение благосостояния населения территорий. Поэтому неуклонное совершенствование производственного потенциала является важнейшим условием развития и основным фактором решения социально-экономических проблем регионов.

Важную роль в развитии промышленного потенциала должны сыграть разработка и внедрение в производство нанотехнологий. Именно инновационные разработки дают толчки развитию экономики. Значительная работа в этом направлении проводится в Нижегородской области. В

2006 г. в Нижнем Новгороде открыт региональный центр наноиндустрии. Научными исследованиями и разработками в сфере нанотехнологий в регионе занимаются свыше 100 организаций и предприятий, в том числе 6 НИИ Российской академии наук, 23 отраслевых НИИ, 25 конструкторских бюро, 18 промышленных предприятий [7]. В области есть уникальные изобретения, но они слабо внедряются в производство. До сих пор в стране отсутствует механизм внедрения нанотехнологий, не подготовлена законодательная база, не принят закон о промышленной политике. Отсутствие этого закона тормозит развитие экономики не только отдельно взятого региона, но и страны в целом.

Развитие экономической системы региона невозможно без учета *трудового фактора*, который представляет собой состояние трудовых ресурсов региона в совокупности с комплексом мероприятий, направленных на их подготовку, развитие и эффективное использование.

Трудовые ресурсы – часть населения, обладающая необходимым физическим развитием и знаниями для работы в народном хозяйстве региона (страны). В трудовые ресурсы включается трудоспособное население в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины – 16–54 года), а также работающие граждане моложе и старше этого возраста. В целом трудовые ресурсы включают в себя экономически активное население (занятые и безработные) и экономически не активное население (учащиеся с отрывом от производства и население, не занятое в экономике). В современных условиях возрастает ответственность государства за смягчение негативных последствий безработицы, за создание условий для реализации права граждан на труд, за оказание эффективной помощи в трудоустройстве безработных, испытывающих серьезные трудности в плане самостоятельного поиска работы, и т. д.

Повысить роль и влияние трудового фактора на устойчивость экономического развития региона можно лишь при проведении эффективной региональной политики по обеспечению необходимыми трудовыми ресурсами всех секторов экономики. Она позволит, на основе прогнозирования, рационального планирования, подготовки и распределения трудовых ресурсов, использования мотивационных механизмов и методов социальной защиты работников, обеспечить работодателей персоналом, способным на высоком профессиональном уровне решать задачи перспективного развития конкретной сферы деятельности.

Наряду с названными факторами к внутренним факторам следует отнести и *инфраструктурный фактор*. В ряде научных работ данный

фактор либо вообще не рассматривается, либо его относят к внешним факторам. Почему это происходит? Дело в том, что само понятие «инфраструктура» содержит два смысловых значения. Первое связано с классическим определением инфраструктуры как совокупности систем жизнеобеспечения производственно-экономического, социального комплексов и жизнедеятельности населения региона. К ней относятся дороги, мосты, связь, линии электропередач, водоснабжение, складское хозяйство, аэропорты, предприятия по обслуживанию населения и многие другие составляющие ее элементы, без которых невозможно нормальное функционирование экономики. Поэтому данная инфраструктура относится не к внешним, а к внутренним факторам регионального развития. Что касается второго смыслового значения инфраструктуры, то она определяется как рыночная инфраструктура и «представляет собой совокупность объектов, обеспечивающих материальные, финансовые и информационные связи между субъектами рынка» [8]. Она включает в свой состав оптовые торговые организации, биржи, брокерские фирмы, финансовые институты и другие организации, призванные обеспечивать рыночные процессы. В этом втором смысловом значении инфраструктура вполне обоснованно может быть отнесена в качестве рыночного фактора к внешним факторам устойчивого развития региона.

Среди внутренних факторов, оказывающих влияние на устойчивость экономического развития региона, важное место принадлежит *финансовому фактору*. Финансовое благополучие региона свидетельствует о развитой промышленности, стабильности в социальной и политической сферах, способствует решению экологических проблем на региональном уровне. Его достижение в равной мере зависит от уровня развития монетарного сектора, от государственной финансово-экономической политики, проводимой по отношению к каждому субъекту, от грамотной работы органов власти регионов по целесообразному распределению финансовых ресурсов внутри подведомственной территории.

Основной составляющей региональных финансов является территориальный бюджет, который можно определить как совокупность планируемых доходов и расходов региона на определенный период времени.

Основную долю поступлений в бюджеты регионов приносят налоговые сборы, но это не означает, что можно постоянно увеличивать доходную часть бюджета за счет увеличения ставки налогов, поскольку подобная политика может привести к «гибели» местного производителя и, в конечном итоге, к потере регионом экономической самостоятельности.

Перечисленные внутренние факторы являются главными, определяющими в развитии региона, потому что исключение любого из них негативно отразится не только на устойчивости развития региона, но и на его развитии вообще. Только во взаимодействии, взаимосвязи этих факторов возможно развитие региона как таковое. Разумеется, наряду с внутренними факторами на устойчивое развитие региона оказывают прямое или косвенное воздействие масса других факторов, которые относятся к внешним факторам.

Внешние факторы – это причины, оказывающие существенное воздействие на внутренние факторы и через них – на устойчивость экономического развития региона. Поскольку внешние факторы имеют различную степень влияния на экономику региона, то их подразделяют на прямые и косвенные. Прямыми можно считать такие внешние факторы, которые непосредственно определяют способность региона к повышению устойчивости экономического развития. К косвенным факторам относятся те, которые способствуют или ограничивают реализацию потенциала, заложенного в прямых факторах. Деление внешних факторов на прямые и косвенные является чисто условным. Дело в том, что один и тот же фактор в одном случае может рассматриваться как фактор прямого воздействия, а в другом случае и при других условиях – как косвенного.

К внешним факторам прямого воздействия на устойчивость экономического развития региона относятся, по мнению автора, следующие: рыночный, инвестиционный, конкурентный и экономический. Ведущая роль среди указанных факторов принадлежит *рыночному фактору*. Рыночный фактор является наиболее емким и включает в свой состав следующие организации: торгово-посреднические, финансово-кредитные, экономико-информационные, экономико-правовые, внешнеэкономические, биржи, брокерские фирмы и целый ряд других организаций.

Среди внешних факторов прямого воздействия на устойчивость экономического развития региона важную роль играет *инвестиционный фактор*. Инвестиции представляют собой долгосрочные вложения капитала с целью получения дохода и являются одной из основных составляющих экономического развития государства, региона и отдельно взятого предприятия. Они непосредственно влияют на устойчивость экономического развития. Повышение уровня производства и конкурентоспособной продукции невозможно без привлечения инвестиций.

Одним из условий стабильного развития регионов является активизация инвестиционной деятельности, направленная на привлечение финансовых и материальных ресурсов отечественных и зарубежных инвесторов, а также рацио-

нальное их использование в наиболее приоритетных отраслях экономики. Объем вовлекаемых в экономику региона инвестиций – один из критериев эффективности его функционирования.

В. В. Путин в своем выступлении на заседании Госсовета 11.10.2007 г. акцентировал внимание на том, что именно инвестиции способны заметно увеличить объемы валового регионального продукта и существенно пополнить местные бюджеты, что является реальной возможностью для большинства российских территорий укрепить конкурентные преимущества.

Конкурентный фактор является неотъемлемым атрибутом рыночных отношений и оказывает существенное влияние на устойчивое развитие региона.

Высокая конкурентоспособность региона – это следствие его экономического развития и, в первую очередь, достигнутого уровня развития производства, насколько успешно и последовательно внедряются в него современные технологии. Но, будучи следствием развития экономики и прежде всего производства, конкурентоспособность сама становится причиной, движущей силой регионального развития.

Экономика региона – составная часть российской экономики, которая, в свою очередь, является звеном мировой экономики. Процессы, происходящие в экономике нашего государства и в мировой экономике, не могут не оказывать влияние на состояние экономики региона и на устойчивость ее развития. Поэтому среди внешних факторов прямого воздействия на развитие региона значительное место занимает *экономический фактор*. В целом ряде научных работ этот фактор рассматривается как общеэкономический фактор косвенного воздействия. Подобная точка зрения лишь подтверждает высказанное автором утверждение о том, что деление внешних факторов на прямые и косвенные является условным. Дело в том, что экономический фактор включает в свой состав целый ряд равноправных факторов: состояние экономики в иностранных государствах, уровень процентной ставки по вкладам и кредитным продуктам, валютный курс, темпы инфляции и другие. Что касается состояния экономики в иностранных государствах, то изменения, происходящие в экономике развитых стран, оказывают прямое воздействие не только на устойчивость экономического развития страны, но и на устойчивое развитие ее регионов, причем это воздействие может иметь как позитивный, так и негативный характер. Яркий тому пример – кризисные 2008–2009 гг. Несмотря на неоднократные заявления членов Правительства РФ о «подушках безопасности», якобы характерных для нашей экономики, мы не избежали значительного спада в объемах производства как

в целом по стране, так и в каждом из ее регионов. В данном случае экономический фактор выступает как внешний фактор прямого воздействия. Если же оценивать воздействие экономического фактора с уровня процентной ставки по вкладам, то, бесспорно, речь пойдет о факторе косвенного воздействия, поскольку уровень процентной ставки по вкладам оказывает влияние на внутренние факторы не прямо, а опосредованно через потребительский спрос. При высокой процентной ставке по вкладам увеличивается привлечение денежных средств населения во вклады, что в свою очередь позволит развивать в регионе инвестиционную деятельность. При низкой процентной ставке по кредитам может расти потребительская активность населения, а также активизироваться развитие производственной и торговой деятельности. Все это позитивно может влиять на устойчивое развитие экономики региона, но это влияние будет косвенным, опосредованным.

Таким образом, в отличие от прямых внешних факторов, *косвенные* хотя и не оказывают прямого воздействия на устойчивость экономического развития региона, но имеют не менее важное влияние. К ним относятся экологический, социальный, политический и, как сказано выше, экономический. Эти факторы действуют опосредованно, нередко через факторы прямого воздействия. Например, *экологический фактор* оказывает опосредованное влияние на устойчивость развития региона через факторы прямого воздействия: инвестиционный и конкурентный. Инвесторы, как правило, отдают предпочтение тому региону, в котором состояние окружающей среды находится на благоприятном для жизнедеятельности уровне. А экологически чистая продукция, выпускаемая в регионе, более конкурентоспособна по сравнению с продукцией, не благополучной в экологическом плане.

Подводя некоторые итоги рассмотрения факторов, оказывающих влияние на повышение устойчивости экономического развития региона, необходимо отметить следующее

1. Устойчивое экономическое развитие региона представляет собой постоянное, прогрессивное изменение его экономики под воздействием внутренних и внешних факторов.

2. Понятие «фактор» необходимо рассматривать как причину, движущую силу развития того или иного процесса.

3. Анализ факторов, как внутренних, так и внешних, необходимо осуществлять исходя из причинно-следственных связей между ними.

4. Деление внешних факторов на прямые и косвенные является чисто условным, поскольку

один и тот же фактор в одном случае может оказывать прямое воздействие на устойчивость экономического развития региона, а в другом случае – косвенное.

5. Совокупность внутренних и внешних факторов представляет собой сбалансированную систему. Поэтому добиться повышения устойчивости экономического развития региона невозможно, оказывая целенаправленное воздействие на какой-либо один фактор или отдельную группу факторов.

Примечания

1. *Воронова О. Н.* Региональная экономика. URL: <http://www.voronova-on.ru/regioneconom/page493/index.html>; *Коваленко Е. Г.* Сущность и классификация рыночной инфраструктуры. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/natsionalnaya-economica-uchebnik/infrastruktura-regi...>; *Коноплин Ю. С.* Политическое обеспечение бизнеса: учеб. пособие. М.: Изд-во МАИ, 1995; *Корчагина Е. В.* Социально-экономическая устойчивость и конкурентоспособность организаций // Евразийский международный научно-политический журнал «Проблемы современной экономики». 2006. № 1(17). URL: <http://www.m-econo-my.ru/art.php3?artid=21206>; *Муромкина И. И.* Факторы успеха на региональных потребительских рынках. HR-Portal. Сообщество профессионалов. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/factory-uspekha-na-regionalnykh-potrebitelskikh-rynkh>; *Парамонов В. В.* Программа курса «Региональные экономические отношения» / Федеральный образовательный портал Российского университета дружбы народов. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/42882>; *Райзберг Б. А. и др.* Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2007; *Цомартова Л. В.* Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем. URL: http://science-bsea.bgita.ru/2011/econom_2011_1/comarova_factory.htm

2. *Парамонов В. В.* Программа курса «Региональные экономические отношения» / Федеральный образовательный портал Российского университета дружбы народов. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/42882>

3. *Цомартова Л. В.* Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем. URL: http://science-bsea.bgita.ru/2011/econom_2011_1/comarova_factory.htm

4. *Райзберг Б. А. и др.* Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 2007.

5. *Воронова О. Н.* Региональная экономика. URL: <http://www.voronova-on.ru/regioneconom/page493/index.html>

6. Нижегородское информационное агентство. URL: <http://www.niann.ru/?id=375959>

7. Новости торгово-промышленной палаты Нижегородской области. URL: <http://www/tpp/nnov.ru/news/novosti/?nid=4836&a=entry.show>

8. *Коваленко Е. Г.* Сущность и классификация рыночной инфраструктуры. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/natsionalnaya-economica-uchebnik/infrastruktura-regi...>

УДК 35.088.6

В. А. Мальцев, С. А. Тихонина

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Способность к саморазвитию организаций, реализующих функции государственного и муниципального управления, во многом зависит от использования ими методологических подходов управления знаниями как целенаправленной и системно организованной деятельности, направленной на инновационное развитие социальных институтов власти.

The ability of organizations providing state and municipal service to develop themselves depends largely on their use of methodology of managing knowledge as purposeful and complex activity aimed at modernization of social institutions of power.

Ключевые слова: социальный институт, государственная и муниципальная служба, управление знаниями, профессиональная среда, дополнительное профессиональное образование, кадровая политика.

Keywords: social institutions, state and municipal service, knowledge management, professional environment, extra vocational education, personnel policy.

Процесс управления в сложных социальных системах, каковыми, несомненно, являются объекты управления органов государственной власти, характеризуется как интенсивным использованием большого объема знаний, так и интенсивным созданием знаний. Он также характеризуется интенсивным распространением и многократной передачей знаний. В этом случае большая роль отводится как самой базе знаний, необходимой команде, конкретной организации для выполнения управленческих функций, так и системе их постоянного производства и использования в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих.

Проблема использования и производства знаний в сфере государственного и муниципального управления актуализируется и в более широком социальном контексте, а именно – в контексте тех изменений, которые претерпевает государственная и муниципальная служба как социальный институт под воздействием внешней социальной среды.

Эти изменения сегодня связаны с целым рядом обстоятельств, главными среди которых можно назвать следующие:

– информатизация общества и современной жизни требует информатизации управленческой деятельности;

– необходимость диалоговых форм взаимодействия с объектом управления с целью понимания его потребностей и отклика на соответствующие управленческие воздействия;

– первые два пункта являются предпосылкой для изменений в целевой системе профессиональной деятельности государственной и муниципальной службы, прежде всего, в направлении четкого ее понимания и творческого ее исполнения на пользу всего общества;

– качественное изменение кадрового потенциала, главной составляющей которого являются не только накопленные знания и опыт, но и потенциал непрерывного образования и профессионального развития.

Все сказанное может быть обобщено как проявление объективной необходимости постановки и решение задачи управления изменениями в сфере государственной и муниципальной служб как социально-управленческого института. Одним из важнейших слагаемых этих изменений в эпоху информатизации общества является управление знаниями.

Современные концепции управления знаниями в основной своей массе в качестве объекта исследования рассматривают организации бизнес-сектора, усматривая в технологиях работы с информацией и знанием одно из главных конкурентных преимуществ той или иной команды. Применительно к органам государственного и муниципального управления традиционно в поле зрения исследователей находится система дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих, которая призвана осуществлять трансфер новой информации и знаний в практику деятельности служащих через обучение управленцев в тех или иных учебных заведениях (так называемый внешний трансфер [1]). При этом в меньшей степени обсуждается вопрос о состоянии и развитии организационных знаний [2], на которых основаны способности организации к изменениям и саморазвитию. Применительно к профессиональной управленческой деятельности государственных и муниципальных служащих эти способности обеспечивают эффективное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления в интересах населения той или иной территории.

Данные наших социологических исследований [3] подтверждают тенденцию все большей интеллектуализации управленческого труда государственных и муниципальных служащих, деятельностью которых неразрывно связана с принятием управленческих решений (см. таблицу), что предполагает постоянный поиск новых путей и методов решения стоящих перед ними служебных задач.

**Наличие у респондентов необходимости
принимать управленческие решения
в связи с требованиями
их профессиональной деятельности, %**

Наличие потребности	Госслужащие	Муниципальные служащие
Нет ответа	0	0
Да, всегда	15	21
Чаще всего да	27	24
Когда как	26	32
Чаще всего нет	21	15
Нет необходимости	11	8
Итого	100	100

При этом большинство респондентов (57% государственных и 54% муниципальных служащих) высказывают потребность в совершенствовании навыка принятия управленческих решений, в расширении инновационной составляющей профессиональной деятельности.

Необходимость поиска инновационных путей решения служебных задач говорит о возрастающей роли творческой составляющей профессионализма государственных и муниципальных служащих. Закономерно возникает вопрос о том, насколько полно современная система дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих способна удовлетворять потребности профессиональной управленческой деятельности в обновлении знаний не только об объекте управления, но и о непрерывных изменениях внешней среды деятельности организации.

Анализ данных социологических исследований выявляет в этой области наличие серьезной проблемы – *обучающие организации сегодня традиционно ориентированы на передачу информации*. Так, более 80% респондентов отмечают, что в процессе обучения они получили дополнительную, полезную для работы *информацию и расширили свой кругозор*. В меньшей степени, по мнению респондентов, дополнительное образование способствовало получению *конкретных знаний* для решения профессиональных задач (72% респондентов-госслужащих и 67% – муниципальных служащих).

В то же время более 40% респондентов обеих категорий испытывают потребность в постоянном обучении, которую реализуют, в основном, через самообразование и общение с коллегами, контакты с которыми расширяются в ходе получения дополнительного профессионального образования.

Данные исследования говорят о том, что процесс освоения знаний в рамках системы дополнительного образования является определенным стимулом для профессионального развития го-

сударственных и муниципальных служащих. Необходимость дальнейшего развития данной тенденции подтверждает анализ ответов респондентов на открытый вопрос о том, что им дает дополнительное образование в обучающих организациях. Суть этих ответов можно свести в две группы:

1. *Полученное дополнительное образование придает респондентам уверенность в правильности принимаемых на службе решений, а также дает возможность более глубоко анализировать ситуации, связанные с принятием решений; повышает эффективность работы*. Такого рода высказывания свидетельствуют об осознании респондентами того обстоятельства, что принятие управленческих решений требует от них профессионализма и перманентного повышения квалификации. Но это же говорит и о том, что требования самих управленцев к качеству получаемых знаний и самого обучения будут возрастать.

2. *Учеба помогла более продуктивно в дальнейшем заниматься самообразованием, придала уверенность в своих знаниях, ввела в курс нового, передового в своей профессиональной деятельности*. Очевидно, что авторами подобного рода ответов принцип самообразования реально воспринят либо они во многом готовы его воспринять.

Однако социальные ожидания государственных и муниципальных служащих, связанные с должностным ростом по результатам повышения квалификации, выглядят весьма пессимистично. Тогда как значительная часть (около 20%) респондентов связывают необходимость дополнительного образования с продвижением по службе, реальная возможность такого продвижения оценивается ими низко – почти 67% респондентов – госслужащих и 60% респондентов – муниципальных служащих считают, что дополнительное образование не дает возможности для повышения по службе.

В целом результаты социологических исследований по проблемам дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих, которые проводятся учеными Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (до 2011 г. – Волго-Вятской академии государственной службы) последние десять лет, выявили насущную необходимость переосмысления ценности профессиональных знаний в органах власти, роли и места управления знаниями в повышении эффективности деятельности государственных и муниципальных служащих.

Под управлением знаниями здесь понимается системно организованная управленческая дея-

тельность, направленная на формирование мотивированно познающей профессиональной личности служащего на всех этапах и уровнях её социального и профессионального становления.

Все сказанное приводит к закономерному смещению акцента в понимании субъекта, объекта и предмета в управлении знаниями в органах государственной и муниципальной службы.

Субъект управления знаниями в данном контексте не совпадает с обучающей организацией, то есть тем образовательным учреждением, которое осуществляет подготовку, переподготовку или повышение квалификации государственных и муниципальных служащих. Обучающая организация остается исполнителем и субъектом обучения. Функции управления знаниями шире функций управления обучением. Субъектом управления знаниями становится организация в лице её руководства на всех уровнях. Функциями управления знаниями в их самом общем виде являются планирование текущих и перспективных знаний, организация получения знаний и контроль знаний. Объектом управления знаниями является не просто специалист государственной и муниципальной службы как некая абстрактная единица, подлежащая тому или иному виду обучения. Объектом в контексте непрерывного образования и управления знаниями становится деятельностная мотивация к получению новых знаний специалиста как партнера субъекта управления знаниями. Предметом управления знаниями становятся не абстрактно обрисованные требования повышения квалификации, а содержание текущих и перспективных знаний, требующихся специалисту для творческого и инновационного решения его служебных задач.

Такой акцент на организационное содержание управления знаниями соответствует современным тенденциям становления «обучающихся организаций» и ни в коей мере не снижает роли обучающих организаций. Напротив, эффективное управление знаниями возможно лишь на путях тесного взаимодействия, партнерства обучающихся и обучающих организаций.

На наш взгляд, сегодня управление знаниями в органах государственной и муниципальной службы – это новая функция управления, формирующаяся в условиях объективного процесса повышения открытости власти и массового применения в ее деятельности информационных технологий. В задачу управления знаниями входят аккумуляция в профессиональной среде интеллектуального капитала, выявление и распространение имеющейся информации и опыта, создание предпосылок для распространения и передачи знаний. На практике выполнение данной функции находит выражение в систематическом формировании, обновлении и примене-

нии знаний с целью максимизации эффективности профессиональной управленческой деятельности. В процессе реализации управления знаниями в органах государственной власти и местного самоуправления становится органичным формирование технологий реального взаимодействия обучающихся и обучающихся в системе непрерывного профессионального образования и развития кадров государственной и муниципальной службы.

В практическом плане управление знаниями как функция и как вид управленческой деятельности по формированию и развитию профессиональной среды государственной и муниципальной службы охватывает:

- практику придания дополнительной ценности имеющейся в организации информации путем выявления, отбора, синтеза, обобщения, хранения и распространения знаний;

- придания знаниям потребительского характера таким образом, чтобы они представляли собой необходимую и доступную для пользователя информацию;

- создание интерактивного обучающего окружения (обучающей среды), где люди постоянно обмениваются информацией и используют все условия для усвоения новых знаний. Не случайно, по данным наших исследований, две трети государственных служащих высоко оценивают общение с коллегами по вопросам решения профессиональных задач.

Подводя итоги сказанному, можно выделить следующие позиции:

- Управление знаниями становится органичной частью современной управленческой практики. Прежде всего, это связано с быстро происходящими социокультурными изменениями внешней среды, являющейся для государственной и муниципальной службы объектом управления.

- Инновационный потенциал управления знаниями в сфере организации системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих состоит в органичном взаимодействии сферы профессиональной деятельности служащих и их постоянного профессионального развития через все способы получения и эффективного использования новых знаний.

- Управление знаниями в сфере непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих – это комплексный и системно организованный социокультурный процесс, целью которого является развитие субъекта управления для «понимающего» и эффективного управления его объектом.

- Управление знаниями предполагает изменение, трансформацию существующих форм непрерывного образования (но не отрицание их).

Основными направлениями этих трансформаций являются:

– усиление связи органов государственной и муниципальной службы и обучающих организаций с целью формирования актуальных и практически направленных образовательных программ;

– повышение эффективности внутриорганизационного обучения, превращение органов государственной и муниципальной службы в обучающиеся организации;

– постоянный мониторинг качества профессиональной среды органов государственной власти и местного самоуправления с целью ее диагностики и стратегического планирования развития;

– со стороны обучающих организаций, в частности, требуется систематическое и всестороннее предварительное изучение основных проблем государственной и муниципальной службы; разработка управленческих технологий решения данных проблем и их апробирование в ходе обучения служащих; организация консультаций с руководителями органов государственной и муниципальной службы о категориях специалистов, нуждающихся в обучении; совместная разработ-

ка и согласование программ обучения; разработка критериев и организационной системы мониторинга эффективности форм и методов обучения служащих и т. д.

В современном образовательном пространстве системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих управление знаниями становится стратегическим ресурсом инновационного развития и эффективного функционирования органов государственной власти и местного самоуправления.

Примечания

1. Круг Г., Кене М. Трансфер знаний на предприятии: основные фазы и воздействующие факторы // Теория и практика управления. 1999. № 4. С. 11–16.

2. Мильнер Б. З. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М., 2003. С. 12–13.

3. Данные социологических исследований, проведенных в 2010 г. коллективом ученых Волго-Вятской академии государственной службы под научным руководством д. соц. н. В. А. Мальцева в рамках выполнения НИР «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» по государственному контракту № П 2331 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

Э. Н. Габдуллина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В данной статье на основе социологических опросов анализируются образовательные траектории молодежи в условиях научно-образовательного энергетического кластера Республики Татарстан. Определяется влияние социокультурных факторов на формирование ценностного мира человека и его представлений о профессии как ценности. Особое внимание уделено изучению содержания ценностей профессии и профессиональной мотивации в сознании молодежи.

In this article based on sociological surveys, the educational trajectory of youth is analysed within the framework of scientific-educational energy cluster of the Republic of Tatarstan. The author determines the influence of sociocultural factors on forming the personal value sphere and the attitude to profession as a value. Particular attention is paid to the study of values and professional motivation in the young people's consciousness.

Ключевые слова: образовательная траектория, мотивация, профессиональная ориентация, непрерывное образование, профессиональное образование.

Keywords: educational trajectory, motivation, professional orientation, continuing education, professional education.

Традиционная модель «учеба – работа», предполагающая для большинства людей последовательную смену учебной деятельности на трудовую, все более уходит в прошлое. За последнее время сложилась новая модель образовательного поведения и трудовой занятости молодежи в период самостоятельной жизни. Складывается ситуация, когда после окончания общего образования определенный и часто достаточно большой промежуток времени молодости посвящается не только первичному профессиональному образованию, но и дополнительным формам обучения в структурах как формального, так и не-

формального и информального образования. Этапы обучения и трудовой деятельности теперь стали попеременно сменять друг друга или протекать параллельно.

В методологическом плане подобная постановка проблематики исследования выводит на использование парадигмы непрерывного образования, в рамках которой в качестве распространенной операционной модели анализа выделяется модель «образование в течение жизни» [1].

В социуме в недостаточной степени акцентуализированы факторы профессиональных ценностей и ориентаций молодежи.

Образование для современного человека превращается в образ жизни, становится постоянным процессом. Поэтому становится актуальным изучение жизненных планов выпускников школ, ссузов и вузов и их профессиональной ориентации, ибо без их осмысления и определения меры соответствия реальной динамике профессиональной и социальной структуры территориальной общности невозможно целенаправленно развивать среднее и высшее образование.

На разных жизненных этапах человеком требуются те образовательные услуги, которые будут способствовать обретению нового качества жизни. Способность быстро переквалифицироваться или даже сменить профессию, в случае необходимости – с использованием необходимого спектра услуг, есть путь достижения профессиональной гибкости и мобильности. Обеспечить индивидуальную образовательную траекторию каждого конкретного человека призвана инфраструктура непрерывного профессионального образования.

На сегодняшний день в научно-образовательном энергетическом кластере Республики Татарстан в условиях интеграции всех подсистем и процессов профессионального образования существует возможность выстраивания различных непрерывных образовательных цепочек от начального профессионального до вузовского и поствузовского образования. Это дает возможность выбора конкретной образовательной траектории в соответствии с жизненными установками, способностями и возможностями.

Социологический подход позволяет анализировать степень удовлетворенности образовательным процессом различных социальных общностей, как непосредственно включенных в его сис-

тему, так и косвенно связанных с ней. В его рамках существует возможность выявить готовность людей продолжать образовательную деятельность в течение всей их жизни либо достаточно долгое время.

Чтобы непрерывно учиться в течение всей жизни, каждому человеку, в первую очередь, необходим позитивный опыт приобретения знаний в молодом возрасте, во-вторых, сильные моральные или материальные стимулы, а также практические возможности для учебы – свободное время, деньги и учреждения, в которых предоставляют образовательные услуги. Следовательно, личная мотивация к учению выступает ключевым фактором непрерывного образования.

Особенность системы непрерывного профессионального образования состоит в том, что эта система призвана предоставить каждому человеку институциональную возможность наметить и реализовать индивидуальную образовательную траекторию. В результате каждый, вне зависимости от его статуса и уровня полученного ранее образования, получает ту профессиональную подготовку, которая требуется ему для дальнейшего профессионального, карьерного и личностного роста [2].

Образовательная траектория может быть определена как получение ее субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных компетенций, информально приобретенного опыта в виде знаний и навыков. При таком подходе она представлена как движение прежде всего от одного «уровня» образования к новому «уровню» образования, от диплома к диплому, от квалификации к квалификации, а также как формально не фокусируемое приращение и приумножение знаний и навыков [3].

Наличие профессионального образования – гарантированное государством социально-статусное выражение уровня положения индивида в социальном пространстве, ибо образование всегда было и остается неотъемлемой и важной сферой человеческой деятельности [4].

Сегодня рынок труда изменился. Работодателям требуются специалисты с глубокими знаниями в различных сферах, что актуализирует необходимость понимания студентами важности получения качественного и полного высшего образования. Следовательно, формируется процесс изменения мотивов получения высшего образования, предпочтений, интересов студентов, что отражается в результатах ряда опросов студенческой молодежи. Особенно актуальной сегодня является проблема профессионального самоопределения студентов. К показателям эффективности данного процесса можно отнести следующие: удовлетворенность выбором специальности, вуза; четкое представление о социальном ста-

тусе, связанном с выбором профессии, а также возможностях трудоустройства после окончания вуза непосредственно по выбранной специальности.

Согласно Н. Д. Сорокиной успехи учебной деятельности студентов примерно на 70% обусловлены именно мотивацией, а на долю способностей психологи оставляют всего 30% [5]. Это означает, что именно комплекс мотивов побуждает студентов успешно учиться.

Переходя к энергетической отрасли как предмету социологического анализа, следует подчеркнуть, что отрасль является сложнейшим технологическим комплексом. Чтобы успешно работать в этой отрасли, необходимы фундаментальные знания и высокий профессионализм.

Главенствующая роль в подготовке кадров для энергетики отводится Казанскому государственному энергетическому университету (КГЭУ). Успешно работающий университет должен быть в курсе постоянно меняющихся потребностей промышленности.

Нами была предпринята попытка выявления профессиональной ориентации и ценностей в выбранной профессии, а также планы на долгосрочную образовательную стратегию молодежи. Рассмотрим результаты авторского эмпирического исследования, проведенного в октябре – декабре 2011 г. среди учащихся старших классов общеобразовательных школ Республики Татарстан, студентов Центра начального и среднего профессионального образования, Казанского энергетического техникума, студентов Казанского государственного энергетического университета и молодых специалистов и рабочих энергоотрасли. Выборочная совокупность составила 2000 человек.

Относительно жизненных планов выпускников школ можно отметить следующее: желание продолжить обучение выявлено у 93,6% опрошенных, из них 59,5% планируют совмещать обучение с работой, процент желающих выйти из системы образования и начать работать, прервав свою образовательную траекторию, низок – 0,8%, пойдут в армию 5,9%, а 3,2% не определились с планами на будущее.

Так, среди опрошенных нами учащихся выпускных классов средних общеобразовательных школ 74,3% связывают ценность получения образования с возможностью карьерного роста, 59,3% – со стремлением к высокому социальному статусу, 27,9% респондентов считают, что полученное образование позволит приобрести машину, дачу, модные вещи.

Причиной продолжать образование, совмещая его с работой, является желание ни от кого не зависеть (60,5%), следующей причиной выступает мнение учащихся о том, что с опытом работы

и образования им будет легче устроиться в жизни (53,5%), 15,9% хотят совмещать работу и учебу, так как нужно платить за учебу.

Те, кто не будет продолжать образование, в качестве основных причин выделили нежелание учиться (50%) и по 25% указали на отсутствие средств для оплаты обучения и на большой конкурс.

На вопрос «Где вы планируете учиться?» 94,5% респондентов ответили, что в вузе, в среднем профессиональном учебном заведении – 1,9%, а в начальном профессиональном – 1,3% респондентов, 2,1% не определились с планами на будущее. Относительно критерия в выборе вуза 61,6% учащихся в первую очередь отметили качество подготовки и возможность трудоустройства, 43,8% указали на важность такого критерия, как высокий уровень преподавания, 32,8% – на престижность вуза.

Отвечая на вопрос «Что для вас наиболее значимо при выборе будущей профессии?» на первое место респонденты ставят возможность получать высокие доходы (55,9%), на второе – соответствие будущей профессии своим способностям и умениям (44,8%), на третье место – возможность полнее реализовать свой потенциал (23,6%). По мнению учащихся, высшее образование дает человеку хорошую профессию (66,9%), успех в жизни (54,5%), материальное благополучие (34,1%).

Среди респондентов, планирующих связать свое будущее с энергетикой, было отмечено, что в первую очередь в энергетической отрасли их привлекает перспектива трудоустройства (60%), во-вторых, достойный заработок (40,8%), 16,8% опрошенных отметили престижность образования.

Ориентации на долгосрочные образовательные стратегии можно увидеть в ответах на вопрос «Какой уровень образования вы считаете необходимым в жизни?». Так, 36,3% учащихся считают – «два высших образования», получение диплома бакалавра необходимо для 20,2%, 16,6% хотят продолжить обучение в магистратуре, среднее профессиональное образование считают достаточным 4,8%, начальное профессиональное – 0,4% респондентов.

Анализ потребностно-мотивационных характеристик учащихся образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования показал, что основная причина, по которой они выбрали это учебное заведение, состоит в возможности поступить в КГЭУ по сокращенной форме обучения (63,2%), другой мотивационной причиной выступил энергетический профиль подготовки (41,2%), диплом государственного образца (36,4%), а также возможность получить высокооплачиваемую профессию (26,6%).

Как выяснилось в процессе опроса, на выбор данного учебного заведения повлияли родственники и друзья (59,8%), консультация учителей повлияла на 15,8% респондентов, а на 14,6% опрашиваемых – сайт учреждения.

Степень удовлетворенности учащихся профессиональным выбором достаточно высока (87,6%), затруднились с ответом 10,6% респондентов. При этом в среднем свои шансы сразу после окончания данного учреждения поступить в КГЭУ студенты оценивают на 3,7 балла. Основными мотивациями на продолжение образовательной траектории выступили карьерный рост (37,5%), приобретение знаний, необходимых для успеха в профессии (29,2%), повышение шансов на рынке труда (17,5%), развитие способностей и самосовершенствование (15,1%), а 1,6% затруднились с ответом.

Вместе с тем наши исследования показывают, что сделанный молодыми людьми выбор в пользу учреждения начального и среднего профессионального образования является не конечным выбором. 89% опрашиваемых отметили желание после окончания данного учебного заведения продолжить обучение в КГЭУ, из них 47,8% планируют совмещать учебу с работой, 3,8% планируют только работать, затруднились с ответом также 3,8%.

На вопрос: «Собираетесь ли вы в дальнейшем работать по выбранной специальности?» 52,6% респондентов дали положительный ответ, 15,8% ответили «скорее да, чем нет».

На наш взгляд, перспективное будущее у начальных и средних профессиональных учебных заведений возникнет, если они предоставят возможности, связанные с получением высшего образования и престижной профессии. Это может быть возможность поступления на укороченный срок обучения в родственные вузы. В данном случае начальные и средние профессиональные учебные заведения могут даже превратиться в колледжи при соответствующих вузах. Таким примером является Центр начального и среднего профессионального образования, который как структурное звено Казанского государственного энергетического университета дает студентам конкурентные преимущества: дальнейшее поступление в вуз без сдачи ЕГЭ, возможность получения высшего образования в КГЭУ в сокращенные сроки. Такие же условия предоставляются выпускникам Казанского энергетического техникума, входящего в состав научно-образовательного энергетического кластера. Таким образом, выход начальных и средних профессиональных учебных заведений на уровень элементов структуры высших учебных заведений повышает престиж первых и возможности вузов влиять на общий уровень профессионального образования и производственной подготовки.

Сегодня молодежь все больше начинает осознавать, что образование, специальность, квалификация – это капитал для инвестирования. Количество поступающих в вузы сравнялось и даже превысило количество выпускников средних школ. Обучение в вузах по-прежнему обеспечивает прибавку к заработной плате: обладатели вузовских дипломов получают в среднем на 60–70% больше, чем те, кто высшего образования не имеет [6].

Из ответов студентов энергоуниверситета видно, что весьма важной мотивационной причиной, повлиявшей на выбор данного университета, явился энергетический профиль подготовки (38,8%), 33,2% студентов выбрали энергетический вуз, так как считают, что после его окончания можно получить высокооплачиваемую работу, диплом государственного образца стал причиной выбора образовательного учреждения для 31,4% респондентов, а 21,8% опрошенных в качестве причины выбора данного университета указали на высокую репутацию и престиж.

Определяя значимость в выборе профессии, ответы студентов распределились следующим образом: 52,2% респондентов считают наиболее значимым возможность получать высокие доходы, 24,4% студентов отметили соответствие будущей профессии своим потребностям и умениям, возможность полнее реализовать свой потенциал считают значимым 19,8% студентов, а для 16,8% важно занять высокий пост.

Мы хотели выяснить, изменилось ли отношение студентов к выбранной профессии в процессе обучения. Так, 52,2% респондентов указали, что их отношение изменилось в лучшую сторону, у 32,2% опрошенных отношение не изменилось, 5,6% поменяли свое отношение в худшую сторону, а 10% студентов затруднились с ответом. В целом, 79,4% студентов считают, что поступили правильно, выбрав этот вуз.

Анализ ответов на вопрос о планах на будущее показал, что 53,6% планируют только работать, 34,8% хотят продолжить обучение, из них 28,4% планируют совмещать работу с учебой.

Основными причинами, по которым респонденты не собираются продолжать образование, являются необходимость зарабатывать на жизнь (53%), 37,7% опрошенных считают, что их образования вполне достаточно, 36,6% отметили, что у них есть знания, необходимые для работы по профессии, у 14,2% студентов просто нет желания учиться, а на отсутствие материальных средств для дальнейшего образования указали 6,3% респондентов.

В ходе опроса было выявлено, что процент опрошенных студентов, собирающихся в дальнейшем работать по специальности, достаточно велик – 77,1%.

Те, кто планирует продолжить образование, основными причинами этого указали желание карьерного роста (35,6%), повышение шансов на рынке труда отметили 32,2%, для удовлетворения интереса и развития способностей – 30,5%.

Данные исследования показывают осознанность студентов в том, что от уровня образования зависит их будущее: заработок, образ жизни, социальный статус и т. д. Движение индивида вверх или вниз по шкале социального престижа становится в прямую зависимость от уровня его образования.

Ценностная ориентация взрослого на образование зависит, прежде всего, от его общей жизненной позиции, в особенности от его отношения к своей профессиональной деятельности. Проводя опрос среди молодых специалистов и рабочих энергоотрасли относительно значимости при выборе профессии, 38,2% респондентов отметили соответствие будущей профессии своим потребностям и умениям, 31% опрошенных считают возможность получать высокие доходы, для 22% – это возможность полнее реализовать свой потенциал, а 9,6% отметили возможность занять высокий пост.

Определяя в целом желание относительно повышения своей квалификации, 80,4% работников энергоотрасли хотели бы в дальнейшем повысить свою квалификацию, отрицательное отношение проявили 7,6 и 12% затруднились с ответом. При этом что касается формы повышения квалификации, ответы респондентов распределились следующим образом: 37% опрошенных хотели бы пройти обучение на рабочем месте, 34,6% предпочли бы учиться на спецкурсах внутри предприятия, 33,3% – обучаясь в учебно-курсовом комбинате, 32,9% респондентов проявили желание повысить квалификацию, обучаясь в вузе.

Что касается оценки необходимости повышения квалификации, 44,2% опрошенных отмечают, что такая необходимость существует, 48,8% считают необходимым ежегодно повышать свою квалификацию, чтобы соответствовать требованиям рынка труда, и лишь 4,2% респондентов не видят необходимости в повышении своей квалификации.

Оценивая степень заинтересованности в повышении квалификации, 61,4% работников энергоотрасли ответили, что этот процесс необходим как для них, так и для предприятия, 25,2% относят необходимость в повышении квалификации в большей степени для себя, чем для предприятия, 9%, напротив, считают, что в этом процессе больше заинтересованы предприятия, чем они сами, и 2,2% расценивают данный процесс не столь важным.

Переобучение усиливает вероятность повышения у работников уровня оплаты труда – 69,8%. В ходе анализа было выявлено, что прохождение

переобучения повышает уровень удовлетворенности ситуацией на работе – это относится к возможностям профессионального роста (42%) и к условиям труда (28%). Так, 46,2% респондентов указали, что пройдут переобучение в случае если новая работа будет интересной и содержательной.

Анализ мотивации на продолжение образования молодых специалистов и рабочих энергетической отрасли показывает, что они ориентированы скорее на карьеру внутри своей профессии и рабочего места и не нацелены на перемещения вне своей профессии.

Чтобы повысить ответственность и заинтересованность кадров в непрерывном повышении своей квалификации, необходимо обеспечить взаимосвязь результатов повышения квалификации, должностных перемещений и оплаты труда работников с качеством знаний и эффективностью их практического использования. То есть рост оплаты труда, продвижение в профессиональной карьере и удовлетворенность некоторыми сторонами трудовой ситуации оказались связанными с профессиональным переобучением.

Таким образом, приобщение к профессии начинается ещё в школе и захватывает сегменты дополнительного образования. Престиж высшего образования по-прежнему чрезвычайно высок. Даже те выпускники школ, которые планируют пойти в учреждения начального и среднего профессионального образования, в значительной степени ориентированы на последующее вузовское обучение в некоторой отдаленной перспективе. Желание совмещать учебу с работой продиктовано прежде всего стремлением к финансовой независимости и ценностью «опыта работы» для последующего трудоустройства, т. е. опыт работы становится необходимым приложением к диплому. У большинства опрошенных переход от образования к труду преобразуется в длительный взаимосвязанный процесс попеременного или параллельного получения и возобновления учебы и работы.

Социологические исследования позволили, в частности, установить, что выбор вида профессионального образования лишь частично обусловлен выбором будущей профессии: в большей мере, чем профессию, люди выбирают своё будущее социальное положение.

Сознание молодых людей в силу различных обстоятельств подвержено влиянию настроений в обществе. Однако нельзя не учитывать тот факт, что подрастающее поколение – это будущее социума, а следовательно, необходимо более внимательно относиться к проблеме формирования ценностного сознания этой социальной группы.

Примечания

1. Телегина Г. В. «Образование в течение жизни»: институализация в европейском контексте и ее оценка // Непрерывное образование в политическом и

экономическом контекстах / отв. ред. Г. А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 16–37.

2. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование модернизации. М.: ИС РАН: ФГНУ ЦСИ, 2011. С. 62.

3. Чередниченко Г. А. Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 122.

4. Хайруллина Ю. Р., Хизбуллина Р. Р. Социализация личности молодого специалиста в современном образовательном пространстве // Регионоведение. 2010. № 1. С. 149–150.

5. Сорокина Н. Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 55–61.

6. Капелюшников Р. И. Образовательный потенциал и его связь с характеристиками рынка труда: российский опыт // Экономическая политика. 2006. № 4. С. 192.

УДК 32

В. А. Емельянов

ДЕВИАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК СЛЕДСТВИЕ «ШОКОВЫХ РЕФОРМ» СЕРЕДИНЫ 90-х гг.

В статье рассматриваются последствия социально губительных «шоковых» реформ российской экономики в середине 90-х гг., повлекших за собой критическое понижение уровня жизни всех слоев населения, особенно в такой незащищенной группе, как молодежь. Приведены примеры возрастающей девиации молодого поколения в данном периоде: рост уровня наркомании, алкоголизма и молодежной преступности.

The article is focused on the consequences of socially pernicious «shock» reforms of Russian economy in the mid-1990s which caused a critical fall of living standards of all segments of the population, especially in such unprotected group as youth. Examples of increasing deviation of young generation in this period are given: growth of drug addiction level, alcoholism and youth crime.

Ключевые слова: молодежные объединения, «шоковые» реформы, девиация, наркомания, алкоголизм, преступность.

Keywords: youth associations, «shock» reforms, deviation, drug addiction, alcoholism, crime.

В ходе проведенных социологических исследований в середине 90-х гг. фондом «Социальное аутсайдерство молодежи как источник опасностей и угроз в условиях пограничного региона» (Белгородская область, опрошены 499 респондентов, выборка квотная, критерии квотирования – возраст и район проживания, доли женщин и мужчин равны) было установлено, что 39,7% молодых людей были неудовлетворены сво-

ими доходами, 33,5% – размером собственности, 25% – гарантиями трудовой занятости, 25% – возможностью участвовать в принятии решений. При этом 57,3% опрошиваемых верят только в себя и свои силы, и только 1% надеются на помощь других людей, президенту РФ доверяют лишь 27,3% молодежи, церкви – 6,2%, милиции – 3,2%, политическим партиям – 0,6%, никому не доверяют – 32%, не определились – 17%. Одним из последствий тотального кризиса недоверия в молодежной среде является готовность 31,5% молодых уехать за границу на постоянное место жительства.

Жизнь в условиях непредсказуемости и постоянного риска, обусловленного экономическими, политическими и правовыми факторами, стала являться доминирующим фактором и вызывать у молодежи чувство тревоги (21,1%), отчаяния (3,4%) и безразличия (13,8%). Каждый пятый боялся остаться без работы и каждый второй – не справиться с материальными трудностями.

В психологии существует такое понятие, как аддиктивное поведение (от англ. addiction – пагубная привычка, пристрастие к чему-либо), выраженное в умышленном уходе индивида от реальности и проблем. В здоровом обществе это нормальное явление: люди уходят с головой в работу, медитируют, прослушивают музыку, мечтают о чем-либо. В обществе с таким уровнем конфликтогенных социально-экономических факторов, какое было в 90-е гг. в России, аддиктивное поведение было выражено в скачкообразном увеличении всплеск алкоголизма и наркомании.

Среди учащихся в этот период алкоголь не употребляли лишь 14% молодых, каждый десятый пил чаще, чем раз в неделю. К 17 годам 45,7% юношей и 54,5% девушек употребляли алкоголь более одного раза в месяц. Среди наркоманов (82,4 человек на 100 тысяч населения) 82% – люди моложе 24 лет. Преобладающий возраст приобщения снизился с 17–18 лет до 12–13 лет.

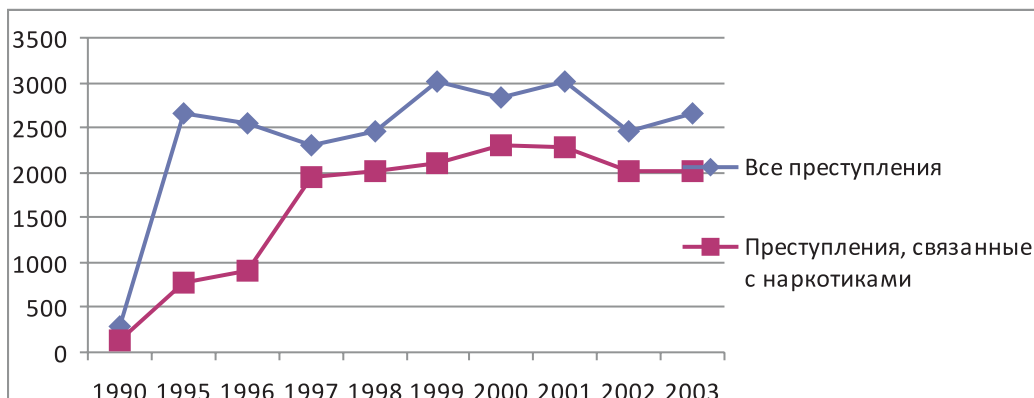
От 7 до 10% не имели запретительных установок в отношении употребления наркотиков.

К середине 90-х средний возраст наркомана составлял 21 год, к концу 90-х – 18 лет, в самом начале XXI в. – 13–14 лет [1]. Уровень заболеваемости наркоманией среди подростков был примерно в два раза выше, чем среди остального населения в целом. Молодежь злоупотребляла наркотиками в 7,5 раза выше, чем взрослое население, психоактивными веществами (ПАВ) – в 11,4 раза выше. Официальные данные о количестве наркоманов в России противоречивы и колеблются от 4 до 6 млн человек. Согласно нормам, принятым Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), на учет ставится только каждый 50-й наркоман, из чего можно сделать вывод что реальная ситуация с наркоманией в России гораздо страшнее. К примеру, в Москве к 2000 году наркоманами являлись 300 тысяч подростков до 16 лет, а по стране в целом – 950 тысяч в возрасте от 10 до 18 лет.

Многочисленные социальные исследования на эту тему показывают, что наркомания не поражает всех разбора. Глубоко ошибаются те, кто думают, что наркомания – это удел самых бедных или самых богатых. Безусловно, это главные группы риска, но в первую очередь в эти цепи попадают благодаря личностным факторам, а не по принадлежности к социальной группе.

27,5% наркоманов причиной своего начала употребления наркотиков назвали конфликты и психологическое напряжение в семье, 24,1% – плохие бытовые условия и отсутствие перспективы в личной жизни или продвижения по служебной лестнице, 17,3% – отчуждение окружающих дома и на работе [2].

Высшее образование в своей основе стало платным, даже в государственных вузах доля приема на бюджет значительно сократилась, а доля «платников» за 5 лет увеличилась в 3 раза. Многие престижные вузы стали недоступны для детей из малообеспеченных семей, довольно ча-

Рост преступлений связанных с наркотиками

сто студенты были вынуждены работать, чтоб продолжить обучение. Рабочих мест не хватало, поэтому далеко не всегда оправдывались ожидания молодых после получения долгожданной профессии, а даже те, кто трудоустроились, находились под нагрузкой из-за низкой заработной платы, задержек с ее выплатами и постоянным риском быть уволенным.

Впервые со времен Гражданской войны в России появились сотни тысяч бездомных и беспризорных детей, часто не умеющих ни читать, ни писать. По разным оценкам, их насчитывалось до 2,5 млн человек [3].

В конце 90-х на 10 тыс взрослых приходилось 117 преступлений, а на аналогичное количество подростков – 203, или на 57,6% больше. В 1988 г. в российских тюрьмах находились 20 тысяч подростков, в 2004 г. – 39 тыс., или на 51,3% больше, при общем числе заключенных в 860 тысяч человек [4]. За 10 лет число подростков, ежегодно доставляемых в органы внутренних дел, увеличилось в два раза и составило 1,2 млн человек, ими совершается более 200 тыс. преступлений в год. По данным МВД, количество убийств и покушений на убийство, совершаемых подростками в год, увеличилось с 1991 г. в три раза, за этот же период в 15 раз увеличилось количество преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Среди причастных к ним лиц преобладает молодежь: в качестве распространителей и потребителей.

Благодаря целенаправленной и хорошо оплачиваемой рекламе алкоголя и табачных изделий, неотъемлемыми атрибутами молодежной субкультуры стали сигареты, пиво и легкие наркотики (марихуана, экстази).

Таким образом, что представляла из себя молодежь в самом начале нового тысячелетия? Ответить на этот вопрос могут результаты общероссийского исследования «Девиация подростков и молодежи: алкоголизм, проституция, наркомания», проведенного в июне 2004 г. Центром социологических исследований Министерства образования Российской Федерации [5].

Согласно результатам исследования с 1990 по 2001 г. возраст начинающих курильщиков уменьшился с 15,2 до 10,1 года. Средняя норма потребления сигарет составила 12 штук, у юношей – 14, у девушек – 10. Больше всего курят неработающие и необучающиеся – 15,7 сигарет в день, за ними идут работающие – 14,9 сигарет в день, учащиеся выкуривают 10,5 сигарет в день. Курят часто 31,7%, не очень часто – 23,5%, редко – 9,1%. Среди юношей курят – 68,6%, среди девушек – 53,9%. Итого 6 млн 720 тыс. молодых людей употребляют никотин.

Средний возраст начала употребления алкоголя в 1991 г. был 15,5 лет, в 2004 г. – 11 лет.

Юноши впервые употребляют алкоголь на полгода раньше девушек. За распитие спиртных напитков в 1998 г. было задержано 294 тыс. молодых людей, в 1999 г. – 305 тыс., в 2000 – 307 тыс. Употребляют алкогольные напитки 81,8% молодых людей, из них: 75,9% употребляют пиво, 41,5% юношей и 24,2% девушек употребляют водку, 11% юношей и 5,1% девушек употребляют самогон и спирт, 19,4% юношей и 36,7% девушек употребляют вино. Каждый третий подросток в возрасте 12 лет пьет пиво, а в возрасте 13 лет его уже употребляют два из трех подростков, крепкие напитки интенсивно начинают употреблять с 15 лет. При этом 5,4% выпивают каждый день, 21,1% – каждые 2–3 дня, 26,3% – раз в неделю, 20,1% – 2–3 раза в месяц и только 8,9% – очень редко. Велика и разовая доза: 260 мл – вино, 230 мл – водка, 130 мл – коньяк, 165 мл – ром, виски, джин, 175 мл – самогон, 1,3 л – пиво. Итого 26,5% молодежи, или 2 млн 905 тыс. человек злоупотребляют спиртными напитками.

Средний возраст впервые принявших наркотики в 1991 г. был 17,6 лет, в 2004 г. – 11,3 года, при этом юноши впервые употребляют наркотики на полгода раньше девушек. Ни разу не пробовали наркотик среди девушек более 60%, а среди юношей – менее 50%, количество впервые попробовавших увеличивается в 15-летнем возрасте, а количество наркозависимых – в 16-летнем.

7,9% молодых людей употребляют наркотики как минимум через день, 14,3% – не реже раза в две недели, 22,5% принимали наркотик 1–3 раза, 55,3% – не пробовали. Больше всего наркоманов среди работающей молодежи – 10,5%, в составе учащейся молодежи – 4,2%.

Исходя из данных (см. рис.), мы можем констатировать явный рост преступлений, совершенных молодежью на почве наркозависимости [6].

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что общая девиация молодежи на протяжении более чем 10 лет с момента распада СССР росла в геометрической прогрессии.

Примечания

1. Ли В. А., Ли К. В. Наркотики. Трагедия для родителей, беда для общества: краткая грамматика профилактики подростковой наркомании. М., 2001. С. 7.
2. Неверов В. Н. Психологическая адаптация и профилактика наркозависимости у студентов. М., 2001. С. 59.
3. Российский статистический ежегодник: ст. сб. М., 2004. С. 11–13, 16–19.
4. Молодежный ресурс инновационного развития России. URL: <http://www.fadm.gov.ru/agency/reports/733>
5. Общероссийское исследование «Девиация подростков и молодежи: алкоголизм, проституция, наркомания» Центр социологических исследований Ми-

нистерства образования Российской Федерации. М., 2004.

6. Российский статистический ежегодник; Заболеваемость населения России наркоманией и токсикоманией (на 100 тысяч населения) / Госкомстат России. М., 1998. С. 310; Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2002. С. 252; Доклад к коллегии Министерства здравоохранения РФ «Об итогах работы органов и учреждений здравоохранения в 2002 году и задачах по повышению качества медицинской помощи населению». М., 2003.

УДК 316.614

А. В. Махиянова

ИНТЕРНАЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ (ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ)

В статье дается авторское видение основы интернализационного кризиса в процессе социализации, эмпирически обосновываются причины и последствия его развития с использованием материалов социологического исследования. Раскрываются территориальные особенности и гендерные различия данной проблемы.

The article presents the author's vision of the basic features of internalization crisis in the socialization process. Causes and consequences of the crisis are grounded with the use of sociological research materials. Territorial specificity and gender aspects of the issues involved are also revealed in the article.

Ключевые слова: интернализационный кризис, социализация, территориальная специфика, гендерные различия.

Keywords: internalization crisis, socialization, territorial specificity, gender differences.

В научную мысль категория «интернализация» была введена представителями французской психологической школы и связана с такими именами, как Ж. Пиаже, П. Жане, А. Валлон и др., а также с советским ученым Л. С. Выготским. При использовании данной категории каждая из общественных наук, безусловно, характеризуется своим видением ее содержания, и социология в этом плане не является исключением.

Интернализация, отвечая за усвоение индивидом ценностей и норм конкретного социокультурного контекста, выступает в качестве неотъемлемой составляющей процесса социализации. В то же время она участвует и в идентификационных механизмах, так как благодаря ей нормы, ценности и стандарты общества становятся субъективно значимыми, побуждая индивида к определенному образу мышления и действия. В

целом интернализацию можно рассматривать в качестве переходного «мостика», через который общество оказывается как бы «внутри» индивида. Таким образом, интернализация выступает основой внутриличностного конструирования социальной реальности посредством усвоения индивидом ценностей, норм, стандартов конкретного общества.

На современном этапе ценностно-нормативная система общества приобретает черты неоднозначности, фрагментарности и дисперсности. Жизненный мир личности постоянно сталкивается с дезорганизационными тенденциями и испытывает на себе последствия разрушения традиционных основ организации повседневной жизни.

Трансформации подверглись и многие социальные институты, которые участвуют в процессах интернализации и которые в настоящих условиях провоцируют нелинейность и контекстуальность ценностно-нормативной системы. Безусловно, огромную роль в этом сыграл распад Советского Союза, вызвавший ценностно-нормативный вакуум, при котором старые нормы и ценности отвергались обществом, а новые либо еще не сформировались, либо не приняли легитимную форму.

Современная личность сталкивается с необходимостью постоянного пересмотра и перестройки сконструированной в сознании социальной реальности, что в итоге может привести к интернализационному кризису. Обострение кризиса происходит в тех случаях, когда изменения касаются ценностей, норм и стандартов, заложенных в ходе первичной социализации, при которой интернализированный мир воспринимается как данность.

С целью эмпирического обоснования интернализационного кризиса, выявления территориальных, гендерных характеристик и отличий в его проявлении было проведено авторское социологическое исследование. Выборочная совокупность сформирована с использованием метода случайной бесповторной квотной выборки путем многоступенчатого отбора обследуемых единиц. В качестве квот отбирались такие показатели, как пол, возраст и место жительства респондента. Объем выборочной совокупности при 5%-ной ошибке репрезентативности составил 1500 респондентов, что позволяет говорить о высокой степени надежности полученных данных. Исследование было проведено в 2012 г. в столице, в девяти малых городах, в восьми поселках городского типа и в 23 селах Республики Татарстан.

Итоги проведенного опроса позволяют констатировать, что подавляющее число опрошенных подтверждает тенденцию о достаточно быстрой смене ценностей, норм и стандартов (67,5%).

Каждый пятый респондент характеризует данные изменения как медленные (22,3%), и только каждый десятый считает их неизменными (9,5%). Затруднились с ответом 0,7% опрошенных.

Выявились различия в оценке данных изменений и у представителей различных населенных пунктов. Сельские жители характеризуют происходящие изменения как достаточно быстрые (74,1 к 71% – в городе Казани и к 63,1% – в малых городах). Соответственно жители малых городов чаще останавливают свой выбор на втором суждении (26,2 к 17,6% – в столице и к 18,5% – в сельской местности).

Гендерный аспект вопроса показал, что женщины чаще характеризуют указанные изменения как быстрые (69,6 к 54,8% у мужчин). Если число мужчин и женщин, считающих их неизменными, практически не отличается (9,1 к 9,8% соответственно), то приписывают им медленное изменение каждая пятая женщина и каждый четвертый мужчина (20,4 к 24,7%).

Тройку лидеров причин достаточно быстрой смены основных ценностей и норм составили социально-экономическое расслоение, возрастные роли средств массовой информации и экономические кризисы (58,6; 49 и 42,5% соответственно). Незначительно уступила причина, связанная с распадом Советского Союза (36%). В менее значимую группу причин вошли изменение общественного сознания, технический прогресс и возрастание роли религии (29,4; 22,9 и 14,4% соответственно).

Для жителей столицы более значим такой фактор, как изменение общественного сознания (32,8 к 28,8% – в малых городах и к 26,3% – в сельской местности), тогда как менее важно возрастание роли телевидения, радио, Интернета (34,7 к 53,8 и 56,6% соответственно). Существенные гендерные различия в данном вопросе отсутствовали.

Нас интересовало мнение населения о том, что с изменением ценностей, норм и стандартов человеку приходится постоянно приспосабливаться к ним, адаптироваться, менять привычный взгляд на повседневную жизнь и т. д., что также является благоприятной почвой для развития интернационального кризиса. При ответе на вопрос: «Каковы могут быть последствия данных изменений для человека?» подавляющее большинство обозначило развитие неуверенности в будущем и потерю нравственности, духовности (47,4 и 40,5%). Треть опрошенных рассматривают девиантный вариант исхода, когда человек может приобщиться к криминалу, преступности (34,8%). Следующая группа последствий носит социально-психологический характер и связана с развитием депрессии, апатии, чувств подавленности и потерянности (36,6; 31,2 и 28,8% соот-

ветственно). Каждый пятый опрошенный предполагает, что человек может стать сторонником сект и других псевдорелигиозных течений (19%). Если 7,7% считают, что никаких последствий не произойдет, то 3,2% респондентов прогнозируют только положительные последствия.

Сельчане чаще горожан акцентируют внимание на таких последствиях, как депрессия (44,8 к 35,1 – в столице и к 34,3% – в малых городах), и развитие апатии и чувства подавленности (36,4 к 29,5 и к 30,1% соответственно). Жителей малых городов больше пугает потеря нравственности и духовности (43,5 к 39,2 – в столице и к 34,3% – в сельской местности).

Ответы гендерных групп на данный вопрос практически идентичны, за исключением небольшого превалирования доли женщин в выборе вариантов, касающихся развития депрессии (38,8 к 34% – у мужчин) и появления неуверенности в будущем (50 к 45,2% соответственно).

Дисбалансирующие процессы ценностно-нормативной системы, неустойчивость и перманентность ее оснований отражается не только на личности, но и на обществе в целом. В качестве основного негативного последствия для последнего выдвигается упадок морали и нравственности (56%). Каждый второй опрошенный утверждает, что люди становятся более агрессивными (50,4%). Не снижается и распространение девиантных последствий, которые сводятся к росту преступности (45,2%). Треть опрошенных видят среди последствий распространение половой распущенности и рост эгоистических настроений среди людей (34,5 и 34,8%). Есть также мнение о том, что происходит распространение псевдорелигиозных течений и всевозможных сект, которое практически в два раза превышает число считающих, что никаких последствий не происходит (14 к 7,5%).

В данном вопросе выявились следующие тенденции. Отличились в своих ответах сельские жители, которые чаще горожан указывали на рост агрессивности людей (54,2 к 45,8 – в столице и к 51,4% – в малых городах), а также преступности, криминала (51,9 к 42,5 и 44,2% соответственно). При этом их меньше заботят такие последствия, как упадок морали и нравственности в обществе (47,5 к 57,2 и 58,4% соответственно) и распространение половой распущенности (24,9 к 42,5 и 44,2% соответственно).

Помимо периодической смены и изменений в ценностно-нормативной системе общества, на наш взгляд, стоит обратить внимание и на наличие в ней противоречий. Именно они во многом становятся основополагающей причиной формирования интернационального кризиса, так как способствуют возникновению противоречий между интернационализированными социальными мирами в ходе первичной и вторичной социализаций.

Итоги проведенного исследования доказали наше предположение. В частности, подавляющее большинство опрошенных полагают, что многие ценности, нормы и стандарты современного общества противоречат друг другу (82,2%). Иной точки зрения придерживаются 13,6% опрошенных, тогда как 4,2% затруднились с ответом.

Территориальный срез вопроса зафиксировал следующие особенности. Жители села и столицы чаще соглашались с первым суждением (85,5 и 83,1 к 78%), а жители малых городов – со вторым (15 к 13,8% – в столице и к 9,8% – в сельской местности). О данном противоречии женщины заявляют чаще мужчин (83,5 к 78,6%), хотя число сторонников его отсутствия у женщин и мужчин существенно не различается (12,7 к 14,8%).

Следующий аспект анализа был направлен на исследование последствий указанных противоречий как для отдельной личности, так и для общества в целом. Относительно первого аспекта лидирующим последствием стало развитие у человека чувства неуверенности в будущем (42,9%). Относительно других категорий мнение опрошенных распределилось примерно в равных пропорциях. Респонденты говорили о том, что у человека может произойти потеря нравственности, духовности, он может впасть в депрессию, апатию, испытывать чувство потерянности (36,7; 34,8; 32,4 и 29,6%). Треть опрошенных не исключают и такой вариант как приобщение к криминалу, преступности (33,2%). Увлечение сектами прогнозируют 18,5%, а отсутствие каких-либо изменений – 7,5%, и только 2,6% опрошенных полагают, что никаких последствий не будет.

Мнение респондентов в зависимости от территориальной и гендерной принадлежности по некоторым пунктам вопроса существенно различалось. В частности, сельчан чаще беспокоят такие последствия, как развитие депрессивного состояния (41,4 к 34,9 – в столице и к 32,4% – в малых городах) и приобщение к криминалу (38,4 к 29,5 и 33% соответственно). Женщины в свою очередь акцентируют внимание на развитии чувства потерянности (39,5 к 29,8% у мужчин) и появлении неуверенности в будущем (45,2 к 39,9% соответственно).

При ответе на вопрос «Каковы последствия противоречий в ценностях, нормах и стандартах для самого общества?» каждый второй утверждает, что происходит упадок морали, нравственности и то, что люди становятся более агрессивными (51,1 и 47,4%). Не исключается рост преступности, криминала, а также эгоистических настроений среди людей (44,2 и 34,9%). Треть респондентов среди последствий указывает на распространение половой распущенности (31,1%). Примерно каждый десятый убежден, что никаких последствий не происходит (8,4%).

На упадок морали чаще указывают жители малых городов (53,4 к 48,9 – в столице и к 48,1% – в селе), тогда как на распространение половой распущенности – жители мегаполиса (35,2 к 31,5% – в малых городах и к 24,2% – в селе). В свою очередь сельчане больше обеспокоены ростом преступности и криминала (52,2 к 38% – в столице и к 44,6% – в малых городах).

Мы задали респондентам следующий вопрос: «Как часто в вашей жизни вам приходится пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты?» При ответе на него каждый третий выбрал вариант «иногда» (32,5%). Каждый пятый утверждает, что ему приходится это делать часто (18,1%). Незначительно по показателям уступил вариант «редко» (16,7%). Каждый десятый остановил свой выбор либо на варианте «очень редко», либо на варианте «достаточно часто» (10,8 и 10,1%). Затруднились с выбором 0,8% опрошенных.

Сравнение по территориальным и гендерным основаниям производилось по подсчету среднего значения по пятибалльной ранговой шкале (5 баллов – достаточно часто; 4 балла – часто; 3 – иногда; 2 – редко и 1 – иногда и 0 – никогда). В соответствии с этим чем выше балл, тем чаще больше вероятность наличия у респондента из той или иной аналитической группы интернационального кризиса.

Наибольшее значение показателя зафиксировано у жителей малых городов (3,45 балла), а наименьшее – у жителей столицы (3,17 балла). У сельчан значение показателя равнялось 3,25 балла. Гендерный срез позволяет констатировать, что мужчины незначительно, но все же чаще женщин сталкивались с данной проблемой (3,43 к 3,26 баллам).

Среди причин, по которым пришлось пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты, лидировали расслоение населения на бедных и богатых, экономические кризисы (37,6 и 33,7%). Следующую по значимости группу составили такие факторы, как знакомство с новыми ценностями и нормами посредством телевидения, радио, Интернета, изменение общественного сознания и разрушение Советского Союза (28,1; 28 и 25,7%). В группу наименее значимых причин вошли технический прогресс, развитие, возрастание роли религии и распространение новых религиозных течений (18,1; 10,1 и 9,8% соответственно).

Существенные отличия между ответами мужчин и женщин отсутствуют, за исключением только того, что среди респондентов больше процент тех, кто основную причину сводит к расслоению населения на бедных и богатых (40,2 к 33,3% у мужчин).

В предыдущих вопросах мы не ставили акцент на личных чувствах и переживаниях рес-

пондента, которые он испытывает при интернализации новых ценностей, норм и стандартов, так как в большей степени старались подвести его к данной теме посредством вопросов, носящих обобщающий, безличный характер. Только после таких вспомогательных вопросов последовал вопрос о том, какие чувства респондент испытывал, когда ценности, нормы, усвоенные стандарты и взгляды на жизнь в целом подвергались изменению. При ответе на него лидерство занял вариант, связанный с развитием неуверенности в будущем (39,7%). Каждый четвертый испытывал чувство потерянности, апатию и подавленность, а каждый пятый – депрессию (27,1; 25,5 и 20,9% соответственно). Признались в том, что у них произошла потеря нравственности, духовности 17%, тогда как 14,5% опрошенных убеждены, что никаких последствий не было. Стали сторонником определенной религии или приобщились к криминалу, преступности достаточно малое количество респондентов (6,6 и 5,5%).

В свою очередь столичные жители чаще страдали от потери нравственности и духовности (22,1 к 14,2 – в малых городах и к 17,2% – в сельской местности), а также от чувств потерянности (30,6 к 26,2 и к 24,2% соответственно). Жители малых городов более подвержены развитию чувства неуверенности в будущем (43,6 к 31,8 – в столице и к 24,2% – в сельской местности). Эта же проблема более характерна для женщин (42,3 к 36,4% у мужчин).

В исследовании ставилась задача выяснить отношение населения к происходящим изменениям и тенденциям, определить их стратегии поведения, трудности и проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе интернализации новых ценностей, норм и стандартов. С этой целью им предлагалось сделать выбор из двух противоположных суждений, касающихся того или иного аспекта интернализационного кризиса.

Практически две трети населения не устраивает то, что в обществе происходит постоянное изменение ценностей, норм и стандартов (70,1%), тогда как чуть более четверти не усматривает в этом чего-то негативного (28,2%). Затруднились с выбором 1,7% респондентов.

Существенных территориальных и возрастных отличий по данному вопросу не зафиксировано, однако женщины чаще становились сторонниками первого суждения (72,3 к 66,1% – у мужчин).

Схожее соотношение присутствовало в оценке наличия противоречий в ценностях, нормах и стандартах общества. Также практически две трети не устраивает сложившееся положение, тогда как четверть опрошенных не против того, что в обществе присутствуют данные противоречия (70,2 к 28%). Затруднились с выбором 1,8% респондентов.

Сельчане больше согласны с первым суждением (74,1 к 70,8 – в столице и к 68,5% – в малых городах), тогда как жители малых городов – со вторым (29,6 к 27 и к 24,6% соответственно). При этом если относительно первого суждения в ответах мужчин и женщин существенные различия отсутствуют, то относительно второго сторонников среди мужчин больше (28,2 к 21,8% соответственно).

Каждый второй респондент согласен с тем, что ему трудно воспитывать своих детей из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются и противоречат друг другу (54,3%). Только каждый пятый считает, что данные трудности его не коснутся (21,1%). Остальные затруднились в выборе приоритетного суждения (24,6%). Особых гендерных и территориальных различий в этом вопросе выявлено не было.

Однако то, что интернализационный кризис вызывает ряд внутриличностных проблем, доказывают следующие показатели. Значительная доля опрошенных говорит о том, что у них периодически происходит потеря уверенности в будущем из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются, противоречат друг другу (68,5%). Только у четверти респондентов этого не происходит (24,6%). Затруднились с ответом 6,9% опрошенных.

Если существенных территориальных различий в данном вопросе не зафиксировано, то гендерные имеют место. В частности, женщины более подвержены возникновению чувства подавленности по указанной причине (57 к 50% у мужчин).

Треть респондентов призналась в том, что у них происходит потеря нравственных и духовных основ из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются или противоречат друг другу. При этом большая часть опрошенных с такими проблемами не сталкивалась (37,3 к 61,9%). Только 0,8% респондентов не смогли сделать выбор между суждениями. Существенные различия по территориальным и гендерным признакам респондентов в выборе данного суждения отсутствовали.

Показательны данные относительно прогноза о том, что будущие поколения будут испытывать сложности из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются, противоречат друг другу. Согласны с данным утверждением 72%, тогда как 26,9% не согласны и лишь 1,1% опрошенных затруднились с ответом. В то же время у жителей столицы доля таких сторонников немного ниже, чем у жителей малых городов и сел (66,4 к 73,2 и к 73,4% соответственно). Наибольшее различие в ответах по данному вопросу присутствует в ответах мужчин и женщин (67,8 к 76% соответственно).

Таким образом, в обществе присутствует осознание того, что ценностно-нормативная система не является постоянной и характеризуется быстрой сменой своего внутреннего содержания. При этом признание наиболее ярко проявляется у сельчан и женщин.

Социальная дифференциация, возрастание роли средств массовой информации и экономические кризисы выступают в роли ведущих факторов быстрой смены ценностно-нормативного комплекса. Их первенство прослеживается вне зависимости от гендерной и территориальной принадлежности респондента.

В качестве последствий интернализационного кризиса на макроуровне выступают упадок морали и нравственности, рост агрессивности и девиации среди людей. При этом если горожан больше беспокоят упадок морали и нравственности, распространение половой распущенности, то сельчан – рост агрессивности и криминала.

Микроуровень последствий интернализационного кризиса, в первую очередь, затрагивает внутренний мир человека и связанные с ним проблемы. Наиболее значимые из них касаются развития неуверенности в будущем, потери нравственности и духовности. Не исключаются также девиантные отклонения и проблемы социально-психологического характера.

Современность характеризуется не только скоростью происходящих в обществе и его системах изменений, но и наличием все возрастающего числа противоречий, которые, безусловно, становятся отличительной чертой ценностно-нормативной системы. Данную тенденцию подтверждают и результаты исследования, согласно которым подавляющая часть опрошенных считает, что многие ценности, нормы и стандарты современного общества противоречат друг другу.

В качестве основных последствий население рассматривает упадок морали и нравственности, рост агрессивности, эгоистических настроений и криминала. На уровне повседневной жизни отдельного человека выделяются такие проблемы, как развитие неуверенности в будущем, потеря нравственности, духовности, депрессия и апатия. При этом для сельчан более значимы социально-психологические и девиантные последствия, а для женщин – развитие чувства потерянности и неуверенности в будущем.

Основой формирования интернализационного кризиса является необходимость периодического пересмотра усвоенных ранее ценностей, норм и стандартов. Как показали результаты прикладного исследования, с данной необходимостью сталкивалось подавляющее большинство опрошенных, среди которых лидировали жители малых городов и респонденты мужского пола. В качестве основных причин, по которым пришлось

пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты, выступали следующие: социальное расслоение социума, экономические кризисы, развитие средств массовой информации и распад Советского Союза.

Согласно полученным данным многие респонденты переживали интернализационный кризис. В своей основной массе он вызывал у них развитие неуверенности в будущем, чувства потерянности, апатию, подавленность и депрессию. Менее всего распространены такие последствия, как потеря духовности, приобщение к криминалу и псевдорелигиозным ценностям.

УДК 316.6(470+571):316.35

А. Б. Осипова, А. А. Энвери

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье исследуются актуальные проблемы методологии социологического изучения жизненных стратегий современной молодежи. На материалах эмпирического исследования анализируются основные жизненные стратегии молодежи.

The article is concerned with the current problems of the methodology of sociological study of the modern youth life strategies. The basic life strategies of the modern youth are analyzed on the basis of empiric research data.

Ключевые слова: ценности, молодежь, профессиональное развитие, профессиональное самоопределение, профориентация, социализация.

Keywords: values, youth, professional development, professional self-determination, professional orientation, socialization.

Современный мир – это мир формирования и развития многообразных жизненных стратегий человека. Молодежь занимает особое положение в обществе, поскольку от нее зависит будущее России. Она гибко реагирует на социальные изменения, в большей степени информирована о процессах, происходящих в различных областях науки, техники и социальной жизни, динамично овладевает современными формами общения и технологиями, активнее включается в мировое информационное пространство.

В определении понятия «жизненная стратегия» до сих пор нет логической четкости и ясности. Оно трактуется либо как система перспективных представлений и ориентаций, либо как система целей, планов и ценностных ориентаций. В справочных изданиях термин «стратегия» определяется как «искусство планирования руко-

© Осипова А. Б., Энвери А. А., 2012

водства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [1]. Способность к стратегической деятельности проявляет далеко не каждый человек. Обычный человек редко задумывается о жизненных перспективах, предпочитая «плыть по течению жизни» и «жить сегодняшним днем». Жизненная стратегия предполагает более высокий уровень организации культуры жизни. Она представляет собой динамическую систему перспективного ориентирования личности, направленную на сознательное изменение и конструирование своей будущей жизни.

В теоретическом и эмпирическом плане проблема жизненных стратегий до настоящего времени остается недостаточно изученной. Ценностные ориентации и мировоззренческие установки, потребности и интересы, цели и приоритеты молодежи целенаправленно исследуются представителями многих гуманитарных наук, стремящихся предложить универсальную типологию жизненных стратегий [2]. Так, А. Адлер рассматривает жизненные стратегии посредством адапционного подхода. Он полагает, что уже в детстве формируется жизненный стиль человека как интегрированный стиль приспособления к жизни и взаимодействия с ней. Любовь, дружбу и работу называет основными жизненными целями или стратегиями личности. Они позволяют человеку оптимально адаптироваться к той среде, в которой он находится. По А. Адлеру, каждый человек выбирает для себя жизненную цель, в которой отражаются его стремления и приоритеты [3].

Индивидуалистический подход к изучению жизненных стратегий присущ К. Юнгу. Он считал, что человек на протяжении всей жизни непрерывно приобретает различные новые умения, достигает новых целей и раскрывается все более полно. Наиболее важной жизненной целью индивида он считал «обретение себя». Эта цель была своеобразным результатом стремления различных компонентов личности к единству. По мнению Юнга, полное раскрытие своего «Я» является самой главной и последней жизненной целью человека, то есть становление единого, неповторимого и целостного индивида. Развитие каждого человека в этом направлении уникально, оно продолжается на протяжении всей жизни и включает в себя процесс, получивший название «индивидуализация» [4].

Киевский ученый Е. И. Головаха подчеркивает, что «жизненную перспективу следует рассматривать как целостную картину будущего, социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни» [5]. Как указывает Н. А. Шлапак, именно в жизненных планах выражается актуальность отражения человеком объективной реальности. Они обладают мобилизующим, организующим

свойством и являются идеальным средством превращения возможности в действительность [6].

В условиях социальной трансформации российского общества тема исследования жизненных перспектив молодежи приобретает особую актуальность в связи с тем, что порой ей достаточно трудно адаптироваться в новом социально-экономическом пространстве, определить ту стратегию, которая гарантирует ей достижение поставленной цели. По этому поводу Ю. А. Зубок отмечает «характерные проявления в развитии молодежи, в частности нарушение воспроизводства жизненных сил, неопределенность возможностей жизненного старта, ее самореализации, идентичности и ценностно-нормативную неопределенность» [7].

В современных условиях особую значимость приобретают изменения, происходящие в молодежной среде. В 2011 г. при участии авторов было проведено социологическое исследование, посвященное изучению жизненных перспектив молодежи г. Лянтора. Опросу подлежала молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, выборка составила 365 респондентов. Дополнительно в исследовании приняли участие 65 экспертов: руководители образовательных учреждений города, педагоги, представители родительской общественности.

В ходе проведенного социологического исследования использована типология жизненных стратегий, предложенная Ю. Резником: стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненного успеха, семейной самореализации. Эти стратегии подтверждаются результатами опроса: основными целями респондентов в ближайшие годы являются материальное обеспечение (59,4%), профессиональный успех (51,0%), создание семьи (47,9%). Следует также отметить, что мнение молодежи и мнение экспертов совпадают в оценке приоритетов, различаясь незначительно в процентном отношении. Эксперты считают, что главными целями молодежи являются материальное обеспечение (69,0%), профессиональный успех (71,0%), создание семьи (43,0%).

В качестве механизмов реализации жизненных стратегий обозначены получение образования (73,6%); создание собственного бизнеса (23,1%); достижение социального статуса (24,1%); установление связей и деловых знакомств (19,1%).

Важной жизненной стратегией молодые люди назвали образование. Сегодня обществом востребована личность, владеющая фундаментальными знаниями и практическими навыками; обладающая высоким уровнем креативного и аналитического мышления, навыками конструктивного поиска при решении личностных задач; способная к творческой самоорганизации. Большинство выпускников не сомневаются, что для достижения высокого социального и профессионального

статуса, жизненного успеха необходимы прочные знания, а поэтому хотят быть уверены в том, что по окончании школы они станут образованными и компетентными людьми.

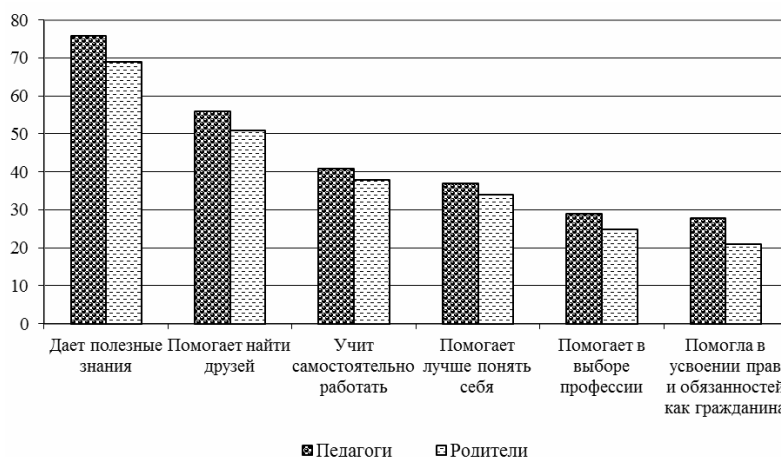
Важным элементом в позиции старшеклассника является оценка деятельности школы. На вопрос «Удовлетворены ли вы качеством образования в школе?» результаты оказались следующими: удовлетворен – 21,3%, вполне удовлетворен – 31,3%, частично удовлетворен – 20,7%, неудовлетворен – 18,2%, затруднились в ответе – 8,5%. Определяя образование как важную жизненную ценность, треть респондентов испытывают неудовлетворенность школьным образованием. Интересно мнение педагогов и родителей в отношении системы образования (рисунок). Результаты опроса показали, что школа продолжает делать главный акцент на передаче полезных знаний. Это отмечают 76%/69% респондентов, подтверждая наличие старых ролевых функций школьного образования (*Примечание:* в числителе указаны ответы педагогов, в знаменателе – родителей.) Весьма неутешительны высказывания педагогов и родителей в отношении формирования у учащихся способности самостоятельного получения новых знаний (37%/34%), что подтверждает слабое социализирующее влияние школы на личность.

Рассмотрим подробнее образовательные предпочтения выпускников (таблица). Как видим, образовательная ориентация большинства респон-

дентов концентрируется на получении высшего образования, что свидетельствует об осознанном представлении молодежи, что на рынке труда имеют ценность знания и квалифицированный труд. Лишь незначительная часть старшеклассников планирует курсовую подготовку, обучение в училищах и техникумах, рассматривает вопрос трудоустройства.

Результаты опроса свидетельствуют, что девушки в своих образовательных ориентациях опережают сверстников юношей. Вероятно, сказывается низкая конкурентоспособность женщин на рынке труда, девушки стремятся компенсировать ее более высоким уровнем образования. При этом около половины опрошенных собираются уехать работать в другой город России (43,2%), 18% выбрали местом дальнейшего обучения Сургут, 22% – Тюмень, 13,8% респондентов хотели бы уехать в Москву, Санкт-Петербург. На взгляд экспертов, если молодежь будет учиться в другом городе России, то нельзя с уверенностью сказать, что они обязательно вернутся в ХМАО-Югра, так как все будет зависеть от обстоятельств. Аналогичного мнения придерживаются 37,9% молодых людей, участвовавших в опросе. Выбор места обучения с более благоприятным климатом и широкими возможностями самореализации – вполне оправданный процесс.

Важную роль в обретении социального статуса в обществе играют профессия и работа. Подавляющее большинство респондентов (51,0%)

Мнения экспертов о роли школы в жизни подростков, (в %)

Образовательная ориентация старшеклассников на тип учебного заведения (в %)

Тип учебного заведения	9-й класс		10-й класс		11-й класс	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Вуз	69,5	74,1	80,4	85,6	76,2	80,3
СПО	28,2	23,3	16,6	14,0	15,3	16,4
НПО	2,3	2,6	1,3	0,4	–	–
Курсы	–	–	1,7	–	3,4	1,2
Трудоустройство	–	–	–	–	5,1	2,1

имеет четкое представление о том, кем они будут работать после окончания обучения, и считают, что их профессия напрямую будет связана с полученным профессиональным образованием. При выборе профессии молодежь в большей степени руководствуется расчетом, субъективная ценность преломляется в оценках престижности профессии. При использовании метода ранжирования в пятерку лидеров вошли профессии бизнесмена (34,3%/47,2%), инженера (41,0%/52,6%), нефтяника (43,7%/56,8%), программиста (40,0%/42,1%), экономиста (56,7%/32,8%). (Примечание: в числителе указаны ответы девушек, в знаменателе – юношей.) Наиболее развита в городе Лянторе нефтяная промышленность, что объясняет выбор данной профессии, напрямую связанной с перспективой дальнейшего трудоустройства. Катастрофически снижается престижность рабочих профессий в сознании молодежи [8].

Семейная самореализация занимает четвертое место в системе наиболее значимых жизненных стратегий молодежи. Опрос показал, что семья остается важной жизненной ценностью для современной молодежи. Основной целью после завершения обучения для 56,6% респондентов является создание семьи. К основным проблемам, которые тревожат молодых людей в будущем, относятся безработица, низкие доходы, сложности в приобретении собственного жилья. При этом они рассчитывают, прежде всего, на собственные силы (28,7%), во-вторых, на помощь родителей, родственников (26,9%), в-третьих – на помощь государства (21,2%). Таким образом, можно утверждать, что современная молодежь ориентирована на устоявшиеся в обществе традиционные ценности. Важными жизненными целями современной молодежи являются образование, профессиональный успех, престижная работа, материальный достаток и благополучие; создание счастливой семьи. Именно они являются факторами, обеспечивающими современную молодежь самореализацию, личностный рост и уверенность в себе.

Примечания

1. Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 582.

2. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 74–85.

3. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

4. Хвёлл А., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / пер. с англ. С. Меленевской. СПб.: Питер Пресс, 2008.

5. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. С. 266–267.

6. Шлапак Н. А. Категория «жизненные планы» // Философские науки. 1974. № 5. С. 139–142.

7. Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. С. 147–162.

8. Назин Г. И., Мартынов М. Ю. Муниципальная политика в сфере образования и социальное положение молодежи: социологические аспекты. Сургут: Изд-во СурГУ, 2001.

УДК 331.586

Э. В. Бушкова-Шиклина

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИЯХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Данное исследование явилось закономерным этапом изучения проблемы эффективного управления человеческими ресурсами в регионе. Приводятся данные экспертного опроса в 240 организациях Кировской области. Основное внимание уделено оценке процессов обучения и развития персонала, а также некоторых аспектов менеджмента знаний и стратегического управления персоналом.

This work is a logical step in studying the problem of effective management of human resources in the region. The author presents 240 expert inquiry results. Much attention is paid to the assessment of staff training and development, as well as to some aspects of knowledge management and strategic human resource management.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, квалификационные ресурсы, кадровая политика, обучение и развитие персонала, менеджмент знаний, стратегический менеджмент.

Keywords: human resources, skill resources, personnel selection, training and development, knowledge management, strategic management.

Современная концепция управления организацией предполагает необходимость формирования взвешенной кадровой политики – совокупности организационных механизмов обеспечения, поддержания, укрепления и развития актуального и потенциального кадрового состава, создания квалифицированного и высокопроизводительного коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся требования рынка с учетом стратегии развития организации [1].

В рамках ряда исследовательских проектов, реализованных на базе Вятского государствен-

*В статье представлены результаты исследовательского проекта № 12-06-97014_p_поволжье а «Инновационные механизмы развития квалификационных ресурсов в регионе», реализованного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

ного гуманитарного университета в 2010–2011 гг. [2], было показано:

1) главными источниками повышения жизненных шансов и уровня жизни Кировчан являются квалификационные ресурсы (достигнутый уровень образования, опыт работы, специфические и наиболее востребованные на рынке труда навыки и пр.), физиологические ресурсы (физическое и психологическое здоровье) и социальные ресурсы (поддержка ближайшего социума). Зачастую эти ресурсы эксплуатируются населением экстенсивно, не всегда восполняясь в полной мере;

2) социально-экономические условия развития человеческого капитала и важнейшего его компонента – квалификационного ресурса в Кировской области в сравнении с более развитыми соседними (Нижегородской и Самарской) областями уступают по ряду показателей: отмечаются более низкие показатели доходов на душу населения, доли выпускников вузов, грамотности населения, а также несбалансированность общих и трудовых миграционных потоков;

3) в силу сложившихся социокультурных и социально-экономических причин отмечается массовая миграция молодых, как перспективных, так и более опытных, специалистов за пределы Кировской области; присутствует доминирование въездных потоков низкоквалифицированных мигрантов в область; отмечается низкая профессионально-квалификационная мобильность имеющих специалистов (в сравнении с более развитыми соседними регионами);

4) главная проблема многих (особенно производственных) организаций – дефицит входящих и высокая текучесть имеющихся квалифицированных кадров. Основными способами решения этой проблемы становятся меры социальной поддержки, выполняющие функции привлечения и закрепления работников в организациях, а также компенсации невысоких доходов.

Также было показано, что в условиях развивающегося информационного общества важным источником формирования конкурентных преимуществ организации становятся квалификационные характеристики персонала. С учетом изложенного было предпринято изучение механизмов развития квалификационных ресурсов работников организаций Кировской области. Это позволит оценить: 1) возможности организаций для привлечения, развития и удержания работников путем создания условий для их профессиональной самореализации, 2) перспективы формирования конкурентных преимуществ организации на основе имеющихся квалификационных ресурсов.

Основными выводами теоретического анализа заявленной проблемы явились следующие:

1. Квалификационные ресурсы представляют собой совокупность имеющихся образователь-

но-профессиональных и компетентностных характеристик персонала. Вместе с трудовыми и «интеллектуально-креативными» характеристиками работников они формируют человеческие ресурсы организации [3].

2. Важной частью квалификационных ресурсов работников выступают индивидуальные компетенции, на основе которых формируются ключевые организационные компетенции (метакомпетенции) – источник ее конкурентных преимуществ. Для этого необходимо, чтобы человеческие ресурсы должным образом были «встроены» в социально-организационные условия, представленные нормативно-ценностной средой, организационной структурой, управленческими технологиями.

3. Формирование ключевых метакомпетенций – комплексная управленческая задача, реализуемая механизмами кадровой политики (формирование и развитие человеческих ресурсов), социальной политики (поддержка и мотивация работников), менеджмента знаний и стратегического управления (формирование коммуникативно-развивающей среды, стратегическое планирование), а также менеджмента качества (оценка соответствия человеческих и квалификационных ресурсов поставленным задачам).

4. Ведущую роль в *развитии квалификационных ресурсов* играют механизмы кадровой политики (прежде всего, процессы обучения и развития персонала), а также менеджмента знаний (процессы обмена профессиональными знаниями в особой информационно-коммуникативной среде [4]). Все остальные процессы и механизмы создают важные условия для поддержки и развития человеческих ресурсов в целом.

Представим некоторые результаты эмпирического исследования – опроса экспертов – руководителей и специалистов, компетентных в оценке кадровой политики в своих организациях. Всего было обследовано 240 организаций Кировской области, в каждой из которых опрошен один эксперт. В выборку вошли организации разного размера (61% малых предприятий, с численностью персонала до 100 чел., 25% средних – 101–500 чел. и 14% крупных – более 500 чел.), территориальной принадлежности (30% – в г. Кирове, остальные – из 20 районов Кировской области) и направлений деятельности. В ходе исследования экспертами был оценен уровень конкурентоспособности организации на рынке, стадия ее жизненного цикла, стратегический характер кадровой политики, соответствие деятельности организации различным стандартам качества и пр.

Рассмотрим более подробно оценку состояния и направлений развития квалификационных ресурсов в данных организациях.

1. Оценка состояния штата специалистов в организациях

Около половины (45,6%) экспертов отметили, что имеющийся в их организациях штат сотрудников «укомплектован» работниками требуемой специальности и уровня квалификации, но есть проблемные в этом отношении отделы; практически каждый десятый эксперт отмечает, что в организациях отмечается острая либо сезонная нехватка таких специалистов в связи с характером работ. В более чем трети организаций (36%) штат специалистов «укомплектован» оптимально. Дальнейший анализ данных показывает, что размер организации способен существенно определять выявленные тенденции: вопросы подбора специалистов в «проблемные отделы» планомерно усиливаются с ростом организации – от 37,7% в малых до 64,7% – в крупных организациях.

Для организаций Кировской области наиболее сложно заполняемыми явились рабочие вакансии (в 57% случаев, из них: 40% – требующие квалификацию, 17% – вакансии неквалифицированного труда) и вакансии специалистов (38,8%). Наименее сложно заполняются вакансии, связанные с руководящими должностями (7,4%).

В организациях области отмечается повышенная текучесть кадров – в среднем в пределах 11–15%. Эксперты отмечают, что показатели текучести кадров 7–8% считаются нормальными, более высокие показатели свидетельствуют о нестабильности кадровой ситуации. Наибольшая текучесть кадров отмечается в организациях сферы бытовых услуг (22%) и промышленности (19%), наименьшая – в образовательной, консалтинговой и финансово-кредитной сферах (до 7%).

2. Реализация кадровых процессов в организациях

Как показало исследование, наиболее развитыми процессами кадровой политики явились обучение персонала (6,9 баллов из 10), отбор, подбор и аттестация персонала (6,7 баллов), а также процессы формирования информационной среды в организации (6,1 балл); управление знаниями, стратегическое планирование развития персонала и менеджмент качества развиты в меньшей степени (5–5,7 баллов). Показано, что с ростом размеров организации отбор и подбор персонала начинает осуществляться более эффективно, остальные направления деятельности по степени эффективности реализуются относительно одинаково. Анализ данных также показывает, что процесс обучения и развития персонала является вторым по уровню выраженности после процесса аттестации персонала на этапе выхода организации на рынок, вторым по степени развития после процесса отбора и подбора персонала на этапах кризиса и этапе упадка, отмирания; ведущим в сравнении с другими процес-

сами на этапах активного роста «расцвета», зрелости и реорганизации.

Существенные различия также наблюдаются в отношении процесса аттестации персонала в организациях разного направления деятельности: особое внимание ему уделяется в образовательных и консалтинговых учреждениях, а также организациях государственного и муниципального управления, финансово-кредитной сферы и здравоохранения; наименее развит данный процесс в организациях сельского хозяйства и сферы бытовых услуг. Как видно, аттестация персонала более развита в квалификационно «емких» отраслях. Процесс кадрового резервирования также более развит в организациях государственного и муниципального управления, наименее – в организациях сельского хозяйства и сферы бытовых услуг.

Основными инновациями, определяющими управление человеческим ресурсами в организациях, явились финансово-экономические (в 66,1% организаций) и управленческие (в 59% организаций); чуть в меньшей степени (в 36–20% организаций) кадровую политику определяют социально-психологические, юридические и технологические условия. Технологические инновации существенно определяют требования к уровню квалификации персонала в организациях сферы тяжелой промышленности (в 64,3% организаций данного направления), наименее – в сфере торговли (в 14,7% организаций данной сферы). Особую, хотя весьма умеренную роль данный фактор также играет при определении кадровой политики в организациях сфер образования и консалтинга и государственного и муниципального управления.

В результате исследования была показана прямая связь характера кадровой политики и степени конкурентоспособности предприятия: выход на рынок российского уровня и возможность лидирования на нем во многом определяется стратегическим характером кадровой политики, а точнее – попыткой организации стратегически планировать не только развитие внутренней ситуации, но и внешней – попытка влиять на рынок труда в целом. Такова обстановка в 40% организаций-лидеров российского рынка, и лишь в 10–15% организаций-лидеров региональных рынков, имеющих среднюю и низкую конкурентоспособность.

3. Направления профессионального развития работников

Как видно, кадровая политика реализуется благодаря многим кадровым процессам, методам, технологиям. Непосредственно на профессиональное развитие работников направлены мероприятия по обучению и развитию персонала, а также мероприятия по реализации менеджмента

знаний – по обмену профессиональными знаниями и созданию необходимой для этого информационно-коммуникативной среды.

Основными формами профессионального обучения и развития персонала в организациях Кировской области явились самообучение, посещение курсов повышения квалификации, а также краткосрочных тренингов и семинаров в специализированных учреждениях (в 56–70% организаций); в каждой второй организации практикуется наставничество и создаются собственные курсы повышения квалификации. Несколько реже в организациях прибегают к стажировкам, а также привлечению специалистов со стороны для проведения краткосрочных тренингов и семинаров на базе своей организации (41–43%), в 28% организаций практикуется ученичество.

Лишь в каждой пятой-шестой организации создаются специальные программы развития персонала. В основном они направлены на обучение и адаптацию новых сотрудников, индивидуальное планирование карьеры, формирование и обучение кадрового резерва, а также посвящены обучению специализированным (например, технологии продаж, управления персоналом) и общекультурным (курсы английского языка) навыкам. Наибольшую роль в повышении конкурентоспособности организации играют наставничество и стажировки. Анализ данных показал, что по мере укрепления позиций организаций на региональном и российском рынках в два-три раза увеличивается представленность таких форм работы с персоналом (наставничество – в 35% низкоконкурентных организаций и в 77% организаций-лидеров российского рынка; стажировки – в 23% и 68% соответственно).

Наиболее часто практикуемыми формами обмена профессиональными знаниями становятся консультации работников по интересующему вопросу со специалистами либо более опытными сотрудниками (в 68,2% случаев в каждой организации это происходит часто или периодически), обсуждение отчетов по проделанной работе, а также совещания и конференции (до 65%). Несколько реже в организациях практикуются наставничество, организованные внутренние формы обучения, тренинги, семинары, а также обсуждение результатов обучения, работы в командировках (48–38%). Менее всего работники прибегают к обмену знаниями в профессиональных сообществах, форумах, проектных группах – более трети экспертов отметили, что этой формы нет в их организациях либо это происходит крайне редко.

В организациях разного направления деятельности доминируют разные формы обмена профессиональными знаниями. Так, наставничество наиболее развито в организациях легкой и тяже-

лой промышленности (85,7% таких организаций реализуется часто), наименее – в организациях сельского хозяйства (лишь в 22,2% организаций). Организационное обучение, общение в профессиональных сообществах и форумах, обсуждение отчетов о проделанной работе и обсуждение результатов обучения и работы в командировках чаще всего практикуются в образовательных, консалтинговых и медицинских учреждениях, значительно реже – в промышленных предприятиях, организациях сельского хозяйства, коммерции и бытовых услуг.

Использование тех или иных форм обмена профессиональными знаниями во многом определяется стратегическим характером кадровой политики. Например, наставничество, тренинги, семинары, общение в профессиональных сообществах и проектных группах используются все реже по мере развития кадровой политики от оперативной к среднесрочной, значительно увеличиваясь на стадии стратегического управления персоналом. В свою очередь, частота использования таких форм, как совещания, конференции, обсуждения по результатам обучения и обмена опытом в командировках планомерно увеличивается по мере стратегического развития кадровой политики.

Представим особенности коммуникативно-информационной среды в обследуемых организациях. Практически все организации (до 99,6%) располагают стандартными средствами связи, имеют доступ к сети Интернет (89,5%), создают официальные сайты и информационные порталы (73%). Чуть реже в организациях используются системы электронного документооборота, внутренние локальные сети и базы консультативно-справочных материалов (до 61%). Около трети организаций используют электронные рассылки для информирования своих сотрудников об организационных новостях, в каждой пятой организации формируются электронные каталоги и базы данных рабочих материалов. Значительно реже в организациях создаются источники корпоративного управления – корпоративное телевидение, радиотрансляции, корпоративный форум и пр. (до 9,6%).

Представленность некоторых коммуникативно-информационных источников во многом определяется размерами организации и степенью ее конкурентоспособности на рынке. Например, по мере роста организаций поступательно все чаще используются внутренние локальные сети, электронные базы консультативно-справочных и рабочих материалов, электронные рассылки, возможность радиотрансляций. В крупных организациях значительно (в два-четыре раза) чаще используются информационные средства корпоративного управления, при численности штата бо-

лее 100 человек резко обостряется потребность в использовании систем электронного управления. По мере роста конкурентоспособности организаций активно развиваются корпоративные источники – корпоративная газета, форум, телевидение, а также внутренние локальные сети, электронные рассылки и системы электронного управления. Организации-лидеры российского рынка обладают этими источниками в среднем в два-три раза чаще, нежели организации с низким и средним уровнем конкурентоспособности.

В целом, развитие менеджмента знаний и необходимой для этого информационной среды во многом определяется принадлежностью организации к той или иной сфере деятельности. Менеджмент знаний, по мнению экспертов, наиболее развит в организациях финансово-кредитной сферы, образования, консалтинга, здравоохранения, государственного и муниципального управления; наименее – в сельскохозяйственных организациях.

Примечания

1. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Я. Кибанова. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 188.

2. Исследовательские проекты: «Управление развитием человеческого потенциала в социально-экономической политике региона», «Ресурсообеспеченность населения г. Кирова», «Молодежь в системе человеческого потенциала как стратегический социально-экономический ресурс региона» и др., основные результаты см.: Бушкова-Шиклина Э. В. Кадрам быть? К вопросу о квалификационном потенциале молодых специалистов // Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 1 (14). С. 35–41; Бушкова-Шиклина Э. В. Ресурсообеспеченность трудоспособного населения г. Кирова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2 (4). С. 71–77; Бушкова-Шиклина Э. В. Оценка конкурентоспособности человеческого потенциала и человеческого капитала Кировской области // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2011. № 4. С. 13–17.

3. Понятие «трудовые ресурсы» используется в данном случае в самом узком смысле как характеристика физического и психического здоровья, а также особенностей трудовой мотивации работников, на основе чего формируется их физический капитал и общая готовность к труду. Под «инновационно-креативными» характеристиками понимается уровень творческой энергии работников. Подробнее: Мельников О. Н. Управление человеческими ресурсами современных высокотехнологичных организаций: дис. ... д-ра экон. наук. Иркутск, 2004. С. 88.

4. См.: Горюнова Т. А. Интерсубъективные основания языковой коммуникации // Рациональность и свобода: тез. VI междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 255; Сидакова С. С. Использование технологий менеджмента знаний в целях повышения конкурентоспособности организации: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. С. 12.

УДК 301

О. И. Пименова

ДОМИНАНТНЫЕ СМЫСЛЫ ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются социально-типические признаки современных глянцевого журналов, выделенные на основе результатов контент-анализа, проведенного автором в 2010 г.

The article touches upon socio-typical features of contemporary glossy magazines, selected on the basis of the content analysis conducted by the author in 2010.

Ключевые слова: глянец, гламур, реклама, гедонизм, эскапизм, консюмеризм, виртуальная реальность, стиль жизни, ценности.

Keywords: glossy magazine, glamour, advertising, hedonism, escapism, consumerism, virtual reality, lifestyle, values

Относительно новым явлением для информационного и социокультурного пространства современной России является глянец, журнал, своеобразный феномен западной массовой культуры, продукт общества потребления. Данные издания появились в начале 1990-х гг. на фоне радикальных перемен того времени и изменившихся вследствие этого информационных потребностей общества и широко распространились уже в середине 2000-х гг., нашли и устойчиво заняли свою нишу на российском постреформенном медиарынке.

С целью определить специфику данного типа издания проведем лексико-этимологический анализ категории. «Глянцевый журнал» – это калькированный перевод английского словосочетания “glossy magazine”. В словарях прилагательное “glossy” переводится как «блестящий, гладкий», в разговорном английском языке можно встретить следующую трактовку – «франтоватый, лоснящийся, лощёный». Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова определяет слово «глянец» как «блеск налощенной, начищенной или отполированной поверхности» [1]. Таким образом, можно заключить, что значение термина «глянец» складывается из двух составляющих. В прямом смысле речь идет об использовании блестящей обложки и глянцевой бумаги. В переносном – имеется в виду лоск, блеск, идеальность жизни, стилеобразующие образы и последние модные тенденции которой транслируют эти издания.

Несмотря на то что сегодня указанным понятием активно пользуются в обыденной речи и вводят в научный обиход, точного определения

термина «глянцевый журнал» все еще не существует. Обозначим базисные, типические в социологическом аспекте характеристики и признаки данного вида СМИ, выделенные в результате проведенного автором в 2010 г. контент-анализа самых популярных и рейтинговых глянцевых журналов различных видов.

Для контент-анализа отбирался каждый четвертый номер журнала каждой категории. Получилось пять категорий, выделяемых по географии распространения, читательско-целевой ориентации, тематической направленности: российские версии международных журналов для женщин (Cosmopolitan) и для мужчин (Maxim) универсальной тематики; специализированный, гламурный журнал о моде Vogue; всероссийский гендерно-нейтральный, научно-популярный журнал «Вокруг света»; региональный рекламно-информационный журнал «Я покупаю» (г. Екатеринбург), распространяемый бесплатно. Все журналы издаются разными издательскими домами (Conde Nast, Independent Media, HFS, Абак-Пресс, Вокруг света), являются их самыми популярными и рейтинговыми продуктами, количество читателей одного номера анализируемых журналов максимально в сравнении с журналами аналогичной категории. В качестве критериев отбора журналов для анализа также были взяты технические и издательские характеристики: периодичность – 12 раз в год, тираж – это самые тиражируемые журналы в своих тематических категориях.

Итак, определяющим, *первичным типологическим признаком глянцевого журнала, безусловно, является уровень его высокого полиграфического исполнения* (издатели часто используют услуги западных полиграфистов и типографий), что является необходимостью для журнала, печатающего высококачественные фотографии, репродукции, иллюстрации и рекламу элитной продукции.

Следующая важная особенность глянцевого журнала, выделяющая его из ряда других СМИ, – это *значительный объем иллюстративного материала*, в некоторых журналах можно наблюдать доминирование (в 1,5–2,5 раза) визуальной информации над текстовой. Данные контент-анализа показывают, что в большой степени эта тенденция характеризует журналы, основной объем материала которых приходится на рекламные сообщения. Так, например, в рекламном «Я покупаю» и в гламурном «Vogue» около 70% всей информации – различные иллюстрации и фотографии, занимающие целые полосы, в то время как в журнале «Вокруг света» невербальная информация представлена 48% материалов.

Вербальная составляющая глянцевого журнального дискурса также имеет свои специфиче-

ские особенности: крупные, яркие заголовки, фрагментация больших текстовых материалов на тематические части, использование клип-образов. С одной стороны, художественный характер издания, его броское оформление упрощает процесс усвоения информации, делает его эстетически приятным, но с другой (и это следующий признак глянца) – подобного рода *оформительские приемы апеллируют не к разуму, а к чувствам, воздействуют на эмоциональный уровень реципиента, следствием этого становится искаженное, неинтеллектуальное, некритичное восприятие им опубликованных материалов, что создает все условия для манипулирования его сознанием*. Иными словами, целевая аудитория глянцевых журналов может воспринимать содержащуюся в них информацию буквально как руководство к действию, как некий свод правил для конструирования своих социальных установок и основных жизненных, целеполагающих ориентиров, которые лежат в основе процессов социализации и социально-статусной идентификации.

Исследовательский интерес представляет специфика содержательной компоненты глянцевых журналов. Анализ основных рубрик журналов, тематических блоков информации позволяет нам зафиксировать ряд тенденций, характеризующих типические черты данных изданий.

Прежде всего, *все журналы вне зависимости от их типологической спецификации характеризуются преобладанием рекламных сообщений над остальными*. Однако формально объем рекламы одного журнального номера (учитывались сообщения с пометкой «реклама» или «на правах рекламы») не превышает 25–35%, что согласно статье 16 закона о рекламе [2] является допустимой нормой для того, чтобы можно было не регистрировать глянцевое издание в качестве специализирующегося на материалах рекламного характера. Информация о подобной специализации должна быть отмечена на обложке и в выходных сведениях журнала, что, безусловно, может повлиять на имидж и репутацию издания в глазах целевой аудитории. Именно поэтому издатели используют приемы так называемой скрытой рекламы, когда, например в рубриках, посвященных красоте, рассказывается о характеристиках того или иного средства по уходу за собой, когда в своих интервью звезды указывают любимые дизайнерские марки и т. д.

Контент-анализ показал, что совокупная сумма «официальной» и «скрытой» рекламы во всех журналах составляет более 40% (Вокруг света – 41%, Cosmo – 45%, Maxim – 50%, Vogue – 78%, Я покупаю – 88%, в последнем случае это некритично, поскольку журнал позиционирует себя как «шопинг-гид» и в выходных данных указывает, что является рекламно-информационным изданием).

Реклама в глянцевых журналах выполняет важные функции. Так, для редакции это прежде всего источник основного финансирования – большую часть доходов редакция получает от продажи рекламных площадей (цены на выпуск одного рекламного сообщения порой достигают 4 млн руб. [3]), а не от реализации тиража своего журнала (значительная часть тиража в конечном итоге уничтожается, оставшись непроданной из-за достаточно высокой цены за экземпляр). Кроме того, желая привлечь как можно больший объем средств от продажи рекламы, издатели завышают сведения о тираже в среднем в 4,8 раза, согласно данным экспертизы национальной тиражной службы (по данным за январь-август 2012 г.) [4].

В случае если речь идет о роли рекламы в проекции непосредственно на читателя, мы можем наблюдать совокупность значимых социальных функций. Особенностью рекламы в глянцевых журналах является то, что это в своей основной массе реклама товаров *luxury*- и *premium*-класса, потребление которых в реальности не может себе позволить типичный читатель глянца. Рекордсменом здесь считается журнал о моде *Vogue*, где 70% всей рекламы посвящено товарам класса *luxury* и *ultra-luxury*, 29% – реклама товаров *premium*-класса; региональный журнал «Я покупаю» – 9,5 и 63,5% соответственно. Так, в последнем средняя цена за единицу текстильного товара (одежда, меха, обувь – самая популярная категория товаров) составляет 22 158 р. Поскольку журнал выходит раз в месяц, предполагается, что читатель, замотивированный рекламой таких товаров, будет тратить ежемесячно соответствующую сумму лишь на один предмет гардероба. Кроме того, медиакит журнала указывает на то, что читатель журнала обновляет гардероб к каждому сезону. В сентябрьском номере «Я покупаю» опубликован список товаров *must-have* (то есть «обязательно необходимых» товаров) на общую сумму 138 330 р. [5] Безусловно, позволить себе все это может только человек с доходом выше среднего.

Следовательно, реклама, мотивирующая человека потреблять вещи, реально доступные только социально и экономически преуспевающим членам общества, выполняет функции социальной дифференциации и стратификации, в основе которой лежат субъективные критерии, а также стремление человека к конструированию позитивной идентичности, связанной в его сознании с феноменом престижности социальной позиции, которая фактически будет иметь иллюзорный, виртуализированный характер в случае, если будет подтверждаться только посредством приобретаемых товаров определенной категории.

Она актуализирует процессы статусного потребления (когда приобретенные вещи удовлетворяют не столько потребность в самом товаре, сколько потребность в социальном признании, возможном посредством актуализации механизмов самопрезентации).

Такая реклама является инструментом знакового и символического оформления картины мира, средством обозначения социально-статусных критериев и визуальных маркеров класса богатых и успешных. Стимулируя процессы социального сравнения, в основе которых лежат визуальные характеристики, реклама влияет на процессы категоризации и самокатегоризации (совершая акт покупки, потребитель «виртуально» приобщается к желаемой социальной категории [6]).

Кроме того, желание обладать вещью и невозможность ее приобрести будет опосредованно стимулировать социальную мобильность, актуализировать стремление человека улучшить свое социально-экономическое положение, уровень которого позволит потреблять товары, символизирующие и подтверждающие высокостатусные и финансово благополучные социальные категории общества.

Характер рекламируемых товаров отчасти детерминирует тематический состав рубрик и соответственно определяет специфику видотипологических признаков глянцевых журналов. Так, в «*Cosmopolitan*» рекламируются парфюмерно-косметические товары (42%), а также текстильные, меховые товары и обувь (33,2%), то есть все то, что может заинтересовать женщину. Журнал о моде «*Vogue*», который, по сути, тоже является женским, принципиально отличается от первого тем, что помимо уже указанных товарных категорий около 30% рекламных сообщений содержат информацию о драгоценностях (из них 90% – это брендовые драгоценности, часы класса *luxury* и *ultra-luxury*, цены на которые могут достигать 2 млн р. и более). Соответственно отличается и объем основных рубрик этих журналов: в «*Vogue*» – «мода и стиль» (27,8%), «звезды» (26,4%), в «*Cosmo*» самые популярные рубрики также «мода и стиль» (15,8%, что почти в два раза меньше, чем в специализированном «*Vogue*»), «отношения, любовь, секс» (13%), «советы психологов» – 12,4%, «здоровье и красота» – 11,7%.

Учитывая данную специфику, мы можем позиционировать «*Vogue*» как гламурный журнал, создающий и транслирующий стандарты роскошного образа жизни высших классов, а «*Cosmopolitan*» – в качестве женского *life-style*-журнала универсальной тематики (поскольку объем рубрик более однородный, а состав более разносторонний), который по большому счету не делает акцента на социально-статусных различиях, на рос-

коши и богатстве, но обращает внимание и на внутренний мир читательницы, психологический и эмоциональный фон взаимоотношений между людьми.

Реклама в мужском журнале «Maxim» на 20% представлена сообщениями об алкогольной и табачной продукции, на 16,5% – рекламой СМИ (преимущественно тоже глянцевого журнала) и СМК, что может свидетельствовать о развлекательной направленности издания. Доказательство этому следующие цифры: 17,3% материалов посвящено темам развлечений – афиши различных культурно-досуговых событий, юмор, форумы, конкурсы и т. д.; вторая по популярности рубрика – это интервью со «звездами» (14,5%). При этом звезды здесь, преимущественно женского пола и модельной внешности, предстают в полубогаженном облике, что тоже может трактоваться своеобразной формой «развлечения» для мужчин.

Кроме того, в нем значителен (по сравнению с женскими журналами) объем материалов, посвященных культуре, истории, науке, политике (около 14%). Данная специфика указывает на то, что мужские журналы, в целом, более интеллектуальные, даже несмотря на то что в большей степени, чем женские, содержат материалы развлекательного характера.

Однако, возвращаясь к анализу рекламы, необходимо заметить, что в «Maxim» велик процент товаров, которые должны интересовать преимущественно женщин – парфюмерно-косметические (15,3%) и текстильные (16,5%) товары, при этом объем рекламы автомобилей и технически сложных товаров примерно в два раза меньше – 7 и 8,3% соответственно. Для сравнения: в гендерно-нейтральном журнале «Вокруг света» рекламы автомобилей в два раза больше, чем в мужском «Maxim». Вообще, «Вокруг света», ориентированный на различные группы читателей, принципиально отличается от предыдущих и составом рекламы, и количественным соотношением рубрик – абсолютное преобладание статей, посвященных культуре, искусству, истории, науке, религии, – 59%, что и обуславливает тематическую направленность журнала.

Таким образом, количественное соотношение рубрик, разница состава рекламных сообщений определяют видотипологические признаки журнала, обуславливают специфику и характер целевой аудитории.

Несмотря на некоторую разницу состава рекламных сообщений и специфику рубрикации в журналах различных типов, *общим для всех журналов признаком является то, что они, будучи продуктами массовой культуры и общества потребления, имеют рекреативный характер.* Так, если, например, первичная задача газет – опера-

тивно информировать общество об актуальных событиях в стране и в мире, то предметом глянцевой периодики являются не реальные и злободневные проблемы и аспекты социальной действительности, а некая идеальная и потому иллюзорная (в контексте реалий современного российского общества) жизнь.

В связи с этим в обществе существует резкая поляризация мнений в отношении к глянцевым журналам. Одна часть (преимущественно молодежь женского пола) страдает от так называемой «глянцевой зависимости», подтверждением может быть пример с форума [7]: «Каждый месяц скупаю тонны модных дамских журналов – просто не могу остановиться: Cosmo, Shape, Glamour, Mini... и т. д. Даже если дома лежит непрочитанный номер, все равно с вождением смотрю на витрину киоска – что бы такого еще приобрести. Страдает семейный бюджет – мое пристрастие выливается в кругленькую сумму. Страдают близкие – ведь вечерами я сижу, уткнувшись в журнал. Страдают мои мозги – ведь ничего нового и особо умного такое чтение не приносит». И в качестве ответа сообщение: «То же самое... Дома могут лежать стопки непрочитанных, а руки всё равно тянутся за новым журналом, своего рода психологический момент, куда нужно стремиться».

Постоянные читатели так объясняют стимул для покупки и активного чтения глянцевых журналов: «покупаю... чтобы чувствовать, что я еще живу... и чтобы мечтать о большем»; или «как бы объяснить... ммм.. когда живешь там где живу я и только вечно мечтаешь о чем-то большем... берешь в руки эту искрящую оптимизмом штучковину и все не так уж и плохо становится»; или «да покупаю... иногда... не поверите: ради рекламы» [8].

Таким образом, глянец выполняет функции эскапизма, ухода от реальности в мир виртуальный, выдуманный (безусловно, этот мир может быть назван виртуальным лишь условно и только в проекции на среднестатистического читателя подобных журналов. Этот мир существует, но живет в нем количественно малая группа действительно состоятельных и преуспевающих представителей высшего класса, элита общества).

Другая часть людей воспринимает глянцевые и гламурные журналы порой резко негативно, называя их «бесполезным чтением», например: «Вредно для психики листать все это, смотреть на эти картинки с ценниками, где суммы больше моей годовой зарплаты. Складывается впечатление, что человек просто обязан ходить по бутикам, быть топ-менеджером, иметь крутую карьеру, а без этого жизнь не удалась» [9]. Подобная оценка связана с тем, что обычных людей «раздражает» несоответствие глянцевого мира и ре-

ального, тот социально-экономический разрыв, который особенно остро ощущается при прочтении или даже скорее просмотре глянца (глянцевый миф категорически не соответствует привычной актору действительности).

Можно сказать, что второй подход сейчас превалирует над первым, характеризующим скорее этап зарождения, становления глянцевого периода (рубеж 1990–2000-х гг.), когда она, будучи принципиально новым для российского читателя явлением, была объектом желания. Эти журналы демонстрировали западный мир изобилия, неведомый типичному россиянину. Их собирали, и они были скорее элитарным чтением, доступным лишь некоторым, так как дорого стоили, были в относительном дефиците, а их ассортимент был несопоставим с современным (сейчас практически все журналы переориентировались на глянцевый формат).

Таким образом, возвращаясь к выделению специфических черт анализируемых журналов, *социальная реальность, представленная на страницах глянца, обладает чертами и свойствами симулятивной, иллюзорной реальности, категорически отличной от той, в которой живут среднестатистические читатели глянца*. Глянцевая реальность, наполненная позитивными, радостными эмоциями, принципиально не предполагает каких бы то ни было острых проблем. Все они (например, проблемы, связанные с жадными мужчинами, завистливыми подругами, лишним весом, либидо, выбором одежды) могут быть легко разрешены с помощью советов психологов и авторов публикаций. Под влиянием этого виртуализированного мира, как бы параллельного объективной социальной реальности, в сознании читателя осуществляется формирование идеальных, мифологизированных и стереотипизированных образов и социокультурных образцов, имеющих знаково-символический характер и замещающих за счет механизма имитации непосредственную социальную среду, объективную и актуальную реальность, в которой осуществляется функционирование человека.

Свой вклад в создание и социально-статусное структурирование глянцевого мира вносят герои публикаций, журнальные персонажи и их изображения на многочисленных фото, выполненных и отредактированных таким образом, чтобы поддерживать мифологический характер представленного в этих журналах социального пространства. Тенденция такова, что *героями глянцевого периода являются в основном молодые, красивые, ухоженные, социально преуспевающие люди с широкой медийной известностью, активность и профессиональная деятельность которых сосредоточена преимущественно в сфере развлечений, досуга и в сфере*

fashion-индустрии. В качестве доказательства можно привести следующие цифры. Если говорить о возрасте, то в журнале “Cosmo” почти 63%, в “Я покупаю” – 71%, в “Maxim” – 77% – это представители молодого поколения. Во всех журнальных категориях отсутствует информация, касающаяся людей пожилого возраста, возможно, по причине того, что они как бы «диссоциируют» с красивым и идеальным глянцевым миром. Люди зрелого возраста – это преимущественно представители шоу-бизнеса, *celebrity*, добившиеся успеха, славы и признания к этому жизненному этапу. Однако в публикациях не делается акцент на их возрастных характеристиках, поскольку их внешний вид, ухоженность говорят о том, что они «все еще молодые», вне зависимости от их реального физиологического возраста.

Исследовательский интерес представляет половая, гендерная структуризация персонажей. В “Cosmo” героями публикаций становились женщины в 80% случаях, в мужском “Maxim” процент героев женского пола также значителен и несколько преобладает над мужским – 55%. Здесь мы можем говорить о ряде гендерных стереотипов.

Например, в “Cosmo” мужчина – это «обычный человек» (60%), упоминание которого происходит в статьях, посвященных взаимоотношению полов и сексуальным отношениям. При этом зачастую речь идет о его личностных и социальных недостатках (нежелание жениться, лень, жадность, бедность, его друзья или мама, сексуальная некомпетентность или излишняя требовательность и т. д.) в контексте правил-рекомендаций по их устранению.

В то время как в мужском “Maxim” акценты несколько иные: в 63% случаев подчеркивается внешность героини и в частности ее сексуальный компонент (когда женщины в многочисленных фотосессиях изображаются обнаженными или полуобнаженными). Главный редактор журнала А. Маленков в своем интервью отметил, что обнаженная женская натура – это «лучший способ подачи женской красоты» [10]. Таким образом, женщина в мужском журнале выступает прежде всего как сексуальный объект, что актуализирует в мужчине восприятие женщины с точки зрения способа удовлетворения желания и получения удовольствия.

Если за основу гендерной стереотипизации взять особенности внешнего вида, который всегда являлся одним из параметров дифференциации мужчин и женщин, то мы можем свидетельствовать о гендерной унифицированности. Внешности уделяют внимание практически в равной степени и мужчины и женщины на страницах и мужских и женских журналов. Так, например, специализированный на моде мужской журнал

GQ Style, раскрывая свою философию, постулирует: «GQ Style не скован обычными клише журналов для мужчин. Он для нового поколения, которое привыкло уделять первостепенное внимание внешности, не стесняется этого, а, напротив, считает достоинством» [11].

Анализ социально-ролевой структуры персонажей глянца позволяет нам заключить, что во всех журнальных категориях делаются акценты на ролях не в контексте семейных и межличностных отношений, а в сфере профессиональной деятельности личности (средняя цифра по всем журналам – 71%). Этот признак будет характерен одинаково и для мужчин, и для женщин.

Однако профессиональный состав несколько отличается в зависимости от тематической направленности глянцевого издания. Героями журнала «Вокруг света» на 56% становятся «обычные люди», преимущественно мужчины зрелого возраста, неизвестные массовой общественности, из них 70% – представители интеллигенции (ученые, работники сферы образования, здравоохранения, искусства и т. д.), и лишь на 21% – это популярные личности. Героями статей в «Cosmopolitan» также зачастую становятся «обычные люди» – около 45%.

Опора авторов на этих персонажей создает манипулятивный эффект, смысл которого – рассказать читателю о чем-либо (в зависимости от тематики конкретного издания) на примере таких же, как и он сам. Читатель видит, как действует, что думает, что ценит, чем интересуется и мотивируется человек, подобный ему самому, и поступает аналогичным образом, ощущая близость, связь с героем.

Этот эффект усиливается еще и тем, что статьи в «Cosmopolitan» имеют, как правило, клишированную структуру содержания, характерную для постоянных рубрик – «ты и он», «твоя карьера», «твоя жизнь», «твое здоровье» (в названии этих рубрик уже устанавливается первичный контакт с читательской аудиторией через личное местоимение «ты», которое не предполагает каких бы то ни было социокультурных барьеров между автором статьи, ее героем и читателем): реальное письмо читательницы или выдуманный редакцией случай-проблема из жизни простого человека, далее совет либо автора статьи, либо психолога или другого специалиста по моделированию и решению данной проблемы (нерешаемых проблем в глянцево-журнальном дискурсе быть не может, о чем уже шла речь ранее).

Под влиянием описанного повествовательного эффекта читатель доверяет приведенному в журнале материалу, воспринимает информацию как референтную, значимую для себя, а потому социализируется под давлением этих универсаль-

ных правил на все случаи жизни, включается в ту или иную социальную категорию, усваивает характеризующие ее нормативы и ценностно-поведенческие образцы, конструируя при этом свою социально-статусную идентичность.

Говоря о социально-профессиональном статусе героев, мы можем проследить следующие особенности: в мужском журнале «Maxim» героями публикаций практически не становятся «обычные люди», здесь очень мало информации об образе жизни бизнесменов, спортсменов, тех, кто по логике должен интересоваться мужскую аудиторию читателей. Акценты смещаются в сторону celebrity (в равной степени и мужчин и женщин – в сумме 43%), моделей (16% – мужчины, 11% – женщины), которые демонстрируют рекламируемые в журнале товары или свое тело (в случае если речь идет о женщинах). В журнале «Я покупаю» большинство героев принадлежат к «миру моды» (56%): модели, фотографы, стилисты, дизайнеры и т. д.), которые и презентуют основные идеи шопинг-гида. В 30% – это обычные люди, реальные или потенциальные потребители представленных товаров и услуг, жители города (здесь устанавливается доверительный контакт с аудиторией по территориальному признаку – в принципе, читатель может заметить на страницах «Я покупаю» своего знакомого).

Еще одна особенность, указывающая на специфику функционирования персонажей в пределах идеализированного социального пространства глянцево-журналов, – они и не занимаются домашней хозяйственной деятельностью (так, например, для сравнения, в советских «life style» журналах это было обязательным атрибутом статей).

Таким образом, герои глянцево-журналов обладают привлекательными для целевой аудитории журнала качествами (либо по причине того, что они воспринимаются с позиций «такой же, как я», либо с позиций «он лучше меня, он красивый и добился успеха, мне нужно стремиться к этому, стать, как он»), а потому могут помогать усваивать свойственные той или иной социальной категории роли, статусы, нормативы, то есть могут являться агентами вторичной социализации, значимыми другими в процессах конструирования социально-статусной идентичности в результате актуализации ряда социальных механизмов: социального сравнения, стереотипизации, категоризации, имитации, презентации и др.

Говоря о специфике глянцево-картины мира (итак, мы рассмотрели особенности социального пространства, социально-демографическую и социально-статусную структуры), стоит остановиться на анализе еще одного ее компонента – это стиль и образ жизни.

Транслируемый глянцевыми журналами особый стиль жизни, характеризующий картину мира, включает в себя две группы составляющих: внешние (или визуальные, невербальные) и внутренние параметры.

Внешние, визуальные атрибуты сильно акцентированы в глянцево-журнальном дискурсе. Они включают в себя характеристики имиджа, внешних данных человека (одежда и вещи, лицо, волосы, фигура, состояние кожи и т. д.), а также такие материальные параметры статуса, как, например, квартира, машина, мобильный телефон, компьютер и др. Роль наглядной материальной атрибутики, мифологизированной и стереотипизированной издателями глянца, в том, что она позволяет обществу легко и быстро интерпретировать и трактовать социально-статусную позицию субъекта, который пользуется для ее презентации конкретными, признанными в обществе и в его конкретных социальных категориях статусными символами и знаками.

Тенденция, зафиксированная нами в результате проведенного контент-анализа, показывает, что *самыми популярными символами статусной принадлежности личности являются (в порядке уменьшения значимости для всех журнальных категорий): ухоженная внешность, брендовая одежда и далее со значительным отрывом от первой группы символов – аксессуары, квартира, дом, автомобиль.*

При этом «обычные люди» (во всех журнальных категориях, за исключением регионального журнала «Я покупаю»), как правило (в среднем 82% упоминаний), в трактовке издателей глянца не располагают визуальными символами своего статуса, и для 18% людей (в среднем по журналам «Cosmo» и «Вокруг света») таким символом является ухоженная внешность. «Maxim» не наделяет своего «обычного персонажа» никакими визуально-статусными характеристиками. В случае же, если речь идет о популярных личностях с широкой медийной известностью, о моделях, ситуация меняется, и здесь подчеркивается именно визуальная символика их статусной позиции: это, например, ухоженная внешность (в «Cosmo» – 80%, в «Maxim» – 63%) и брендовая одежда (в «Cosmo» – 35%, в «Maxim» – 27%).

Идеальный внешний вид – визитная карточка представителя высшего класса, залог успеха и в социальной и в личной жизни. Молодые фото-модели с идеальной кожей, волосами и фигурой становятся эталонами стандартов красоты. И несмотря на то что внешние данные сложно назвать параметрами социального статуса, поскольку они являются генетически и природой заданными свойствами человека, все же глянцевые журналы убеждают своих читателей в необходимости не просто следить за своей внешностью, а

управлять ей, превращая тем самым красоту, ее достижение в социальную самоцель.

Таким образом, именно система визуальной атрибутики, имиджа и, прежде всего, внешних данных является маркером социально-статусной принадлежности человека, отличающим категорию известных и социально преуспевающих людей от обычных. Иными словами, имидж является своеобразным символическим капиталом актора. Формируя свой имидж, презентуя себя в обществе посредством имиджевых характеристик и практик, человек может виртуально приобщиться и включиться в желаемые для него социальные категории высших классов. Красота здесь становится своеобразным социально-статусным, социокультурным феноменом – это, с одной стороны, как бы некий ресурс, инструмент, посредством которого становится возможным конструирование желаемой социально-статусной идентичности, а с другой – как бы высшая ценность для человека, которая будет определять и задавать образ и стиль его жизни.

Вторая составляющая стиля жизни – внутренние параметры, к которым относятся ценностно-поведенческие ориентации, жизненные цели и установки. Результаты контент-анализа позволяют классифицировать внутренние, стилиобразующие параметры героя глянцевого журнала на две категории: индивидуалистские и коллективистские, или социально-ориентированные, стили жизни.

Индивидуализм как детерминанта структуры личности предполагает, с одной стороны, ориентацию на самореализацию. Здесь стоит говорить о таких ценностях, как образование (которое является далеко не самой популярной ценностью в представлениях героев глянцевых журналов и далеко не основным параметром социально-статусной стратификации – в среднем по всем журналам лишь в 5% случаев эта ценность актуальна), карьера (в среднем около 7%), материальное благополучие (примерно 4%), успех, творческая активность – последние две установки в большей степени представлены в журнале «Вокруг света» и «Maxim».

Однако стоит уточнить, что глянцевые журналы все же ориентируют читателей на указанные ценности, но делают это как бы опосредованно, используя приемы манипуляции. Например, формально рекламные сообщения не пропагандируют перечисленные выше ценности. Однако человек, желая потреблять красиво представленные и эффектно описанные товары, будет устойчиво ориентирован на материальное благополучие, которое позволит ему эти товары потреблять в желаемых объемах. А чтобы стать материально благополучным, человек должен быть, прежде всего, образованным и профессионально успешным.

Индивидуалистские ценности также раскрываются в интервью со звездами и с лицами, добившимися успеха в какой-либо области и делящимися советами и способами его достижения. Так, Николай Ширяев (директор ООО «Дельта-Центр, официального дилера Mercedes-Benz) в интервью раскрыл секреты бизнеса следующим образом: «Бизнесом не стоит заниматься, если ты не готов идти по “трупам”. Бизнес – это жестокая вещь. Это надо четко понимать, иначе обиженным останешься ты. Бизнес подразумевает под собой понятие успеха, а не поражения» [12].

С другой стороны, индивидуализм проявляется через стремление личности к гедонизму, к получению разного рода наслаждениям и удовольствиям. Даже если поднимаются темы взаимоотношения мужчин и женщин, то акцент делается не на взаимной ответственности, уважении (и это, скорее всего, отношения не между супругами, а между любовниками), а на получении удовольствия, например сексуального характера. Гедонизм представлен также такими стилеобразующими практиками, как досуг, шопинг или потребление, являющие собой формы организации досуга современного человека, стремление ухаживать за собой, оставаться всегда молодым и красивым – все это является фундаментом глянцевого журнального дискурса.

Журнал «Я покупаю» в каждом номере имеет постоянную рубрику, которая так и называется – «Стиль жизни», в своем медиаките они обозначают ее смысловую нагрузку следующим образом: «Рубрика объединяет в себе ценности, без которых невозможен стильный образ жизни, пробуждая у читателя интерес к новым ощущениям и впечатлениям. Интерьеры, высокая гастрономия, новинки техники, автомобили, элитные виды спорта, экзотические путешествия и многое другое, что делает жизнь современного человека более полной и интересной» [13]. Примечательно, что здесь не идет речи о любви, детях, помощи людям и т. д. Интересна также цитата из «Правил шопинга от Полины Коркиной» (владелицы бутика Laurel): «Уделите себе время, себе одной. Придите в фирменный магазин одна (без жадных мужей и “лучших” подруг), насладитесь атмосферой, будьте здесь и сейчас. Любите себя!» [14].

Если соотнести между собой указанные формы индивидуализма, мы приходим к выводу, что вторая (гедонистическая) превалирует над первой, в основе которой лежат ценности самореализации (в среднем по всем журнальным категориям – 70 и 30% соответственно).

И, наконец, в основе второго, коллективистского формата стиля жизни лежат альтруистические ориентации, когда общественные интересы превыше собственных. В широком смысле они проявляются в желании служить и помо-

гать другим людям, обществу в целом, обращать внимание, следить за политико-экономической, экологической ситуацией в стране и в мире. В узком смысле имеется в виду ориентация на малую группу, например семью, детей, коллектив друзей или коллег. Тенденция такова, что в среднем примерно лишь на 5–7% в глянцевых журналах поднимаются темы, вопросы, ориентирующие человека на коллективистскую самоактуализацию (например, в семейной, межличностной сфере).

В анализируемых глянцевах не говорится о воспитании детей, активно не затрагиваются вопросы дружбы и т. д. Однако не стоит проецировать данный вывод на весь глянец, поскольку есть специализированные глянцевые журналы, посвященные, например, воспитанию детей, приготовлению пищи, кроме того, такие мужские журналы, как “Esquire” или “GQ”, которые регулярно публикуют статьи и интервью, посвященные различным социальным проблемам, известных журналистов, писателей.

Даже иллюстративный материал демонстрирует человека вне социального контекста (ориентировочно в 90% случаев). Преимущественно это изображения одиноких, но при этом счастливых, не «страдающих» от своего одиночества людей. *Иначе говоря, именно самореализация, индивидуализм являются основной социальной установкой глянцевого журнального дискурса, причем акцент делается на визуальной составляющей.*

Подводя некоторые исследовательские итоги, стоит заметить, что глянцевые журналы искусственно создают некий целостный образ окружающего мира, своего рода картину мира, включающую в себя мировоззренческие установки, представления, ориентиры социально-благополучных представителей общества. Однако этот мир обладает признаками симулятивной реальности и зачастую коренным образом отличается от реального социального пространства, в пределах которого живет типичный читатель глянца.

Данная особенность глянца может усиливать эскапизм (уход из реальности в иллюзорный и красивый мир глянца), гедонизм (стремление получать наслаждения и испытывать удовольствия) и консюмеризм, когда человек полагает, что вещи и их потребление могут стать способом приобретения к желаемой социальной категории, к необходимой социальной позиции, членство в такой категории будет носить преимущественно символический характер, поскольку зачастую не основывается на совокупности реальных материальных и социокультурных ресурсов.

Выступающие в качестве средства социального общения глянцевые издания посредством составления и тиражирования определенных пред-

писаний способны осуществлять стратификацию своей аудитории и формировать социальную идентичность индивидов (групп), приобщать их к окружающему социальному миру, конструировать социальные позиции субъектов, участвуя в процессах усвоения социальных ролей и культурных норм определенной социально-статусной категории общества.

Примечания

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/780134> (дата обращения: 31.10.2012).

2. Закон о рекламе: федер. закон: принят ГД РФ 22 фев. 2006 г.; Одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 года // Российская газета: официальный сайт. URL: <http://www.rg.ru/2006/03/15/reklama-dok.html> (дата обращения 30.10.2012).

3. Базовые расценки на рекламу // Cosmopolitan: официальный сайт. URL: <http://www.cosmo.ru/about/magazine/price.php> (дата обращения 1.11.2012).

4. Тиражное вранье как лернейская гидра. Тиражные вруны 2012. Итоги // Национальная тиражная служба: официальный сайт. URL: <http://pressaudit.ru/tirazhnoe-vrane-kak-lernejsskaya-gidra-tirazhnye-vruny-2012-itogi/> (дата обращения 1.11.2012).

5. Премьеры сезона от Laurel // Я покупаю (Екатеринбург). 2010. Сентябрь. С. 24–25.

6. Емелин В. А. Реклама как симулякр. URL: <http://emeline.narod.ru/advertising.htm> (дата обращения 2.12.2009).

7. Форум Гавани красоты и здоровья. URL: <http://www.forums.harbor.ru/archive/index.php/t-5337.html> (дата обращения 12.12.2010).

8. Опрос: Как относитесь к многочисленным глянцевым журналам? // Аниме форум. URL: <http://www.animeforum.ru/index.php?showtopic=26562> (дата обращения 12.12.2010).

9. Там же.

10. Кутловская Е. Александр Маленков о консюмеризме и женской красоте // Независимая газета. 2007-11-23. URL: http://www.ng.ru/saturday/2007-11-23/13_maxim.html (дата обращения 20.01.2011).

11. ИД Conde Nast: официальный сайт. URL: <http://www.condenast.ru/portfolio/magazines/gq-style/> (дата обращения 1.11.2012).

12. Жить своим умом и по средствам // Дорогое удовольствие (Екатеринбург). 2010. № 4. С. 38.

13. ИД Абак Пресс: официальный сайт. URL: <http://www.apress.ru/shoppingguide/about> (дата обращения 1.11.2012).

14. Премьеры сезона от Laurel // Я покупаю (Екатеринбург). 2010. Сентябрь. С. 25.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 338.22

Р. В. Ростовский

СОСТОЯНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается демографическая ситуация в десятилетний период, которая демографами и социологами определяется как состояние демографического кризиса российского общества.

Так, низкая рождаемость, высокая смертность, недостаточный миграционный приток и быстрое старение населения провоцируют возникновение депопуляции, что ведет к возникновению обширного комплекса внутренних проблем, ослаблению обороноспособности страны, снижению ее политического, экономического и культурного влияния на международной арене.

В связи с этим достижение необходимого уровня народонаселенности, восстановление нормального, а затем и расширенного воспроизводства населения, ликвидация демографической проблемы сегодня – одна из главных задач обеспечения национальной безопасности России.

The demographic setting of decade, that clarifies itself by demographers and sociologists as the demographic crisis of Russian society is considered in this article.

The low birth-rate, high mortality, insufficient migration flow and rapid ageing of the population provoke the origin of depopulation, that makes the extensive complex of the internal problems, weakening of defence of the country, decrease of its political, economic and cultural influence on the world arena.

In connection with that the achievement of necessary level of population, the restoration of normal and later extended reproduction, the destruction of the demographic problem are the main task of the safeguarding of peace and security of Russia.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографический кризис, репродуктивный потенциал молодежи, расширенное воспроизводство населения, миграционные процессы, международная миграция.

Keywords: demographic situation, the demographic crisis, reproductive potential of the youth, extended reproduction, migration processes, international migration.

Численность населения, его структура и уровень жизни, общие тенденции демографических процессов непосредственно влияют на перспективы развития страны. Так, низкая рождаемость, высокая смертность, недостаточный миграцион-

ный приток и быстрое старение населения приводят к возникновению депопуляции, что, в свою очередь, генерирует возникновение обширного комплекса внутренних проблем, обуславливает падение обороноспособности страны, снижение ее политического, экономического и культурного влияния на международной арене.

Являясь первым по площади государством в мире, Россия стремительно сдает свои позиции по численности населения. Продолжается убыль населения в стране. С 1993 по 2009 г. в России население сократилось немного ни мало на 6,7 млн человек. При этом, если бы перепись населения 2002 г. не «добавила» 2 млн человек (скорее всего, это неучтенные текущим учетом мигранты), то сокращение составило бы 8,7 млн человек.

Основной вклад в сокращение численности населения вносит естественная убыль населения. Абсолютное число рождений по-прежнему ниже, чем абсолютное число смертей, что приводит к убыли населения в результате естественного движения населения. В 2008 г. убыль российского населения составила 363 тыс. человек, даже положительный миграционный прирост в объеме 256 тыс. человек не смог «перекрыть» естественной убыли. В итоге население России сократилось в 2008 г. на 107 тыс. человек. Сокращение населения охватывало более 70% регионов страны. С 2006 по 2008 г. Сибирь потеряла 1,5 млн, Дальний Восток – 1,1 млн человек. Еще более значительными стали демографические потери в «сердце» России – Центральный федеральный округ за исключением Москвы и Московской области потерял около 2,4 млн человек. Снижение численности населения в приграничных регионах может привести к утрате части территорий государства, которые без населения удерживать и развивать невозможно.

Рождаемость остается ниже простого воспроизводства и ниже уровня, необходимого для выхода на нулевой естественный прирост (1,81). По-прежнему Россия существенно отстает от многих не только экономически развитых, но и даже развивающихся государств по многим демографическим показателям. Например, по ожидаемой продолжительности жизни Россия занимает только 162-е место в мировом рейтинге (между Гренадой и Бутаном), по суммарному коэффициенту рождаемости – только 194-е место в мире

между Болгарией и Германией (1,41 ребенка на одну женщину). Напротив, очень высоко стоит по таким показателям, как коэффициент смертности, – на 16-м месте в мире (между Чадом и Мали) – 16,1 смертей на 1 тыс. жителей. В основе снижения рождаемости лежит усиливающаяся репродуктивная ориентация молодежи на одноподетную семью, что, с одной стороны, отражает адекватную реакцию населения на снижение уровня жизни, а с другой стороны, обозначает формирование, прежде всего, у молодежи новых типов репродуктивного поведения, связанных не с ухудшением, а с изменением стиля и образа жизни, в частности отношения к институту брака.

К социально-демографическим рискам прежде всего относится недостаточность предпринимаемых мер по стимулированию рождаемости, поддержке семьи и профилактике сиротства, эффективному преодолению последствий «демографического спада» 1990-х гг. и в долгосрочной перспективе, значительному повышению ценности рождения и воспитания детей, формирования семьи [1].

Процессы депопуляции обострились в начале 90-х гг., ежегодно в России коэффициент рождаемости падает на 0,2. Сегодня уровень рождаемости в России – один из самых низких в мире, при этом уровень смертности превышает уровень рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,33, коэффициент смертности (на 1000) – 10,1/15,3 [2].

Эти процессы не сразу стали заметны из-за миграционного притока. Осознание демографических изменений как общенациональной проблемы произошло в конце 90-х гг.

Однако следует отметить, что до сих пор последствия демографического спада в меньшей степени отразились на системе высшего образования, поскольку убыль населения «студенческого» возраста компенсировались «образовательным бумом» конца 90-х гг., который проявлялся в стремительном росте числа высших учебных заведений (государственных и негосударственных) и студенческих контингентов. С 1991 по 2009 г. число вузов (с филиалами) выросло более чем в 5,3 раза (на начало 2008–2009 гг. – 1134 вуз, из них 660 государственных, 474 – негосударственные), численность студентов с 1995 по 2009 г. увеличилась в 2,3 раза (на начало 2008–2009 гг. – 7 513 тыс. человек, из них: 6 215 тыс. человек – в государственных и муниципальных вузах, 1298 тыс. человек – в негосударственных) [3].

В последнее время все чаще из официальных источников звучит, что демографическая ситуация в России изменилась в лучшую сторону, растет рождаемость и сокращается смертность. Действительно, нужно признать, что власти Рос-

сийской Федерации в последнее время уделяли определенное внимание решению демографических проблем. В Послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006 г. демографическая проблема была названа «самой острой проблемой современной России», а демографическая ситуация – критической. Советом Безопасности Российской Федерации 20 июня 2006 г. был принят комплекс мер демографической политики, имевших определенный эффект. В частности, в 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 г., в которой были прописаны стратегические направления действий в этой сфере.

С 2007 г. началась реализация программы стимулирования рождаемости. Наиболее важные меры программы – введение материнского (семейного) капитала и ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет. Впервые в новейшей истории России эти меры стали учитывать очередность рождения детей, они были направлены на поддержку семей с несколькими детьми, стимулирование вторых и последующих рождений, что важно для обеспечения воспроизводства населения.

С 2007 г. реализуется программа «Дети России», состоящая из трех подпрограмм: «Здоровое поколение», «Одаренные дети» и «Дети и семья». Приоритетные национальные проекты «Качественное здравоохранение», «Современное образование», «Доступное и комфортное жилье – жителям России» также нацелены на решение актуальных проблем населения и семей. В рамках национального проекта «Качественное здравоохранение» были существенно увеличены затраты на высокотехнологические виды медицинской помощи, на родовспоможение, на оказание первичной медицинской помощи, предотвращение внешних причин смертности.

Также с 2007 г. реализуется Государственная программа стимулирования возвращения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

2008 г. был объявлен в России годом семьи, в рамках которого были проведен комплекс мероприятий на федеральном и региональном уровнях в области поддержки семьи. В некоторых регионах страны были проведены подобные акции. Например, 2006 г. был объявлен годом отца в Липецкой области.

С 2009 г. реализуются меры, направленные на формирование здорового образа жизни, борьбу с курением табака и потреблением алкоголя. Многими субъектами Российской Федерации в дополнение к федеральным мерам были приняты и реализуются региональные концепции и программы демографического развития.

Меры демографической политики имели определенный эффект для России:

- число умерших за период 2006–2008 гг. сократилось на 228 тыс. человек – с 2304 тыс. до 2076 тыс. человек;

- продолжительность жизни населения выросла на 1,8 года – с 72,4 до 74,2 года;

- число родившихся выросло на 257 тыс. человек – с 1457 тыс. до 1714 тыс. человек;

- миграционный прирост увеличился на 102 тыс. человек – со 155 тыс. до 257 тыс. человек; количество российских регионов с ростом населения увеличилось с 15 до 24.

Но эти очевидные успехи не могут и не должны успокаивать руководство страны, поскольку в демографической сфере России по-прежнему остается достаточно много проблем, требующих решения, а позитивные тенденции, обозначившиеся в последнее время, еще очень неустойчивы и требуют закрепления.

Несмотря на последние положительные демографические тенденции, возрастная структура населения России продолжает ухудшаться – сокращается доля людей трудоспособного и репродуктивного возраста. Например, доля 20–29-летних женщин (активный репродуктивный потенциал) составляет 8,6% в общей численности населения, по прогнозным оценкам, сократится до 7,3% к началу 2015 г., до 5,4% – к началу 2020 г., до 5% – к началу 2025 г. Наиболее интенсивно сокращение женщин репродуктивных возрастов будет происходить с 2012 по 2021 г., что приведет к снижению рождаемости.

Негативные демографические тенденции отразились и на молодежных группах населения в России. Наиболее интенсивно в 2000-е гг. сократилась численность и доля молодых людей в возрасте 15–19 лет, что, очевидно, было обусловлено падением рождаемости в первой половине 1990-х гг. Численность и доля молодых людей в возрасте 20–24 лет несколько увеличилась между 2002 и 2009 гг., но в этом заслуга прошлых лет. Это дети, родившиеся в 1980-е гг., когда проводились активные меры стимулирования рождаемости на «закате» СССР. Наконец, доля молодых людей в возрасте 25–29 лет в 2009 г. составила 8,4% от общей численности населения страны, несколько увеличившись в сравнении с переписью населения 2002 г. В настоящее время на долю молодежи в России приходится 23,8% населения страны, в то время как в 2002 г. приходилось 24%.

Наиболее интенсивно сокращение численности трудоспособного населения будет происходить в 2012–2015 гг. (40% всех потерь двадцатилетия). Потери ВВП от уменьшения трудовых ресурсов в 2007 г. составят 250 млрд рублей, страна недополучит около 75 млрд рублей налоговых по-

ступлений. За период 2007–2025 гг. суммарные потери ВВП составят 102 трлн рублей, потери налоговых поступлений – 30,7 трлн рублей. С 2013 г. потери налоговых поступлений составят 730 млрд рублей, то есть превысят величину предлагаемых расходов на повышение рождаемости и сокращение смертности.

С 2010 г. также растет пенсионная нагрузка: если сейчас на 1000 трудоспособных приходится 322 пенсионера, то к 2025 г. – 506, а к 2050 г. число пенсионеров и трудоспособных сравняется. Будут расти затраты на пенсионное обеспечение и социальные расходы стареющего населения. Дефицит Пенсионного фонда в 2010 г. может составить 900 млрд рублей, а к 2015 г. – до 2 трлн рублей, что превысит доходы фонда.

В целом демографические процессы, как правило, отличаются значительной временной инерционностью. В связи с этим России в ближайшие 2–3 года предстоит радикально изменить, а вернее, сформировать и, кроме того, финансово, организационно и другими способами обеспечить реализацию эффективной (адекватной текущей и перспективной ситуации) демографической политики.

Это должно предполагать:

- создание комплекса предпосылок для резкого увеличения рождаемости;

- укрепление института семьи, повышение его авторитета в обществе;

- совершенствование социальной защиты семьи, оказание ей всемерной поддержки со стороны государства;

- пропаганду здорового образа жизни среди детей, молодежи, взрослого населения, информирование граждан о методах, технологиях повышения их здоровья, увеличения продолжительности жизни;

- стимулирование и регулирование миграционного притока населения для замещения его естественной убыли;

- внедрение в массовое общественное и индивидуальное сознание россиян установок на формирование многодетных семей, прочную фиксацию в качестве ведущих общественных ценностей семьи, брака, детей как естественной и необходимой основы существования человека и социума и др.

Вполне очевидно, что молодежь традиционно является одним из ведущих субъектов общественного воспроизводства, так как именно в «молодежных» возрастных группах, в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума. В результате смены поколений последовательно осуществляется его воспроизводство. За счет этого общество обновляется, совершенствует свою структуру, передает «по наследству» от старших младшим общественные институты, куль-

туру, систему норм, ценностей и т. д., которые молодежь, выполняя свои особые социальные функции, частично сохраняет, а частично преобразовывает, изменяет. Тем самым молодежь закономерно является одним из главных факторов, движущих сил общественного развития.

Поэтому демографическая политика должна быть тесно скоординирована с другими направлениями государственной социальной политики и в обязательном порядке – с государственной молодежной политикой в аспекте поддержки молодежи и молодых семей.

Примечания

1. Осипов Г. В., Рязанцев С. В. Демографические перспективы России. М., 2008. С. 905.

2. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2004 Revision & World Urbanization Prospects: The 2003 Revision. URL: <http://esa.un.org/unpp>

3. Среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года / под ред. Ф. Э. Шереги, А. Л. Арфьева. М.: ЦСПиМ, 2010.

УДК 316.334.2

С. Н. Пономаренко

ПРОГНОЗЫ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

В статье подробно рассматриваются демографические прогнозы по изменению численности и составу населения страны. Также представлен анализ различных сценариев демографического прогноза, как среднесрочного – до 2025 г., так и долгосрочного – до 2050 г.

The author of the article examines population projections for changing the size and composition of the population. The analysis of various scenarios of demographic projection, as the medium-term to 2025, and long-term to 2050, is also examined in the article.

Ключевые слова: демографические прогнозы, демографические тенденции, численность населения, молодежь, возрастная группа.

Keywords: population projections, population trends, population, youth, age group.

Демографический прогноз представляет собой научно обоснованное предсказание основных параметров изменения численности и состава населения страны или региона, а также основных демографических процессов – смертности, рождаемости и миграции. Как правило, основной целью любого прогноза является не просто

констатация фактов и выявление тенденций изменения ситуации, но и выработка путей возможного воздействия на изменение демографической ситуации в стране или регионе в нужном направлении.

Прогнозы могут преследовать различные цели. Прогнозы могут быть аналитическими, реалистическими, предостерегающими.

Аналитические прогнозы служат чисто теоретическим целям – они строятся для выявления тенденций смертности, рождаемости, изменения возрастной структуры населения и т. п. Как правило, такие прогнозы не влекут за собой необходимость действий, не влияют на демографическую политику, они просто констатируют факт. Например, такие прогнозы регулярно составляют специалисты отдела народонаселения ООН, принимая за основу данные статистики по разным странам. В России подобные прогнозы регулярно публикует Росстат. Как правило, эти прогнозы строятся на среднесрочную и долгосрочную перспективу и обозначают возможные пути развития демографических показателей.

Реалистические прогнозы в большей степени приближены к управлению, они призваны удовлетворять запросы планирования. Результатом реалистических прогнозов является разработка мер демографической политики, которые необходимо реализовать в том или ином случае. К подобному виду прогнозирования прибегают министерства и ведомства, ответственные в России за социально-экономическую, демографическую и миграционную политику (например, Министерство экономического развития и торговли РФ, Министерство здравоохранения и социального развития РФ).

Также можно выделить *прогнозы-предостережения*, которые не только показывают негативные перспективы развития демографической ситуации в среднесрочной перспективе, но и предлагают конкретные меры по преодолению негативных тенденций.

В этих прогнозах, как правило, предлагают варианты выхода из кризисных ситуаций. Подобные прогнозы создаются учеными и аналитиками. В России ряд авторских коллективов на протяжении 1990–2000-х гг. предлагали вниманию общественности прогнозы-предостережения, которые предсказывали сокращение численности населения в стране за счет уменьшения рождаемости, роста смертности и снижения миграционного прироста.

Наиболее интересными и научно обоснованными прогнозами можно считать разработки ученых МГУ им. М. В. Ломоносова и Института социально-политических исследований РАН [1]. Они не просто предсказывают негативную динамику демографических процессов в России, но также

рассматривают возможные негативные последствия сокращения численности населения и изменения его возрастной структуры с экономической, гуманитарной и геополитической точек зрения.

Различают условные прогнозы и безусловные. *Условный прогноз* составляется в зависимости от наступления (или ненаступления) каких-либо событий. *Безусловный прогноз* – это изменение показателей без всяких условий, по инерции, динамика изменения показателей рассчитывается, как правило, методом экстраполяции. Следует заметить, что демографические процессы не столь прямолинейны, как экономические. Изменение демографических показателей зависит часто от внутренних, глубинных факторов, обусловленных изменением структуры населения, мотивации людей. Все это накладывает отпечаток на динамику изменения рождаемости, смертности, миграции и изменяет тренды демографических процессов.

Можно выделить прогнозы по различным срокам прогнозирования: *краткосрочные* (до пяти лет), *среднесрочные* (до двадцати лет), *долгосрочные* (более двадцати лет). Росстат, как правило, составляет среднесрочные прогнозы на двадцать лет, которые регулярно публикует в сборнике «Предположительная численность населения России до ... года». ООН пользуется более продолжительной динамикой. Например, в 2004 г. в Нью-Йорке был издан прогноз ООН о мировом населении до 2300 г. Это пример долгосрочного прогноза. Совершенно очевидно, чем дольше срок прогнозирования, тем выше вероятность ошибки. Могут поменяться тенденции и подвергнуться изменению факторы, обуславливающие динамику демографических процессов. Поэтому в практике регулирования демографических процессов разумнее использовать среднесрочные прогнозы. В 2007 г. в России была утверждена Концепция демографической политики до 2025 г., в которой присутствуют пороговые значения и прогноз различных демографических показателей страны на этот среднесрочный период.

Единственный метод, который позволяет получить не только данные общей численности населения, но и его половозрастной структуры – метод «компонент», или метод «передвижки возрастов». Суть метода заключается в «отслеживании» движения отдельных когорт (возрастных групп населения) во времени в соответствии с заданными (прогнозными) параметрами рождаемости, смертности, миграции. Схема расчета выглядит следующим образом.

Известна возрастная численность населения S_x на начало года (t). В течение года исходная численность изменится: часть населения умрет, другая часть покинет данную территорию, кто-

то, наоборот, прибудет на новое место жительства. В итоге по истечении года на начало года ($t+1$) численность населения в возрасте ($x+1$) будет равна:

$$S_{x+1}^{t+1} = S_x^t \times P_x + M_x$$

где $P_x = \frac{L_{x+1}}{L_x}$ – коэффициент передвижки в следующий возраст, который рассчитывается как соотношение чисел живущих по таблицам дожития в возрасте (x) и ($x+1$);

M_x – сальдо повозрастной миграции.

Аналогичная процедура применяется ко всем возрастам, за исключением возраста 0 лет. Численность возрастной группы 0 лет при наступлении года ($t+1$) рассчитывается с учетом уровня рождаемости и младенческой смертности, поскольку не все родившиеся доживут до конца года. Сначала рассчитывается число родившихся. Для этого необходимо знать повозрастную рождаемость и среднегодовую численность женщин соответствующих возрастов, перемножение которых дает число родившихся.

Данные о повозрастной рождаемости есть результат предварительного прогноза или гипотезы о неизменном характере рождаемости в перспективе. Данные о численности женщин есть результат предварительной передвижки. Поскольку в итоге передвижки получают данные о численности на начало года, необходимо рассчитать среднегодовую численность женщин репродуктивных возрастов.

Чтобы из числа родившихся получить отдельно численность мальчиков и девочек, применяют коэффициент соотношения полов при рождении, который представляет собой эмпирическую закономерность, зафиксированную в результате длительного периода наблюдений (105 мальчиков на 100 девочек, что соответствует соотношению 0,52:0,48). Затем умножают число родившихся на вероятность дожития из таблиц смертности для лиц соответствующего пола и получают число $S_0 t+1$.

Описанная процедура повторяется столько раз, сколько лет охватывает прогнозный период. Численность населения каждого возраста как бы передвигается в следующий, более старший возраст. Именно поэтому метод компонент также называется методом передвижки возрастов.

Несмотря на последние положительные демографические тенденции, возрастная структура населения России продолжает ухудшаться – сокращается доля людей трудоспособного и репродуктивного возраста. Например, доля 20–29-летних женщин (активный репродуктивный по-

тенциал) составляет 8,6%, в общей численности населения, по прогнозным оценкам, сократится до 7,3% к началу 2015 г., до 5,4% – к началу 2020 г., до 5% – к началу 2025 г. Наиболее интенсивно сокращение женщин репродуктивных возрастов будет происходить с 2012 по 2021 г., что приведет к снижению рождаемости.

С 2006 г. абсолютная численность населения в трудоспособном возрасте начала сокращаться. Например, за 2008 г. она сократилась на 800 тыс. человек. В ближайшие двадцать лет численность трудоспособного населения сократится на 16 млн человек. Сокращающаяся численность молодежи, вступающей в трудоспособный возраст в 2006–2025 гг., возместит убыль рабочей силы только наполовину. Наиболее интенсивно сокращение численности трудоспособного населения будет происходить в 2011–2015 гг. (40% всех потерь двадцатилетия).

Согласно прогнозам, к 2016 г. численность граждан моложе 18 лет в России может составить 25,3 млн человек. В итоге численность вступающих в трудоспособный возраст сократится почти в 2 раза и составит 1,3 млн человек против 2,5 млн в 2002 г. А численность населения, выходящего за пределы трудоспособного возраста, соответственно, возрастет с 1,4 млн в 2002 г. до 2,0 млн человек к 2016 г. Число лиц, выходящих за пределы трудоспособного возраста к 2016 г., будет почти в 1,6 раза превышать число вступающих в трудоспособный.

Таким образом, протекающие демографические процессы во многом будут определять развитие демографического потенциала страны в перспективе.

Сокращение численности детей, подростков и молодежи России приведет к росту диспропорции в формировании трудовых ресурсов, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны, снижению объемов подготовки квалифицированных кадров в общеобразовательных, средних профессиональных и высших учебных заведениях, разрушению системы работы с кадрами для народного хозяйства. В связи с постарением населения возникнет опасность серьезного увеличения демографической нагрузки на трудоспособное население (прежде всего молодежь), обострятся проблемы пенсий и социальных выплат, повысится нагрузка на систему здравоохранения. Все это создает предпосылки для изменений в социальной мобильности и социальном статусе молодых граждан. Уже в ближайшие годы это обусловит основную социально-экономическую нагрузку на молодых граждан, еще только вступающих в самостоятельную жизнь.

Потери ВВП от уменьшения трудовых ресурсов в 2007 г. составили 250 млрд рублей, страна недополучит около 75 млрд рублей налоговых

поступлений. За период 2007–2025 гг. суммарные потери ВВП составят 102 трлн рублей, потери налоговых поступлений – 30,7 трлн рублей. С 2013 г. потери налоговых поступлений составят 730 млрд рублей, то есть превысят величину предлагаемых расходов на повышение рождаемости и сокращение смертности. С 2010 г. растет пенсионная нагрузка: если сейчас на 1000 трудоспособных приходится 322 пенсионера, то к 2025 г. – 506, а к 2050 г. число пенсионеров и трудоспособных сравняется. Будут расти затраты на пенсионное обеспечение и социальные расходы стареющего населения. Дефицит Пенсионного фонда в 2010 г. составил 900 млрд, а к 2015 г. может достичь 2 трлн рублей, что превысит доходы фонда [2].

Динамика показателей рождаемости в России в ближайшие годы будет во многом зависеть от того, насколько успешно будут реализованы меры, направленные на ее повышение, на поддержку семей с детьми. Речь при этом идет не о предусмотренном и уже осуществляющемся повышении размеров пособий и материнского (семейного) капитала в зависимости от инфляции (такого рода действия не будут расцениваться населением как развитие системы помощи семьям с детьми), а о принципиально новых мерах.

Это могло бы быть существенное расширение и облегчение возможностей молодых семей и семей с маленькими детьми для улучшения жилищных условий, усиление дифференциации размеров пособий в зависимости от числа детей, от очередности рождения, содействие родителям, прежде всего матерям, в одновременном выполнении ими родительских функций и профессиональной деятельности, продление выплаты пособия по уходу за ребенком с 1,5 до 2–3 лет (лучше дифференцированно в зависимости от очередности ребенка) и т. д. Важно, чтобы эти меры воспринимались населением как существенная и последовательная помощь семьям, облегчающая принятие решения о рождении ребенка, гарантирующая последующую поддержку в воспитании детей.

Если демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, не будет продолжаться активизироваться, не появятся новые действенные меры, то через 2–3 года (а возможно и раньше) рост рождаемости не просто прекратится, а начнется ее снижение, потому что часть прироста показателей рождаемости в 2007–2010 гг., как было показано выше, связана с «тайминговыми» сдвигами. В этом случае после временного повышения рождаемости неизбежно должно последовать ее снижение.

В ближайшей перспективе рождаемость продолжает повышаться, и по итогам года суммарный коэффициент рождаемости может составить

примерно 1,47–1,50, т. е. прирост этого показателя относительно 2007 г. будет равняться 0,06–0,09. Это несколько меньше, чем в 2007 г. (0,11), но тоже весьма существенно. Возможно еще и некоторое ее повышение, но уже заметно меньшее по сравнению с 2007 и 2008 гг. После этого уровень рождаемости начнет снижаться и примерно к 2012–2014 гг. опустится до уровня, несколько превышающего рубеж, достигнутый в 2006 г. [3]

Это превышение может быть связано как с общим улучшением условий жизни (если не произойдет их ухудшения в связи с начавшимся финансовым кризисом в мире), так и с тем, что введенные в 2007 г. меры помощи семьям с детьми будут продолжать действовать, а они, как было показано выше, имеют не только «тайминговый» эффект, но и, видимо, в определенной степени способствуют у части семей восприятию условий реализации потребности в детях, как более благоприятных.

В результате к 2013–2014 гг. рождаемость сократится примерно до 1,35–1,40. Важнейшая задача демографической политики состоит в том, чтобы не допустить снижения рождаемости после 2009 г., а, наоборот, расширяя и совершенствуя комплекс мер по стимулированию рождаемости, способствовать достижению весьма амбициозной цели, поставленной в отношении рождаемости в Концепции демографической политики Российской Федерации – увеличение суммарного коэффициента рождаемости к 2025 г. по сравнению с 2006 г. в 1,5 раза, т. е. до 1,95.

Если в ближайшие годы будут реализовываться дополнительные значимые эффективные меры демографической политики, направленной на повышение рождаемости, то к 2015–2016 гг. можно ожидать результата, предусмотренного на этот период федеральной Концепцией демографической политики, т. е. увеличения суммарного коэффициента рождаемости на 30% относительно уровня 2006 г. Суммарный коэффициент рождаемости в этом случае в 2015–2016 гг. может составить примерно 1,66–1,70. В какие именно годы и каким будет повышение рождаемости на пути от 1,41 в 2007 г. до 1,66–1,70 в 2015–2016 гг., сказать сейчас трудно. Это будет зависеть от того, когда, какие и в какой последовательности меры, направленные на повышение рождаемости, будут реализовываться [4].

С точки зрения демографической динамики перспектива, представленная в Концепции демографической политики, может рассматриваться как среднесрочная. Действительно, не только в отношении рождаемости, но и в ситуации со смертностью сценарий до 2025 г. в значительной мере задан современными параметрами поведения населения в отношении собственного здоровья, и

только улучшение условий жизни, оцениваемое как расширение возможностей для более здорового образа жизни, способно повлиять на сокращение смертности и рост продолжительности жизни.

Оценка вероятного эффекта данных факторов для роста продолжительности жизни означает приближение к 2025 г. к границе 70 лет для мужчин (69,9 года) и 78 лет – для женщин (77,6 года). При этом средний за пятилетку прирост продолжительности жизни может составлять от 2,4 до 2,8 лет для мужчин и 1,1–1,2 года – для женщин.

Может показаться, что в ближайшие до 2010 г. годы прирост продолжительности жизни оказался очень скромным с учетом уровней, уже достигнутых к 2007 г., однако следует учитывать, что за 2005–2007 г. увеличение показателей носило явно экстраординарный характер, особенно в сравнении с предшествующей динамикой и на фоне сравнительных успехов стран Центральной и Восточной Европы, прошедших этап становления устойчивых позитивных трендов раньше России.

За чередой лет стремительного роста неизбежно наступит некоторый спад, о чем, в частности, свидетельствуют предварительные данные за 2008 г., что является абсолютно естественной и предсказуемой реакцией. В среднем за 2005–2009 г. прирост ожидаемой продолжительности жизни может оказаться таким же, как и в соответствии с прогнозом на последующие пятилетки [5].

Что касается изменения возрастной модели смертности, то рост продолжительности жизни должен быть обеспечен в результате сокращения потерь в тех возрастах, в которых российская сверхсмертность особенно велика. И у мужчин, и у женщин снижение смертности затронет детские, подростковые и трудоспособные возрасты, и только в возрастах старше 50 лет начнется сокращение выигрыша, то есть смертность также снизится, но меньшими темпами, чем в более молодых группах.

С точки зрения причин смерти, сокращение коснется, прежде всего, тех видов патологии, которые являются уделом лиц молодых возрастов: инфекций, предотвратимых болезней органов дыхания и пищеварения, а также сердечно-сосудистых заболеваний, спровоцированных нездоровым образом жизни. Очевидно, что главные резервы сокращения потерь будут связаны с внешними причинами, которые доминируют в потерях в возрастах старше 5 и до 50 лет.

Несмотря на общность основных закономерностей снижения смертности у мужчин и женщин, необходимо отметить ряд особенностей.

Во-первых, в возрастах наибольшего риска сокращение смертности и рост выигрыша у муж-

чин будет больше, чем у женщин, что согласуется с общей концепцией прогноза об опережающих темпах роста продолжительности жизни мужчин.

Во-вторых, у женщин в старших возрастах происходит сокращение темпов снижения смертности с постепенным выходом в возрастах старше 90 лет к современным уровням смертности. Иными словами, женщины, доживающие до старческих возрастов, практически не выиграют в снижении смертности в соответствии с той системой приоритетов, которая объявлена в Концепции. Для мужчин картина менее однозначна. Уже к 85-летнему возрасту уровни смертности мужчин будут практически сравниваться с современными ее уровнями в этих возрастах. А в более старших группах ожидаемые уровни смертности окажутся даже выше, чем в настоящее время.

Этому возможному варианту развития событий есть вполне очевидное объяснение. Если при современных уровнях смертности до возраста 85 лет доживают лишь 7,5% мужчин из числа родившихся, то в соответствии с прогнозом до 2025 г. – около 16,5%. Это люди, чей образ жизни и поведение накопили высокие риски преждевременной смерти, которые будут сдвинуты на более поздний возраст, прежде всего, благодаря возможностям здравоохранения и поддержке социальных служб. Реализация накопленных рисков в старческих возрастах и дает такой парадоксальный, на первый взгляд, эффект. У женщин такого эффекта не наблюдается в силу существенно более высокой уже в настоящее время продолжительности жизни, нежели у мужчин, и меньших масштабов ее ожидаемого роста до 2025 г. И при современных уровнях смертности до 85 лет доживают около 24% женщин, а в соответствии с прогнозом до 2025 г. дожитие возрастет до 33%.

Исходя из более высоких темпов снижения смертности мужчин, сократится разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. С современных 12,4 лет к 2025 г. он может уменьшиться до 7,7 лет. С точки зрения возрастной модели, различия по-прежнему будут сконцентрированы в трудоспособных возрастах, но при этом будут сдвинуты к старшим трудоспособным возрастам и масштабы их будут существенно меньше [6].

Различия в младенческой смертности мальчиков и девочек определяют в настоящее время около 1% различий в продолжительности жизни мужчин и женщин, а к 2025 г. на фоне дальнейшего снижения младенческой смертности вклад детей до года в формирование различий продолжительности жизни мужчин и женщин снизится вдвое – до 0,5%. Дети в возрасте от 1 года до

15 лет также в настоящее время определяют около 1% гендерных различий в продолжительности жизни, а к 2025 г. вклад этой возрастной группы снизится в 5 раз до 0,2%. Роль подростковой смертности, составляющая в 2007 г. 1,8%, уменьшится более чем вдвое до 0,8%.

Таким образом, суммарная роль детей и подростков в формировании различий продолжительности жизни мужчин и женщин является достаточно несущественной в настоящее время и снизится до 1,5%, т. е. до исчезающе малых величин к 2025 г.

Трудоспособное население определяет, по данным 2007 г., около 70% всех различий в продолжительности жизни мужчин и женщин, причем на молодые трудоспособные возрасты от 20 до 40 лет приходится около 30% (29,2%) потеря, а на старшие – около 40% (41,4%). К 2025 г. трудоспособное население будет определять немногим более половины (52,1%) различий в продолжительности жизни мужчин и женщин, причем роль младших трудоспособных групп снизится почти вдвое – до 15,8%, а населения старших трудоспособных возрастов – незначительно – до 36,3%.

Различия в смертности пожилых мужчин и женщин формируют до четверти (25,4%) отставания в продолжительности жизни мужчин, по данным 2007 г., причем основная часть (16,9%) потеря определяется молодыми пенсионными группами. К 2025 г. роль пожилых групп в формировании гендерных различий продолжительности жизни вырастет существенно, до 46,3%, и фактически можно будет говорить о выравнивании относительной значимости трудоспособного и пожилого населения в гендерных различиях продолжительности жизни. Что касается относительного вклада разных групп пожилого населения, то чем старше эта группа, тем в большей степени вырастет ее влияние.

Так, вклад молодых пенсионеров 60–69 лет увеличится менее чем в полтора раза с нынешних 16,9% до 24,4%, вклад 70–79-летних – более чем в два раза – с 7,6 до 16,5%, вклад лиц старше 80 лет – более чем в пять раз – с нынешних 0,9 до 5,4%.

До сих пор мы рассматривали среднесрочную перспективу изменения продолжительности жизни в России до 2025 г. Долгосрочный сценарий предусматривает анализ вариантов развития событий на длину как минимум поколения за пределами 2025 г., т. е. до 2050 г.

Рассмотрение долгосрочных сценариев важнее скорее с точки зрения аналитики, чем для построения практически значимого прогноза. В связи с этим было высказано предположение, что в долгосрочной перспективе возможны два сценария развития событий, причем оба они осно-

вываются на гипотезе дальнейшего роста продолжительности жизни населения в России, что предполагает наличие для этого соответствующих социально-политических условий, в соответствии с которыми Россия будет развиваться как европейская страна, инвестируя результаты экономического роста в цели человеческого развития.

В соответствии с первым сценарием, назовем его эволюционным, Россия будет идти в стратегии охраны здоровья населения по пути европейских стран, постепенно сокращая отставание от развитых государств по мере накопления экономических предпосылок для ускоренного движения по известному пути. Очевидно, что при этом большую часть прогнозного периода будет сохраняться российская специфика картины смертности, определяющаяся накопленным отставанием в предшествующие десятилетия, а также существенной региональной и социальной вариацией смертности, которая не может быть полностью элиминирована уже в среднесрочной перспективе.

Второй сценарий, назовем его «прорыв в медицинских технологиях», предполагает, что будут найдены причины развития хронических заболеваний, являющихся основными причинами смерти, и созданы медицинские технологии, предотвращающие риск развития этих заболеваний и обусловленных ими летальных исходов. Если в эволюционном сценарии акцент сделан на полную реализацию моделей здорового образа жизни и создание условий для подавляющего большинства населения, позволяющих вести этот образ жизни, то в сценарии технологического прорыва речь идет о контроле над эндогенными факторами смертности, фактически о замедлении процессов старения и приближении к видовой продолжительности жизни человеческой популяции.

В соответствии со вторым сценарием смертность будет сокращаться более быстрыми темпами, чем в первом случае, что приведет к более высоким темпам роста продолжительности жизни. Этот сценарий развития событий окажется возможен, если новые открытия науки и создание соответствующих медицинских технологий станут доступными сравнительно широким слоям населения, доступными как в экономическом, так и в географическом отношении, что для России является более чем актуальным.

В соответствии с эволюционным сценарием развития событий продолжительность жизни к 2050 г. может достичь 76,7 лет для мужчин и 80,9 лет – для женщин, что будет означать увеличение показателей за 25-летний период на 6,8–3,3 года соответственно для мужчин и женщин. Закономерность опережающего роста продолжительности жизни мужчин сохранится, что приве-

дет к сокращению разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин с 7,7 лет в 2025 г. до 4,2 лет в 2050 г. Фактически к середине текущего столетия Россия достигнет уровней продолжительности жизни, характерных для наиболее развитых стран Европы в настоящее время.

Поскольку при эволюционном сценарии изменений в смертности рост продолжительности жизни продолжится и в развитых странах, то отставание России по показателю продолжительности жизни сохранится. Вместе с тем оно станет заметно меньше, чем в настоящее время. Это связано с неизбежным замедлением прогресса в продолжительности жизни при высоких ее уровнях. Для России это замедление проявляется в том, что за предстоящие два с половиной десятилетия с 2025 по 2050 г. продолжительность жизни в соответствии с прогнозом в среднем будет увеличиваться на 0,27 года за календарный год у мужчин и на 0,13 года – для женщин.

Это почти в полтора раза медленнее, чем в среднесрочной перспективе до 2025 г. Очевидно, что при эволюционном сценарии замедление роста продолжительности жизни в развитых странах будет еще больше выражено, чем в России. Таким образом, имеющий место разрыв в продолжительности жизни между Россией и развитыми странами уменьшится до минимума.

В соответствии со вторым сценарием – «прорыв в медицинских технологиях» – продолжительность жизни может возрасти к 2025 г. до 79,8 лет для мужчин и 84,7 лет – для женщин. Таким образом, общий прирост за два с половиной десятилетия составит 9,9 и 7,1 года для мужчин и женщин соответственно. В сравнении с эволюционным сценарием динамики продолжительности жизни, сценарий прорыва дает дополнительно 3,1 года продолжительности жизни мужчин и 3,8 года – для женщин. На первый взгляд может возникнуть вопрос, о каком прорыве идет речь, если он дает столь небольшую, казалось бы, прибавку к длительности жизни. Вместе с тем следует учитывать, что при столь низкой смертности эффект от революционных открытий в медицине и создании соответствующих технологий не может затронуть значительные группы населения, поскольку речь не идет о технологиях достижения бессмертия.

Какие группы населения могут выиграть при реализации сценария «прорыв»? Как свидетельствует анализ изменений возрастной модели смертности, ситуация для мужчин и женщин будет различаться. У мужчин эволюционный сценарий означает заметный выигрыш в возрастах от 25 до 60 лет, у пожилых, и особенно у детей, он будет существенно меньше, поскольку, с одной стороны, к концу первой четверти века детская и младенческая смертность будет существенно

снижена, с другой – при существующих медицинских технологиях принципиального прогресса в сокращении смертности пожилых добиться не удастся. Сценарий «прорыв технологий» означает, что темпы сокращения смертности увеличатся, причем практически в одинаковой степени во всех возрастах – детских, трудоспособных и пожилых. По-видимому, этот результат означает, что при продолжительности жизни мужчин в пределах 77 лет все еще довольно велика компонента экзогенной смертности и роль медицинских технологий в сокращении эндогенного вклада будет практически незаметна.

У женщин эволюционный сценарий роста продолжительности жизни, как и у мужчин, отдает приоритет снижению потерь в молодых возрастах, тогда как в детских и пожилых прогресс окажется меньше. Что касается сценария «прорыв медицинских технологий», то в детских и молодых трудоспособных возрастах различий с эволюционным сценарием практически нет, что оправдано крайне низкими уровнями смертности женщин уже при эволюционном сценарии, при котором продолжительность жизни составляла около 80 лет. И только в возрастах старше 40 лет сценарий «прорыв» ведет к существенному снижению уровней смертности за счет воздействия на эндогенную компоненту.

Таким образом, проведенный анализ различных сценариев прогноза, как среднесрочного до 2025 г., так и долгосрочного до 2050 г., исходит из предположения, что в России будут созданы устойчивые условия для поступательного снижения смертности и роста продолжительности жизни населения. Сценарий, при котором смертность в России может вновь начать расти, не рассмат-

ривался. Это не означает, что в перспективе не будет периодов временной стабилизации или незначительного падения показателей, но как долгосрочный тренд, рост смертности вряд ли возможен. Демографические проблемы России осознаны политиками и обществом как ключевые для устойчивого развития страны, сохранения ее территориальной целостности, экономического роста, обороноспособности, интеллектуального развития. Разработаны и реализуются долгосрочные стратегии в области сохранения здоровья и снижения смертности, что является залогом достижения минимальных цивилизованных параметров продолжительности жизни. А по их достижении обратный эпидемиологический поворот становится невозможен, что демонстрирует мировой опыт.

Примечания

1. *Рязанцев С. В., Хорие Н.* Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. М.: Научный мир, 2011. С. 12.

2. *Осипов Г. В., Рязанцев С. В.* Стратегия выхода России из демографического кризиса // Демографические перспективы России / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2008. С. 362.

3. *Архангельский В. Н.* Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. С. 263.

4. *Архангельский В. Н.* Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. С. 263.

5. *Иванова А. Е., Семенова В. Г.* Приоритетные проблемы сокращения смертности // Демографические перспективы России / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2008. С. 362.

6. *Семенова В. Г., Гаврилова Н. С., Антонова О. И., Гаврилова Л. А.* Внешние причины смерти // Демографические перспективы России / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2008. С. 367.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

О. В. Десяткова

ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЯТСКИХ ССЫЛЬНЫХ*

Статья посвящена изучению ментальной географии через анализ очерков, мемуаров, стихов вятских ссыльных XIX в. Новизна исследования заключается в систематизации мотивов и образов, из которых складывается геопоэтический образ Вятки. Среди основных выделены фундаментальные для русской культуры мотивы пути, странничества, раскрываются особенности восприятия образов реки, леса, антиномии столицы и провинции.

The article is devoted to studying mental geography through the analysis of sketches, memoirs, poems of Vyatka exiles of the XIX century. The novelty of the research consists in ordering of motives and images that make up the geopoetic image of Vyatka. They are the fundamental motives of Russian culture: those of the road, of wandering, etc. The author reveals some peculiarities of the perception of such images as the river, the wood, characterizes the antinomy of the capital and the provinces in the exiles' works.

Ключевые слова: геопоэтика, провинциальная культура, литературное путешествие, ссылка, А. Герцен, В. Короленко, Я. Райнис.

Keywords: geopoetics, provincial culture, literary travel, reference, A. Herzen, V. Korolenko, Y. Raynis.

Культурное бытие всегда было сопряжено с символическим освоением и осмыслением пространств. Изменение ментальных основ мира сопровождается, как правило, переосмыслением его глобальных и локальных образов. В XX в. они выстраивались вокруг конфронтации, имеющей политико-идеологическую окраску. Политическое разделение мира выводило дискурс о культурных смыслах регионов мира и территорий отдельных стран за пределы научных дискуссий. События конца XX – начала XXI в. всё изменили: формирование многополярного мира, информационного общества со специфическими формами культуры, глобализация социокультурного

* Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских учёных и научных школ.

процесса, его ориентация на мультикультурность привлекли внимание к геопоэтике как средству формирования пространственных образов.

В апреле 1996 г. в Ялте состоялась конференция по геопоэтике. Символичен сам выбор места её проведения: если послевоенная Ялтинская конференция структурировала мир середины XX в., опираясь на политическую ситуацию, то в конце века здесь поднимаются вопросы образной географии. По словам участника геопоэтической конференции В. Кулакова, «там, где обычный глаз видит схему метрополитена, транспортные развязки, административные центры краёв и областей, художник и/или культуролог, вообще любой человек, не чуждый искусству, видит имена, даты, стихи, прозу, картины, видит живые, действующие контексты» [1]. В глобальном информационном мире пространственные границы создаются не политиками, а поэтами, её главная задача «в том, чтобы поэты создавали столицы, где захотели». По определению И. Сида, «геопоэтика – это интеллектуальное (ментальное, художественное) освоение человеком географического пространства; совокупность форм и средств этого освоения» [2].

В структуре геопоэтики выделились два уровня. С. Лебенсраум утверждает, что «макрогеопоэтика» – это творческая география, включающая в себя процессы планетарного масштаба, «культурное преобразование географических регионов, городов... Микро-геопоэтика – это... творческая топография, то есть процессы в масштабе... карты отдельного города или района, с живой сетью составляющих её отдельных “культурных точек”» [3].

В этом смысле интересно исследование русской литературы XVIII–XIX вв. в контексте формирования ментальных пространств России, принятое А. Балдиным. Особая роль в создании географических образов, доказывает учёный, принадлежит литературному путешествию, имеющему в истории русской культуры богатую историю.

Ещё Н. Карамзин полагал, что путешествие – не только средство познания чужих нравов, но и лучший повод «для самообозрения, для поселения в своей голове философского и исторического... пространства» [4]. Русские литературные путешествия отразили «драму самоидентификации», колебание национального самосознания

между востоком и западом, Европой и Азией, столицей и провинциями необъятной империи.

Особенностями жанра путевых заметок как публицистической формы является «создание целостной картины отображаемой социальной реальности, многосторонность её описания, активная роль автора-путешественника», субъективность авторского подхода [5]. Мотив пути здесь становится символом и поводом для размышлений о смысле жизни: «Я так устал уж, так разбит жизнью, как разбита почтовая лошадь ежечасною ездою по каменистой твёрдой дороге»... «Ужели же я погибну, не живши?» [6] – таковы размышления М. Салтыкова-Щедрина, возвращающегося из Вятки в Петербург. Снега, покрывающие окрестности, напоминают белый саван, «и кажется утомлённому путнику, что вот-вот встанет мертвец из-под савана». Мысли писателя полны противоречивых чувств – это и тоска по прожитым в Крутогорске (Вятке) годам, сопровождаемая музыкой пасторальной сонаты Бетховена, ощущение того, что здесь оставлена часть души, и одновременно страх перед грядущими переменами. Над всем господствует мотив похоронной процессии, увиденной путешественником во сне: жители Крутогорска хоронят «прошлые времена».

Стихи Я. Райниса, написанные под впечатлением от речного пути ссыльного из вятского города Слободского, напротив, проникнуты радостным настроением. Поэт описывает красоту «мутно-синих волн» Камы, в туманных далах которой остаются былые страдания [7]; прощается со спящей Волгой как символом страданий в предчувствии безмятежного сухопутного путешествия: «Дальше, без опаски! // Поезд нас из края в край // Будет мчать в вагонной тряске» [8].

Таким образом, произведения литературы, мемуары, письма направлены не столько на внешнее познание пространства, сколько создают его образы, запечатлеваемые на геопозитической карте страны. Произведения русских писателей богаты образами, рождающимися в путешествии ссыльного, движущегося из столицы в глубь российской провинции и обратно. Ссыльный при этом ощущает себя изгнанником, скитальцем, так рождается восприятие путешествия как духовного странничества и страдания в поисках истины.

На характеристики пространственных образов сильно повлияло самосознание русской интеллигенции второй половины XIX в., сближающееся по своим качествам с религиозной верой. Идея народного счастья требовала самоотверженности, стремления пострадать за народное счастье. По словам Г. Федотова, это была этически окрашенная святость, «с изгнанием всех иррациональных, мистических... основ религии» [9], светский интеллигент примерял роль мученика за веру

в социальный идеал, отсюда особое отношение народников и народовольцев к мученикам раскола далёкой провинции. Так, ссыльного В. Короленко впечатляет рассказ, услышанный им по дороге через вологодские леса от провожатого, о разорении местной администрацией келий лесных скитников. В этот момент сам писатель ощутил общность с судьбой отшельников. О своих дорожных размышлениях В. Короленко пишет: «Может быть, и теперь в этих чащах теплятся огоньки перед иконами, и таинственные старцы, удалившиеся от грешного мира, молятся, вздыхая о правде» [10].

В 1863 г. в соответствии с указом Александра II Вятская губерния наряду с другими глухими российскими губерниями была назначена местом массовой политической ссылки. Путь А. Герцена, пребывавшего в вятской ссылке с 1835 по 1837 г., пролегал из Москвы через Казань и Пермь в Вятку. В ощущениях ссыльного вектор его движения направлен вниз по вертикали. Адская граница совпадает с преддверием сибирского тракта: «Через меня идут в город скорби, через меня идут в вечную муку» [11] – эти строки рождаются у писателя на Владимирской дороге. Именно здесь находится граница между столичным московским миром и тёмным миром русской провинции, которому всецело принадлежит Вятка, неотделяемая писателем от Сибири. К середине XIX в. закрепляется образ Сибири как края страданий. Не случайно и В. Короленко отмечает границу, отделяющую «Сибирь от России». У него она пролегла между Пермской и Тобольской губерниями: «У всех зашевелилось в душе особое чувство, как будто эта грань резко пролегла по каждому сердцу... Кое-кто захватывал “горсточку родной земли...”» [12]

Воспоминания А. Герцена структурируют пространство через ощущения ссыльного, вынужденного совершить путешествие в северо-восточную провинцию России, где Вятка оказывается географическим пределом. Город Манилов лежит «не в круге света, а в сторону от него (оттого там вечные сумерки)» [13]. С одной стороны, он страшится дальнейшего нисхождения, пространственным символом которого являются уездные города Кай, Царёвосанчурск, Глазов. С другой – даже небольшое продвижение в сторону Москвы, во Владимир, воспринимается как «географическое улучшение».

Метагеография северо-восточной провинции раскрывается в мифологемах «край земли», «край света», «край в версте от ада», «место гибели», страданий, что конкретизируется историческими реалиями – место ссылки, каторги, мучений и гибели. В «Губернских очерках» М. Салтыкова-Щедрина Крутогорск – угол России, «безмятежное захолустье», дикая, языческая, лесная

страна, где «нога человеческая никогда не бывала» и по улицам «ходят дикие звери». «Из этого города даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец миру» [14].

Во многом эти впечатления являются следствием социальных реалий. Северо-восточная окраина Вятской губернии – Березовские Починки Бисеровской волости, куда был сослан В. Короленко, – описывается как территория вне действия государственного закона: «Ни один губернатор никогда не бывал в этой волости, ни один исправник... не бывал даже ни один становой» [15]. Местные жители подчиняются естественным законам, правилам общины, а образ их жизни близок первобытному.

В самосознании русской интеллигенции XIX в. сформировались специфические образы, с помощью которых осмысливалась пространственная антиномия «столица – провинция». Это выразилось в противопоставлении столичного города как имперского пространства-льдины, плавающей в бездне моря – русского бунта и языческой стихии. А. Балдин пишет: «Большая часть России – это... “море”, с обширной областью христианской “суши” в европейской части страны и бескрайним “водным” полем на востоке» [16]. Образованное столичное общество боится леса, «провинциального русского моря», спасается от него в городе, в сельских усадьбах. В герценовских «Записках одного молодого человека», якобы найденных автором в Вятке, предстаёт образ окружённого лесами, черемисами, болотами, вотяками края [17]. Двигаясь из Москвы, молодой человек пересекает Оку, за которой и открывается бесконечное водное пространство: «река была каким-то олицетворением препятствий и их возрастания, рубежей и их непреодолимости, семи тяжёлых замков, которыми запирается всё милое», пересекая Волгу, герой «чуть не потонул» [18].

В пространственном контексте северо-восточной России образ моря по своей семантике тождествен образу леса. «Таких лесов я после никогда не видел, – вспоминает А. Герцен о дороге из Вятки во Владимир, – они идут таким образом, не прерываясь, до Архангельска» [19]. Возвращение А. Герцена отмечено географическими точками: Волга, пересечь которую означает покинуть народную стихию и финский мир, – это граница между тёмным миром северных провинций и городами центральной России. Станция в восьмидесяти верстах от Нижнего Новгорода соединяется в сознании писателя с хронологической точкой, Новым годом: «Тогда въезжал я на почтовых в 1838 г. – в лучший, в самый светлый год моей жизни» [20].

Интересны и частные образы вятского текста, описывающие восприятие столицы и про-

винции как бы изнутри провинциальной жизни: столица – одновременно и мечта, недостижимый идеал, и бездушный мир, провинция – уютная жизненная среда. М. Салтыков-Щедрин пишет: «В устах всех Петербург представляется чем-то вроде жениха, приходящего в полночи» [21]. Однако реальное знакомство с шумным, лицемерным Петербургом оборачивается восхищением добрым, тихим Крутогорском. «Там и людей-то нет, а так, знаешь, что-то холодное, ослизлое... Провинциальное простодушие смотрит на эту толкотню: вот, мол, деловой-то город!» [22]

С середины 1870-х в среде народнической интеллигенции образ провинции подвергается некоторому переосмыслению. Она представлялась промежуточной ступенью между деревней и городом, именно здесь, как им казалось, следует искать народные истоки. Стремление к провинциальной жизни становится своеобразной заменой, или вариантом «хождения в народ» [23]. Страх перед народной стихией в это время сменяется желанием окунуться в неё, отсюда изменениям подвергаются и географические образы. Так, к примеру, Волга продолжает ассоциироваться с миром русской вольницы [24], однако под влиянием исторических преданий о Стеньке Разине и Пугачёве, «Бурлаков» И. Репина этот пространственный образ находит положительные отклики в душе русского интеллигента. Далёкие северные земли взрастили духовно сильного человека. У В. Короленко появляется образ «измождённого богатыря», духовно близкого «гопнику человеку». Позже в вятской ссылке этот образ ещё более конкретизируется: «Мне казалось, что над всем этим пейзажем, с его лесными далями... встаёт и складывается... какой-то осязаемый в душе образ, олицетворение северной природы и северного народа... Он был загадочен, немного иконописен, немного архаичен, на старинный славянский лад» [25]. Ссылка в далёкую провинцию есть Фиваида, дающая возможность искупить вину перед народом, пострадать за правду вместе с ним. В. Короленко, вспоминая впечатления о пути в вятскую ссылку (г. Глазов) пишет: «...нас встречали и провожали не враждебные, а скорее любопытно-сочувственные взгляды» [26].

Метагеографический образ Вятки отражён в очерках, посвящённых местам, где писатели отбывали ссылку, наполненных социальными, этнографическими, бытовыми подробностями. Как отмечают исследователи, популярное место ссылки, Вятский край, в русской литературе «изображался не просто непоэтически, а с подчеркнутым сарказмом... все в нем воспринималось как знакомое, но гипертрофированное в своем безобразии» [27].

В очерке В. Короленко «Ненастоящий город» предстаёт уездный Глазов. «Недели две назад, – пишет В. Короленко, название этого города было для меня лишь отвлеченным географическим термином... Кружок на карте на одном из притоков Вятки... Воображение прибавляло тусклое небо, леса, туманное лето, суровую зиму...» [28] Иллюзорность города заключается в отсутствии атрибутов настоящей городской жизни и причастность его в большей степени миру деревни – это преимущественно деревянные постройки, отсутствие подлинного купечества, ремесленников, торговли, фабрик и заводов. Первое впечатление от города – ощущение тишины в противоположность городскому шуму: «...здесь стояла действительная тишина... непробудная, вековая, стихийная... Ветер качал жидкие берёзки на берегу быстрой речки, которая крутой излучиной врзалась в обширную площадь, к самому центру города...» [29] Символом «незаконченности» стала полуразрушенная церковка, около которой стояло недостроенное здание нового храма. «Огромная колокольня высилась вроде вавилонской башни, кидая на окружающую мелкото тень..., пока ей не надоело и она рухнула» [30].

Городская атмосфера сформировала особый тип человека, склонного к бродяжничеству, поскольку «ненастоящее существование рождает постоянное тяготение куда-то вдаль», для взрослых это «неведомые “прочие места”, для юношества – деревня, дальние излучины реки, неведомые чащи густых лесов. Взрослых тянет неведомое будущее, детей – деревенское прошлое» [31].

Подобный образ вятского города рождается и у Я. Райниса, отбывавшего ссылку в г. Слободском: «Это гнёздышко поменьше Поневежа, но садов и каменных домов больше, две улицы начали мостить булыжником (который тем не менее выглядит непристойней, чем лужи)» [32]. В одном из своих писем к Аспазии он сообщает: «Подолгу сижу на крутом берегу реки. Берега очень напоминают берега Волги, высокие, поросшие лесом» [33]. С Кропачевской горы поэт любовался голубыми далями заречья, лесами, пил из протекающего здесь родника. Растущие здесь деревья сегодня известны как «сосны Райниса», более молодые из них привлекают внимание своей необычной формой. Такие деревья с искривлёнными стволами обычно встречаются на морских берегах. Окружающий пейзаж, отражённый в воспоминаниях, письмах, стихах, также является важнейшим источником геопоэтического об разов. Сумеречная синева вечера на вятском берегу, его тишина, позволяющая услышать каждый звук, подсказала название одного из поэтических сборников Я. Райниса. Аспазия, приехавшая в то время в ссылку к мужу, писала: «Нам пришлось в голову объединить обе особенности

этого вечера в названии книги: “Далёкие отзвуки в синем вечере”» [34].

Дореволюционные ссыльные, среди которых было множество выдающихся деятелей культуры, внесли огромный вклад в социокультурное развитие отдалённых российских провинций, не менее важно и то, что они стали подлинными «гениями места», знаковыми личностями, имена которых определили символику культурного ландшафта.

Примечания

1. Кулаков В. Геопоэтика как модус поэтологии // От геополитики к геопоэтике. Москва, Крымский геопоэтический клуб. 24.04.1996. URL: <http://www.liter.net/geopoetics/kulak.html#> (дата обращения 15.10.2012)
2. Сид И. Основной вопрос геопоэтики // И. Сид и группа «Полуостров». От геополитики к геопоэтике. Москва, Крымский геопоэтический клуб. 24.04.1996. URL: <http://www.liter.net/geopoetics/penin.html> (дата обращения 15.10.2012)
3. Лебенсфраум С. Простор для молодой фантазии // От геополитики к геопоэтике. Москва, Крымский геопоэтический клуб. 24.04.1996. URL: <http://www.liter.net/geopoetics/lebensr.html> (дата обращения 15.10.2012)
4. Балдин А. Протяжение точки. М.: Эксмо, 2009. С. 38.
5. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма. М.: Изд. Моск. ун-та, 1977. С. 5.
6. Салтыков-Щедрин М. Н. Губернские очерки. М.: Правда, 1985. С. 293.
7. Райнис Я. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Стихи / пер. с латыш. М.: Худож. лит., 1990. С. 387.
8. Там же. С. 390.
9. Федотов Г. В. Трагедия интеллигенции // Федотов Г. В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 59.
10. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1954. С. 105.
11. Герцен А. Былое и думы. М.: ООО «МедиаКнига», 2001. С. 188.
12. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1954. С. 154.
13. Герцен А. Записки одного молодого человека. М.: Правда, 1988. С. 15.
14. Салтыков-Щедрин М. Н. Губернские очерки. М.: Правда, 1985. С. 27.
15. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1954. С. 156.
16. Балдин А. Протяжение точки. М.: Эксмо, 2009. С. 203.
17. Герцен А. Записки одного молодого человека. М.: Правда, 1988. С. 23.
18. Там же. С. 25.
19. Герцен А. Былое и думы. М.: ООО «МедиаКнига», 2001. С. 203.
20. Там же. С. 224
21. Салтыков-Щедрин М. Н. Губернские очерки. М.: Правда, 1985. С. 30.
22. Там же.
23. Закирова Н. Н. «Ненастоящий город» или «богоспасаемый град». URL: <http://www.uglitskih.ru/critycs/zakirova%208.htm> (дата обращения: 28.07.2012)

24. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1954. С. 256.

25. Короленко В. Г. История моего современника...

26. Там же. С. 259.

27. Закирова Н. Н. Указ. соч.

28. Короленко В. Г. Ненасущный город // В. Г. Короленко. Полное собр. соч. СПб.: Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1914. Т. 2. URL: <http://leb.nlr.ru> (дата обращения 14.05.2012)

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же.

32. Короленко В. Г. Ненасущный город...

33. Там же.

34. Малых Ю. П. Сплетение судеб. Киров: Вятка-Инфо, 2006. С. 129.

УДК 821

Я. И. Пахомова

МИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Н. В. ГОГОЛЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРМСКОГО ТЕАТРА «У МОСТА»

Статья посвящена творчеству драматурга Н. В. Гоголя и анализу спектаклей по его произведениям в пермском театре «У Моста». Творчество драматурга многогранное и неоднозначное, вследствие этого в статье систематизированы литературоведческие характеристики драматургии Н. В. Гоголя и на их основе выделены особенности его художественного «мира». Анализ спектаклей пермского театра «У Моста» построен на применении феноменолого-герменевтической методологии, основанной на процессе восприятия театрального действия, посредством постепенного разгадывания кодов и интерпретаций.

The article deals with the dramatic works of Nikolai V. Gogol and their stage versions made by "U Mosta" Theatre. As works of this author are complex and controversial, the article classifies different literary criticisms of his dramas and outlines the traits of his creative work. The analysis of "U Mosta" performances employs phenomenological and hermeneutical methods based on perception of a theatrical performance as a process of progressive deciphering of codes and interpretations.

Ключевые слова: М. Мак-Донах, театр «У Моста», спектакли.

Keywords: N.V. Gogol, "U Mosta" Theatre, performances.

Творчество Н. В. Гоголя было неоднозначно оценено его современниками. Одни обвиняли его в неправдоподобности, безнравственности, грубости языка, в нарушении канонов драматургии классицизма. Другие воспринимали его творчество с энтузиазмом, находили его своеобразным

и оригинальным. Современники Н. В. Гоголя не смогли в полной мере воспринять и прочувствовать своеобразие поэтики его художественного слова. Этот недостаток в полной мере был исправлен последующими столетиями. Н. В. Гоголь очень любим в театре XX–XXI вв. В XX в. творчество Н. В. Гоголя стало востребовано гораздо сильнее, чем в предшествующем столетии. Маяковский, Булгаков, Малевич, Шагал, Кандинский многое почерпнули из его художественного мира. Персонажи Н. В. Гоголя – гротескные, парадоксальные, склонные в поведении к иррациональному. Они стали архетипами и вошли в нашу картину мира.

Исследованию художественного «мира» Н. В. Гоголя посвящено большое количество работ. Суммируя имеющиеся в литературоведении XX в. характеристики драматургии Н. В. Гоголя, мы можем выделить следующие особенности его художественного «мира»:

1. Параллельная актуальность проблематики – «вечное» попадание в контекст времени и культуры

А. Чепуров замечал следующее: «Н. В. Гоголь – это сейсмически отзывчивый на время драматург. В каждую историческую эпоху он активно отзывался на современность» [1]. В. Фокин высказал мысль том, что «“Ревизор” Н. В. Гоголя – всегда попадает в контекст времени и культуры» [2].

2. Соединение реальности с потусторонним миром, сочетание быта и мистики

Писатель во многом опередил свое время. Начало XIX в. – время расцвета сентиментализма и романтизма. На первый план писатели выводят героя-индивидуалиста, способного тонко прочувствовать происходящее вокруг. Романтизм нацелен на раскрытие духовно-творческого потенциала личности, на отображение чувств, страстей, самого естества человека. А критический реализм, как известно, выражается в правде жизни, в создании типичного героя, который находится в типичных обстоятельствах, в воплощении социально-бытовых конфликтов. И как будто бы Н. В. Гоголь, в свойственной ему сатирической манере, изображает собирательные образы людей (чиновников, дворян, купцов и т. д.), эти образы узнаваемы, они являются отображением жизни, ценностей и мира, который их породил. Но не смотря на это реализм Н. В. Гоголя – мистический. Мистика всюду: в судьбе писателя, в его творчестве и даже в его смерти. В творчестве Н. В. Гоголя мистика заключается в самих героях, в их диалогах, в атмосфере происходящего действия.

Мы можем также согласиться с мнением Н. Степанова о многостороннем влиянии творчества Н. В. Гоголя на развитие мировой драматургии [3].

3. Высвечивание странностей окружающего мира и населяющих его людей

А. Чепуров обозначил такую особенность гоголевского «мира», как высвечивание странностей героев пьес. «Хлестаков Н. Гоголя – артист, который создает в жизни театральный образ. Он как будто даже сам себя пародирует. Или пародирует те роли, которые он сам на себя примеряет. Но главное, он как будто бы сам не знает, кто он. С одной стороны, мы видим пародию, с другой, собственно, человека, который ищет свои роли» [4].

4. Создание сатиры, комедийного мира

Как писал Ю. Манн, «комедийный мир подчеркнуто однороден; ни среди действующих лиц, ни среди персонажей внесценических мы не встречаем таких, которые были бы “взяты в образец”, сигнализировали бы о существовании иного морального и этического уклада» [5].

5. В повестях Н. В. Гоголя происходит воскрешение древнейших пластов творчества, народной культуры и уклада жизни

Как пишет А. Гольденберг, «цельность и глубина художественного мира Гоголя не в последнюю очередь связаны с воскрешением в нем или “перевоссозданием” древнейших пластов словесного творчества, восходящих к архаическим обрядам и ритуалам. В творческое сознание писателя они входят через промежуточную сферу фольклора, в котором, как показал на примере волшебной сказки В. Пропп, происходит реинкарнация первобытных обрядовых структур. Архетипы народной обрядовой культуры играют заметную роль в поэтике гоголевских текстов» [6].

Особенности художественного мира Н. В. Гоголя являются ориентиром для театральных режиссеров при постановке произведений драматурга.

Важные параметры художественного мира Н. В. Гоголя (сочетание реальности с условностью, бытийностью; взаимопроникновение добра и зла) и параметры, важные для эстетики театра «У Моста» (сочетание и взаимопроникновение посюстороннего и потустороннего миров), реализуются в спектаклях театра через такие категории театрального искусства, как пространство и время, декорации и бутафория, цветовое и световое оформление, музыкальное сопровождение, система образов.

Свой анализ мы построим на применении феноменолого-герменевтической методологии к театральному искусству, точнее, к интерпретации спектаклей пермского театра «У Моста». Наш анализ построен на процессе восприятия театрального действия, посредством постепенного разгадывания кодов и интерпретаций, а также в его основе лежит принцип герменевтического круга, направленный на понимание феноменов спектакля через раскрытие диалектики его частей и целого.

Сочетание и взаимопроникновение посюстороннего и потустороннего миров

Режиссура С. Федотова – целая философия жизни. В его сценографии сосуществуют два мира – посюсторонний и потусторонний. Эти два мира в своей совокупности образуют в спектакле «жизненный мир». В основе «жизненного мира» лежит чувственное созерцание героев и непосредственное восприятие ими происходящих событий. Посюсторонний мир «Панночки» – жизнь украинского хутора со своими особенностями. Потусторонний мир – мир колдовства, представительницей которого является ведьма Панночка. Действие «Женитьбы» разворачивается в российском уездном городе, в купеческой семье – это воплощение предельного мира. Потусторонний мир связан с мистификатором Кочкаревым. Он владыка, демон, властитель судеб. Ему подвластно все, и для него нет ничего невозможного. Кочкарев одновременно есть и нет, он появляется как бы ниоткуда.

Отображением реального мира режиссер обращается к культуре прошедшей эпохи, к XIX столетию. В спектаклях посредством этого воплощения прослеживается создание естественной установки, нацеленной на познание зрителями объективного мира. Таким образом, режиссер выстраивает диалог эпохи со зрителем. Он вводит зрителя в атмосферу того времени, со своим культурным контекстом, который выражен в убранстве помещения, в одежде героев, их речевых конструкциях.

Время в спектаклях, в отдельных эпизодах, зрителем воспринимается различно. В спектаклях начало всегда кажется затянутым по времени. Но на самом деле это не так. Этот режиссерский прием С. Федотова необходим, чтобы постепенно ввести зрителя в другую реальность, окунуть в атмосферу того времени и захватить внимание зрителя круговоротом событий.

Музыкальная композиция спектакля создает интенции, нацеленные на создание двух миров – посюстороннего и потустороннего. Так, в «Панночке» посюсторонний мир – это украинские песни, феномены явлений природы (сверчки – символ дома, очага, уюта, соседства), наступление рассвета (крик петуха – олицетворение солнца, петух встречает светило своим криком и распугивает демонов ночи, а также олицетворяет мужское начало), туманы (воплощают символически таинственность спектакля). В потустороннем мире – музыка прямо как из ада, такого характера музыка задействована в сценах в церкви.

Цветовое оформление костюмов героев спектаклей также передает взаимопроникновение посюстороннего и потустороннего, через интенциональность сознания. Красные, белые цвета в одежде передают мистическое начало. Например,

Панночка одета в длинную белую сорочку. Песочные, зеленоватые цвета отражают реальный мир. Например, песочные цвета использованы в костюме Хлестакова, а зеленые оттенки – в одежде чиновников.

Свет в спектаклях «Панночка», «Ревизор», «Женитьба» первоначально передает явления природы – наступление утра, дня и ночи, а также мистичность спектаклей. Мистичность спектаклей передает насыщенно красный свет и холодный, ледяной беловато-голубой свет. Например, выход Панночки всегда сопровождается беловато-голубым светом.

Все спектакли С. Федотова наполнены интенциями, феноменами, содержащими символическое значение, выраженное в вещах окружающих героев. Обратимся к декорациям «Панночки». На сцене мы видим забор, ворота, телегу, дерево, кувшины на неровном заборе. С одной стороны, это предметы реального мира, т. е. явления, а с другой – в них заложены феномены с мистическим смыслом. Неровный забор – олицетворяет несовершенство мира. Ворота – феномен границы между мирами – своим (освоенным, внутренним) и чужим (неосвоенным, внешним). Открытие ворот Хомой Брутом символизирует его контакт с внешним миром, где обитает нечистая сила; также ворота служат границей между миром живых и миром мертвых.

С. Федотов выстраивает свои постановки на соединении и взаимодействии двух миров (реального и inferнального), в результате этого взаимодействия образуется «жизненный мир». «Жизненный мир» соединяет бытовое и вневременное в спектаклях, насыщает их смысловыми кодами и выстраивает своеобразную бесконечность интерпретации. Например, возьмем спектакль «Панночка» и рассмотрим символическое значение свечей, которые поочередно зажигают в церкви (двенадцать – две – одна). Две свечи являются феноменом отображения двух возможных путей, которые изберет человек, и только от него зависит весь исход ситуации. Одна свеча – феномен принятого выбора или возможности, это знак одиночества человека, не только физического, но во многом и духовного. Это знак судьбы, заблудшей души в огромном мире, неотвратимости ситуации, когда уже нельзя изменить происходящее. Подытожим вышесказанное, перед человеком всегда стоит возможность выбора, он сам выстраивает свою судьбу, и исход ситуации зависит только от принятого им решения.

Перейдем к актерским стратегиям. Актеры участвуют в создании «жизненного мира», своей игрой воплощают мистическую и психологическую составляющую спектаклей, и это все направлено на передачу замысла, интерпретированного режиссером.

Рассмотрим некоторые образы, создаваемые героями.

Антон Антонович – местный городничий, за ним числятся определенные грешки (например, по ошибке высек жену унтер-офицера). Но при этом человек неплохой, любящий и заботящийся о своей семье – о жене и дочери. В своем парадном костюме, и головным убором напоминает Наполеона. Марья Антоновна – дочь городничего, немного дерзкая и гордая, в чем-то не по годам наивная. Со стороны матери к дочери происходит своеобразное соперничество за внимание Хлестакова. Подколесин – надворный советник, кандидат в женихи Агафьи Тихоновны. Он нерешительный, трусливый в вопросах, касающихся женитьбы, в то же время хвастлив, любит всеобщее внимание. Кочкарев – его друг, полная противоположность Подколесина, смелый, решительный, активный, не боится трудностей, добивается поставленной цели любыми средствами. В спектакле Кочкарев – главный мистификатор, его нет – и одновременно он есть. Он владыка, демон, властитель судеб. Ему подвластно все, и нет ничего невозможного.

Несмотря на то что главных героев спектаклей разделяет место жительства, социальный статус, их объединяет одно – они ставят вопросы о смысле человеческого существования, таким образом, в спектаклях по Н. В. Гоголю в театре «У Моста» строится диалог со зрителем, вводящий его в контекст двух культурных составляющих. Поэтому можно говорить о том, что в спектаклях по разным произведениям Н. В. Гоголя режиссер и актеры акцентируют внимание на одних и тех же характеристиках центральных героев. Это герои, мучимые бытийной проблематикой, герои, вольно или невольно вступающие в контакт с потусторонними силами. Такова трактовка произведений Н. В. Гоголя театром.

Реальность, быт сочетается с условностью, бытийностью

В постановках С. Федотова ярко выражены два сценических плана (передний план – план жизни и дальний – философский план). На переднем плане разворачивается неспешная быденная жизнь. Дальний план вносит в спектакли философские вопросы. С разделением пространства пьесы на планы, на смысловые координаты происходит переход естественной установки к феноменологической редукции, которая осуществляет отказ от привычного, обыденного взгляда на вещи, на мир в целом и предполагает переход к рефлексированному сознанию. Таким образом, режиссер обращается к зрителям, к их сознанию, «ставит» в сознании зрителей философские вопросы о жизни и смерти, о добре и зле, о бесконечной возможности выбора. Рефлексируя,

зритель может изменить какие-то вещи в своей жизни, в чем-то изменить себя.

В спектаклях преобладает неспешный ритм, передающий бытийную основу событий. Музыкальное сопровождение отражает накал чувств, переживания героев и является в спектаклях эйдети́ческой редукцией, направленной на создание и воплощение в спектаклях эмоциональной атмосферы. В «Панночке», например, музыкально выделено эмоциональное состояние Хомы Брута для лучшей передачи внутреннего состояния души героя. В «Ревизоре» – для выражения состояния Городничего, его эмоциональной напряженности. В «Женитьбе» – музыка комментирует раздумья Подколесина по поводу сватовства.

Костюмы героев оттеняют интенциональность отображения быта. Например, в «Женитьбе» – уклад купеческой жизни, в «Ревизоре» – мир чиновников уездного города. Бытийную основу костюмов передает их цветовое решение. В основном бытийность, интенциональность сознания выражается использованием белого цвета в одежде героев. Например, в «Панночке» действие разворачивается в церкви, на Хоме Бруте белая сорочка. Белый цвет возносит его до воплощения Христа на сцене. А Панночке белый цвет придает мертвецкую бледность, она становится похожа на «живой труп», ее длинная сорочка имеет сходство с похоронной одеждой славян. В обрядовом культе народа было принято хоронить в белых одеждах, белый цвет – цвет перехода в загробный мир. Двойственность белого цвета заложена в его семантике. С одной стороны, это духовность, с другой – чувство приближения смерти.

Свет в спектаклях отражает состояние героев (в «Панночке» при розовом свете изображена Хлеса – это феномен воплощения жизни, любви; Панночка изображена в колдовском, мистическом, ярком, ледящем и серебряном свете – это феномен колдовства, мистики). Свет, вернее, его угасание отражает накал неизбежности. Все темнее и тусклее к развязке в «Панночке» – к смерти, в «Ревизоре» – к разоблачению. Реальность, быт воплощается использованием в сценографии спектаклей теплого света – оранжевого и желто-оранжевого, розового. Бытийность реализуется в спектаклях благодаря насыщенному, пронизывающему белому, синему, красному цветам.

В декорациях спектаклей также отражается соединение и взаимопроникновение реальности и бытийности. В «Панночке» взаимопроникновение являет собой дерево, кувшины. Дерево – природный символ динамичного роста, жизненной силы, сезонной смерти и регенерации. Мировое древо – центр мироздания, связывающий воедино естественный и сверхъестественный

миры. Дуб – могучий лесной великан, кряжистый вековой дуб служит символом мощи, крепости, мудрости, долголетия и благородства. Дуб имеет самостоятельное символическое значение божественной силы и доблести. В спектакле отображает жизнь, нечто божественное и рай. Кувшины (чаша) – символ знания, духовного просветления, искупления и бессмертия. В спектакле кувшины в перевернутом состоянии висят на заборе – отображают повседневность украинского хутора, духовные и философские искания Хомы Брута и также воплощают смерть. Бытовой характер декораций – это живописные решения на сцене. В «Панночке» – плетень, это нечто сиюминутное, неповторимое, созданное и присутствующее только в данный конкретный момент. Бытийную составляющую привносят в «Панночку» крест, иконы, свечи. Это неотъемлемые части божественного, священного культа. Предметы культа доносят до зрителей философский контекст спектакля – потребность в вере, в познании неведомого, в понимании бытия. В декорациях и бутафории параметры реальности и бытийности неотделимы друг от друга, они взаимосвязаны и дополняют друг друга.

В системе образов актеры создают и являют собой в первую очередь реальные персонажи, присутствующие здесь и сейчас, в данный момент. Для актеров-героев реальность на протяжении спектакля является «постановочный» мир пьесы. Актеры своей игрой создают «жизненный мир» для зрительного зала и сами же в созданном мире проживают целую жизнь за сравнительно короткий промежуток времени. Например, в «Ревизоре» реальность создает Хлестаков. Это реальность знатного и успешного чиновника, светского франта. Хлестаков поражает своими светскими манерами, пластикой и движением. Он с необычайным изяществом вертит, крутит и подбрасывает свою тросточку. Щеголь, франт, ценитель женской красоты. Манеры, его изящество непривычны для жителей уездного города, из-за этого его принимают за ревизора.

Взаимопроникновение добра и зла

В спектаклях категории добра и зла выходят друг из друга, они взаимосвязаны. Пространство сцены разделено на знаковые координаты – на ад и рай. Рай олицетворяет все благое, возвышенное, небесное, божественное в мире и в человеке, тогда как ад символизирует все дурное, изменчивое, подземное, бесовское. Слева в пьесах – ад, а справа – рай. Левый обладает негативной семантикой – за левым плечом человека стоит бес-искуситель; правый – положительный (за правым плечом человека стоит ангел-хранитель). Левый – женское начало, противопоставляемое правому – мужскому. В постановках эти

смысловые значения передаются положением героев, декорациями, освещением. Так, ад в «Панночке» олицетворяется местом положения главной героини, стороной сцены, с которой появляется Панночка. Рай выражен деревом – как символом жизни вообще и конкретно человеческим существованием. Пространство спектаклей открытое, герои непосредственно обращаются к зрителям. Например, Подколесин в «Женитьбе» в первом действии обращается к залу (речь направлена и адресована зрителям), и Агафья Тихоновна, находясь одна в гостиной, обращается к зрителям.

Музыка, в сценографии С. Федотова, также служит фоном спектакля, концепцией и его замыслом. В «Ревизоре» режиссер отмечает важные детали, при этом музыка – вдумчивая, одновременно наполнена трагичностью и неизбежностью. Этим режиссер подчеркивает психологический характер спектакля и отображает нечто темное, поглотившее и изменившее сущность человека, его моральные устои.

Цветовое решение спектаклей посредством интенции передает как категорию добра – белый, зеленый, синий цвета, так и зла – белый, черный, красный, бордовый. Белый цвет из-за его двойственности можно отнести и к добру и к злу.

Световое решение – оранжевый, розовый, желтый свет приносят добро. Например, в «Панночке» Хлеса изображается в теплом оранжевом свете. Насыщенно красный свет, холодный бело-голубой свет, черный – отображают зло.

Декорации, передающие мистический смысл спектакля, иллюстрируют феномен зловещего начала. В «Панночке» это гроб. В «Ревизоре» – шкатулка. В «Женитьбе» – лестница. Добро, божественность отображают в «Панночке» – дерево, кувшины (чаши), свечи; в «Ревизоре» – колонны, свечи; в «Женитьбе» – свеча, фортепиано.

Далее перейдем к системе образов и рассмотрим воплощение добра и зла на примере спектакля «Панночка». Эталон добра, радости, полноты жизни – Хлеса. Хлеса – девушка, пышет здоровьем, румяная. Воплощает собой жизнь, любовь, человеческие чувства, противоположность Панночке. Костюм героини – белая сорочка и красная юбка (обозначает страсть). Образец зла, нечистой силы, inferнальности – Панночка. Панночка – дочь местного пана, ведьма, молодая девушка со страшной, неживой красотой. Она необычайно, пленительно, завораживающе красива. Но при этом Панночка бледна, от нее веет холодом, ужасом, смертью, ее взгляд проникает внутрь, в самое сердце и оставляет там пустоту. Исчезает радость, сама жизнь покидает человека.

Итак, творчество Н. В. Гоголя не вписывается полностью в культуру XIX в. – оно стоит особняком. Творчество Н. В. Гоголя многогранно и многообразно – это комедии, поэма, повести, драматические отрывки с фольклорным, философским, бытийным, библейским смыслом. Но оно и едино: каждое произведение индивидуально, имеет свои особенности, выраженные в странностях, в чем-то глубоком, простом и в то же время сложном и не совсем понятном. Эти странности и особенности «работают» на развитие художественного процесса и культуры в целом. Н. В. Гоголь шел «не в ногу со временем», а во многом его опередил.

Пермский театр «У Моста» перенял гоголевскую особенность соединения посюстороннего мира с потусторонним миром. Так, в спектакле «Панночка» воплощением посюстороннего мира является размеренная жизнь украинского хутора (вечерние посиделки во дворе), а потусторонний мир отражает атмосфера колдовства – это сцены в церкви (появление ведьмы, раскачивание гроба, inferнальный красный цвет, дым).

Спектакли театра «У Моста» по произведениям Н. В. Гоголя – это всегда соединение мистичности, бытийности, комедийности (например, жеманство, абсурдность чиновников в «Ревизоре»). Спектакли высвечивают некую странность отображаемого мира и его жителей. Эта странность проявляется во всем – во взаимоотношениях героев друг с другом, в отсутствии общественной морали (спектакли «Ревизор» и «Женитьба»), в негласных законах общества, по которым скроена жизнь героев.

Театр «У Моста» не просто отражает сложный художественный «мир» Н. В. Гоголя: театр, органично сочетая выразительные возможности сценического хронотопа, свето-цветовой символики, язык актерской пластики и т. д., создает синтетический образ гоголевского мифологизированного мироздания, пронизанного динамикой реальных и потусторонних импульсов, примет обыденности и сакрального бытия. Как отмечает культуролог Н. Гашева, «синтетические структуры изначально складываются как универсальное средство мифологизации человеческого бытия. По своей утопической ориентации синтез соприроден мифу. Миф размыкает мир вечных аксиологических ценностей в мир повседневный» [7].

Таким образом, мистическое своеобразие художественного «мира» Н. В. Гоголя обнаруживает созвучность творческому поиску режиссера С. Федотова, который воплотил это своеобразие в своих спектаклях. На основе всего вышесказанного можно говорить о единой режиссерской стилистике спектаклей в театре «У Моста» по произведениям Н. В. Гоголя.

Примечания

1. Чепуров А. Диалог с культурой // Театральная жизнь. 2009. № 1. С. 6
2. Фокин В. Пошлость была главным врагом Гоголя // Современная драматургия. 2009. № 2. С. 207.
3. Степанов Н. А. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 218.
4. Чепуров А. Диалог с культурой // Театральная жизнь. 2009. № 1. С. 7.
5. Манн Ю. В. Драматургия Гоголя // Н. В. Гоголь Л., 1988. С. 6.
6. Гольденберг А. Х. Археопэтика Гоголя: мир живых и мир мертвых // Н. В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 265–266.
7. Гашева Н. Николай Гумилев и Поль Гюген: житнетворческий и эстетический синтез // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1(87). С. 50.

УДК 008.009

А. В. Потягов

СОВРЕМЕННЫЕ ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ: ПРОСТРАНСТВО ИННОВАЦИЙ И ТВОРЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ

В статье рассматривается влияние инновационных технологий на деятельность современных школьных музеев. Выявлено, что информатизация школьного музейного дела и развитие творческих инициатив являются одним из факторов социализации учащихся в музейном пространстве.

In this article the influence of the innovation technologies on the activity of modern school museums is considered. It appears that the informatization of school museum activity and the development of the creative initiatives are the factors determining students' socialization in the museum space.

Ключевые слова: школьный музей; учащиеся; инновационные технологии; Интернет; интерактивность; творческое пространство; проект.

Keywords: school museum; students; innovation technologies, the Internet, interactivity, creative space, project.

Появление новейших информационно-коммуникационных технологий и развёртывание глобальных сетей оказывает всё усиливающееся влияние на все стороны общественной жизни. С помощью Интернета стало возможным активно обмениваться информацией в области науки, культуры, образования, искусства, получать последние известия о событиях в стране и мире, расширять доступ к фондам библиотек, архивов, музеев, создавать виртуальные выставки, экспозиции и виртуальные музеи. Этот динамично раз-

вивающийся интерактивный мир открывает людям разнообразные способы и формы обучения, общения, получения впечатлений, обмена опытом. Данную тенденцию можно наглядно проследить и в области школьного образования.

Современная социокультурная ситуация в России характеризуется, в частности, возросшим интересом к проблемам и потребностям системы образования. Одним из приоритетных направлений реформы образования является модернизация образовательного процесса путём внедрения инновационных технологий в практику школьного обучения. Информационно-коммуникационные технологии могут использоваться в различных видах деятельности школы, в том числе и в работе школьного музея.

Пространство школьного музея – это уникальный социокультурный феномен, концентрирующий в себе не только память поколений, но и комплекс разнообразных средств, форм и методов передачи этой памяти подрастающему поколению. Тем самым в данном пространстве связываются воедино культура, образование и воспитание, что, бесспорно, важно сегодня, когда идёт процесс гуманизации образования, возвращения к глубинным историко-культурным корням.

Конечно, не каждый школьный музей имеет технические возможности использовать новейшие информационные технологии в своей практике. Но ведь модернизация системы образования и нацелена на то, чтобы решать подобные проблемы. Как справедливо отмечают специалисты, это необходимо не «просто для развития, продвижения вперёд, для поиска, исследований, но даже для ведения учёта и документации, для хранения статей и результатов анкетирования, для составления и размножения путеводителей и программ, для анализа и статистической отчётности» [1].

Следует отметить, что в последнее десятилетие Интернет не только превратился для детей в «естественную среду обитания» [2], но также стал новым стимулом развития музейно-школьной деятельности. Учащиеся с энтузиазмом занимаются оцифровкой документов, которые нетронутыми хранились в шкафах, создают мультимедийные проекты и сайты, представляющие музей в интернет-пространстве, налаживают контакты с юными музейщиками и руководителями музеев из других городов и регионов.

Интеграция инновационных технологий в работу школьного музея даёт возможность всесторонне развивать учащихся, расширять их кругозор, активизировать мыслительную деятельность, решать учебные и воспитательные задачи. Например, сайт школьного музея «Истоки» гимназии города Новозыбкова (Брянская область) призван решать такие проблемы, как продвижение имиджа музея в информационном образователь-

ном пространстве, обеспечение широкого доступа к экспонатам музея, оцифровка музейных коллекций, консолидация школьных организаций, привлечение партнёров, изучение истории Отечества, края и семьи, русской культуры [3].

Web-ресурс музея «Истоки» позволяет обмениваться информацией и опытом с другими школьными и государственными музеями. Чтобы сохранить многие экспонаты, находящиеся в ветхом состоянии (документы, газеты, фотографии и т. д.), сделать их достоянием многих и «более зрелищными» (что немаловажно для современных детей), в музее используются информационно-коммуникационные технологии, возможности которых значительно повышают эффективность работы.

Музей «Истоки» также развивает электронную культуру учащихся посредством сбора и использования звукозаписей. В коллекции музея находятся оцифрованные записи голосов известных деятелей истории и культуры. Данный вид информационных ресурсов позволяет разнообразить формы и методы проведения тематических экскурсий, вызывает интерес у посетителей музея, позволяет окунуться в историческую атмосферу прошлых времен.

Таким образом, музей «Истоки» становится местом востребованных знаний, умений, навыков. Здесь наглядно реализуется принцип информатизации системы образования и духовно-нравственного воспитания учащихся.

Важным видом использования информационно-коммуникационных технологий в музейном деле являются презентации, которые постоянно создаются и обновляются. Опыт «Музея традиций» школы № 65 г. Иркутска показывает, что разработка серии мультимедийных презентаций, дающих возможность проводить тематические виртуальные экскурсии, расширяет образовательное пространство как интерактивную развивающую среду [4]. Это в свою очередь позволяет решать задачи современного образования на принципах диалога музея и школы, стимулировать интенсивный творческий рост школьников в процессе коллективного общения.

Руководство музея истории школы МОУ СОШ № 1 г. Новосибирска в плане работы с мультимедийными презентациями продвинулось ещё дальше. Здесь мультимедийные презентации рассматривают не только как перспективный метод в работе с музейной экспозицией, но и «как средство эффективного методического сопровождения образовательного процесса и методической поддержки образовательных и воспитательных программ школы» [5] путём создания различных учебно-методических комплексов («История Новосибирска в лицах», «История школы», «Опалённые войной»).

Такого рода деятельность помогает решать проблему площадей, которая актуальна для любого школьного музея. Виртуальный ресурс неограничен, и музей постепенно формирует свое образовательное пространство.

Внедрение в работу школьных музеев инновационных технологий позволяет не только упростить систему учёта фондов, включить в музейное пространство различные динамические модели и виртуальные экскурсии, активно использовать принцип обратной связи, но и создавать «мощную эмоциональную мотивацию» [6] для учащихся. Например, это наглядно реализуется в практике «школьного музея Арктики» ГОУ СОШ № 336 г. Санкт-Петербурга, где силами активистов музея были созданы интерактивная карта Арктики, интеллектуальные компьютерные викторины и даже компьютерная игра на тему арктических экспедиций [7].

«Музей Отваги» школы № 93 г. Тольятти – это другой необычный пример использования информационных технологий в деле сохранения исторической памяти. В данном случае речь идёт о целом интерактивном музейном комплексе, который создан «как экспериментальная модель школьного музея с применением современных музейно-образовательных технологий» [8]. Цель музея состоит не только в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения, но и в развитии нравственно-личностных качеств, творческой активности учащихся. В работе музея здесь активно «используются различного рода интерактивные задания, компьютерные сюжеты, тематические игры, информационные, мультимедийные и коммуникационные технологии...», что в целом способствует формированию ключевых образовательных компетенций, повышению уровня самопознания, самоопределения, самооценки, а также формированию гражданской позиции учащихся» [9].

В начале 2000-х гг. в рамках раздела «История» интернет-проекта «СОМ – в помощь учителю» появилась рубрика «Школьные музеи», на которой собираются ссылки на соответствующие страницы в интернет-сети, что позволило скоординировать интернет-взаимодействие и интернет-позиционирование школьных музеев [10]. В основном здесь представлены московские школьные музеи, но есть опыт работы и в регионах: Ярославль, Барнаул, Омск, Саранск. Интернет-проект «СОМ – в помощь учителю» и журнал «Вопросы интернет-образования» оказывают информационную и методическую поддержку всем заинтересованным школьным музеям [11]. Инновационные технологии наполняют исследовательскую деятельность школьных музеев дополнительным смыслом, являются своеобразным импульсом в развитии школьного музейного дела.

Для содействия обмену опытом между профессиональными и школьными музеями в области практической работы и музейной педагогики некоммерческое партнёрство «Современные технологии в образовании и культуре» (СТОиК) в 2005 г. представило проект «Музей, школа, Интернет» [12]. Цель партнёрства – разработка, внедрение и популяризация современных информационно-коммуникационных технологий в различных областях образования и культуры. Использование этого нового инструментария в деятельности школьных музеев призвано способствовать активизации интереса молодого поколения к истории и культуре Отечества, края и семьи. В рамках проекта систематически проводятся конференции, семинары, мастер-классы, тренинги, интернет-конкурсы и формируется база данных школьных музеев России и ближнего зарубежья [13].

«Школьные музеи в Интернете» – это база данных о более чем 300 школьных музеях России. Здесь выставлены работы школьников и собраны методические материалы по музейной педагогике. В ходе работы над проектом сформировалось активное сообщество музейных специалистов, школьных педагогов и старшеклассников. Также был создан интернет-каталог «Музеи – школе», который призван помочь музею занять достойное место на рынке образовательных и досуговых услуг, а учителям и родителям быть в курсе новых музейно-педагогических разработок и программ.

В целом следует отметить, что информатизация музейного дела ставит на повестку дня уже не столько вопросы технического оснащения школьных музеев, хотя это также важно, сколько проблемы, связанные с развитием школьника как личности, готовой учиться и работать в современном информационном обществе, сохранять культурное наследие. Использование Интернета постепенно формирует новый облик школьного музея. При этом несомненно, положительной динамикой является всё большее использование инновационных технологий в школьных музеях различных регионов России.

Примечания

1. Алексеева Е. В. Музей в школе: перспективы развития // Музей в школе: перспективы развития: сб. ст. / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2006. С. 8.
2. Юхневич М. Ю. Образовательный музей (педагогический, школьный, детский). М.: НП «СТОиК», 2007. С. 132.
3. Сайт школьного музея «Истоки», Брянская область, г. Новозыбков. URL: <http://www.mus-istoki.narod.ru/> (дата обращения: 08.08.2011).
4. Голубева Н. Т., Ружников М. С. Школьный Музей традиций // Музей в школе: перспективы развития: сб. ст. / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2006. С. 37.

5. Васильева О. К. Мультимедийные презентации в музейной педагогике // Музейный аспект в инновационной деятельности образовательных учреждений: IV Открытая регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. А. Орлова. Новосибирск, 2008. С. 71.

6. Маркова Е. Н., Шанифо К. В. Сохранение традиций в XXI веке // Музей в школе: перспективы развития: сб. ст. / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2006. С. 56.

7. Там же. С. 56–57.

8. Ланкова Н. М., Горяинова Ж. Н. Школьный музей как центр социализации подростков и молодежи // Актуальные проблемы современного музейного дела. сб. тр. / сост. И. М. Коссова. Вып. 8. М.: Изд-во ИКАР, 2010. С. 123.

9. Там же. С. 124.

10. Драхлер А. Б. Спасёт ли Интернет школьные музеи? // Музей в школе: стимул к размышлению: сб. ст. / под общ. ред. Е. В. Алексеевой. М.: НП «СТОиК», 2005. С. 28.

11. Там же. С. 28.

12. «Музей, школа, Интернет». URL: <http://museum.npstoik.ru/> (дата обращения: 11.06.2011).

13. Юхневич М. Ю. Образовательный музей ... С. 137.

УДК 778

В. Ю. Мехоношин

ГЕНЕЗИС КИНОАВАНГАРДА XX в.

Данная статья посвящена генезису существенных особенностей авангардистского кинематографа XX в. Киноавангард рассматривается автором в широком контексте современной культуры и в зеркале исследовательской полемики западной и отечественной гуманитаристики. Делается вывод о связи инноваций с изменениями культурного сознания и общей тенденцией современной культуры к интегративности.

This article is about the genesis of essential features of the avant-garde cinema of the XX century. The author considers avant-garde in the broader context of contemporary culture and discussions in the humanities. It is concluded that changes in cinema depend on cultural consciousness and the general tendency of modern culture to integrity.

Ключевые слова: авангард, документари, мockyментари, реальность, генезис, синтез искусств, имитация, медиа, хронотоп, интертекстуальность.

Keywords: avant-garde, documentary, mockumentary, reality, genesis, synthesis of the arts, imitation, media, chronotope, intertextuality.

Серьезные работы, посвященные авангарду, возникли еще в начале века и были написаны главными теоретиками киноавангарда Л. Деллюком, М. Л'Эрбье, А. Гансом, Ж. Эпштейном, Д. Кирсановым, Р. Клером, Ж. Дюлак, М. Дюшаном. Эти работы были больше похожи на мани-

фесты и имели «узкоискусствоведческий уклон» [1]. Сейчас уже выпущены серьезные культурологические работы Л. Мельвилль «Кино и “эстетика разрушения”», Н. Цыркун «Разрушение разума. Критика современного буржуазного искусства» – работы М. Ямпольского «Из истории французской киномысли: Немое кино, 1911–1933 гг.», «Видимый мир», «Память Тиресия», В. Виноградова «Французский авангард 20-х» и др.

Среди иностранных исследований авангарда можно выделить Де Бэк, А. Тессон «Новая волна: тексты, интервью и «Осталось ли что-то после новой волны», опубликованные в «Кайе дю синема».

Огромную важность имеют суждения, высказанные в целом об авангарде крупнейшими философами XX в. Ж. Батаем, Ж. Бодрийаром, Х. Ортега-и-Гассетом, Ж.-П. Сартром, М. Фуко, Ж. Делезом и др.

Под авангардистским кинематографом, или авангардом, обычно понимается направление в развитии кинематографа, возникшее в 20-х гг. во Франции, в противовес коммерческому кинематографу [2]. Также часто термин «авангард» используется как синоним понятия «экспериментальный кинематограф», и тут уже авангард включает в себя не только французский киноавангард киноимпрессионистов 20-х гг. XX в. (А. Деллюк, Ж. Дюлак, Ж. Эпштейн), но и киноавангард других национальных кинематографических школ: советская (С. Эйзенштейн, Д. Вертов, Л. Кулешов, А. Довженко), немецкая (Г. Рихтер, В. Эггелинг), французская (А. Бунюэль, Ж. Кокто, Ж. Виго, Р. Клер), бельгийская (Ш. Декейкелер), голландская (Й. Ивенс) и американская (Д. Крюзе, М. Дерен, Ш. Кларк, М. Менкен, К. Харингтон).

Теоретиками кино принято называть французский киноавангард 20-х гг. «первым авангардом», термин был впервые использован А. Ланглуа, а затем и Ж. Садулем. Позже теоретики кино Р. Жанн и Ш. Форд стали употреблять термин «первый авангард», чтобы отличать его от «второго авангарда», возникшего уже после 1924 г. Современный культуролог К. Разлогов отмечает, что подлинным авангардом служит именно «второй авангард», который «научился, работая с монтажом, кадром, изображением, рассказывать истории» [3].

Значительным этапом в становлении киноавангарда стала люмьеровская теория реальности, которая обозначила новый поворот в культурной парадигме своего времени. По мысли П. Бискинда, главное, что стало определять люмьеровскую теорию, – перевес активности зрения над активностью слуха [4]. Современный отечественный исследователь В. Виноградов в то же время

отмечает, что именно «кинематограф явился воплощением реалистической мечты в искусстве своего времени» [5].

Люмьеровская типология репрезентации пространства представляла собой статичный взгляд, фиксирующий непостоянные фрагменты реальности. Неподвижность камеры создавала эффект ловушки: с одной стороны, зритель наблюдал свободное течение жизни, с другой – был не волен в выборе объектов наблюдения [6]. Пространственная динамическая модель жизни, спроецированная на объектив статической камеры, породила ощущение реальности как таковой [7]. Таким образом, стала очевидной двойственная природа кинематографического взгляда, в котором соединились антропоморфное (основанное на свободном зрении) и механистическое (ограничивающее эту свободу) начала.

Кинематограф окончательно стал состоять из трех элементов: истории (объекта), пространственного препятствия (объектив) вместе с художественным решением и, наконец, зрителя. Благодаря авангарду начала века в кинематографе возник новый художественный объект – не воссозданная действительность, а сама реальность. Именно она с тех пор становится главным предметом зрительского интереса [8].

С тех пор на долю авангарда приходится большинство открытий, позволяющих кинематографу продолжить свое развитие. «Чем объясняется подобная картина развития авангарда?» – задается вопросом В. Виноградов и отмечает, что суть авангарда – именно в его изначальной революционности. Ученый имеет в виду трехкратную попытку модернизации существующей системы авангарда через априорный путь расшатывания и создания множества подсистем [9]. Таким образом, одной из центральных задач авангарда становится трансформация традиционного хронотопа и создание его альтернативных вариантов. В. Виноградов отмечает, что радикальные изменения в авангарде происходят только на первом этапе, после которого кинематограф начинает развиваться более спокойно: «так, экстремизм авангарда сменила относительная умеренность “новой волны”, а на ее смену пришел постмодернизм, логически завершивший авангардное движение XX в.» [10]

Идея В. Виноградова о том, что авангард – это прежде всего революция идей, а не форм, кажется нам интересной. Поделим историю авангарда на три этапа: первый – революционный авангардистский (идеологическая принципиальная борьба против существующей, точнее, тогда несуществующей кинореальности), второй – этап модернизма (умеренный переворот), третий постмодернизм – заключительная стадия авангардного движения XX в.

Трансформацию авангарда из революционного (20-е гг. XX в.) в умеренный (30–40-е гг. XX в.) ряд исследователей связывают с изменением реальности – установление диктатур в Европе [11] и объединяющий всех ужас перед фашизмом [12]. Авангард периода модерна выражен в творчестве двух знаковых режиссеров: Л. Рифеншталь (1902–2003) и Ч. Чаплина (1889–1977).

Гениальность Чарли Чаплина проявилась в его комическо-лирической натуре и, преимущественно, в короткометражных фильмах [13] (например, «Нокаут» (1914, реж. Ч. Эвери), «Бродяга» (1915, реж. Ч. Чаплин), где в созданном образе Бродяги уживается «и джентльмен, и поэт, и мечтатель, а, в общем, это одинокое существо, мечтающее о красивой любви и приключениях. Ему хочется, чтобы вы поверили, будто он учёный, или музыкант, или герцог, или игрок в поло» [14], а также в политической сатире перед началом Второй мировой войны [15] (фильм «Диктатор» (1940, реж. Ч. Чаплин), где Чаплин взывает к чувствам людей, которые потеряли не только свободу, но и разум [16]).

Гениальность Лени Рифеншталь, придворного режиссера А. Гитлера, заключалась в ее стремлении придать документальным фильмам большую выразительность, свойственную для художественного фильма [17]. Эту выразительность можно увидеть в таких фильмах Рифеншталь, как «Триумф воли» (1935) – о съезде нацистской партии, когда съемка велась одновременно тридцатью камерами. Следует упомянуть также фильм «Олимпия» (1938), лауреат Венецианского кинофестиваля в категории «лучший фильм», об Олимпийских играх в Берлине. Рифеншталь изменяет манеру съемки, используя разные операторские приёмы, репортажные панорамы, замедленное воспроизведение, панорамирование, параллельную съемку с нескольких камер. Другими особенными приёмами монтажа Рифеншталь являются импрессионистский монтаж тела в полёте (прыжки с шестом и в воду), монтаж беспрецедентной по накалу борьбы сцены в марафонском беге между покидающими тело силами (движения ног в замедленном воспроизведении), силуэты на земле (фехтование), реакция зрителей и т. д.

Именно период Второй мировой войны заслуженно считается ключевым в изменении киноэстетики, когда документальное кино, развивавшееся под влиянием братьев Люмьер и Р. Флаэрти в русле «кинодокумента», изменяется под влиянием политических и социальных потрясений Второй мировой войны. В том числе и из-за торпорного влияния пропаганды ставится под сомнение ключевая идея утвержденного «документального кино» – объективность, «любой человек начинает играть роль при виде камеры, вести себя ненормально» [18].

На этом этапе в киноавангарде рождается настоящая интертекстуальность. М. Ямпольский объясняет это желанием зрителя найти шифр к фильму и понять его, для чего зритель и обращается к другим «комментирующим» текстам. В статье «Язык фильма как цитата» М. Ямпольский развивает вышеуказанную мысль, он отмечает, что многочисленные отсылы внутри авангардистского текста к инварианту приводят к шоку интертекстуальности, к невозможности взаимодействия и взаимопонимания его концептов, смысловой перегруженности, поэтому любой предмет искусства, выполненный в традиции авангарда, звучит как исповедь, «уподобляется речи Нового Адама» [19].

Разочарование в своих лидерах и идеях [20], ускользающей от всех сущности власти [21], отсутствие ответственности власти перед своим народом [22], уничтожение идеальных образов и ощущение себя самого не как человека, а протеза [23], привели к важному изменению авангарда, которое произошло раньше всего в американском кино, поскольку американская культура полностью уцелела. Именно в кинокультуре Америки рождается ключевая жанровая комбинация «докьюментари – мокьюментари», т. е. взаимовлияние документального кино и псевдодокументального кино.

Американский кинематограф обращается к классическому документальному кино 20-х, стараясь не брать в расчет эстетику пропаганды 30-х и 40-х, появляются частые отсылы к фильмам, отображающие подлинные события и людей («Игра в снежки» Люмьеров, 1897, «Человек с киноаппаратом» Д. Вертова, 1929, «Симфония Берлина» В. Рутманна, 1927) [24].

Самые популярные фильмы поствоенных лет строят упрощенную реальность, как будто специально воспроизводя миры философов [25]. Даже после 18 декабря 1953 г., когда в США началось первое в мире цветное телевидение, популярнейшие фильмы Америки то обращались к средневековой философии В. Оккама, анализируя двойственность истины и божественное происхождение идей, то к теории воспроизводящего знания Гамильтона и двоякого существования вещей Юма [26]. Потребность обогащения киновысказывания философской методологией одновременно сопровождалась попытками выработки нового взгляда на события времени. Вопрос, интересующий всех кинотеоретиков кино в поствоенное время, «насколько возможно отражение социальной действительности в кинематографе», стал возникать снова и снова и буквально повис в воздухе сразу после появления первых новых экспериментальных короткометражных фильмов, в которых кинематографисты «пробовали показать простую реальность,

но все равно эта реальность выходила с оценкой “хорошо” или “плохо”» [27].

Особую значимость кино приобретает в XX столетии как синтетический вид искусства. Вообще, тенденция к синтезу – общая для духовной и художественной культуры – типологическая черта ее эволюции. Как справедливо отмечает современный культуролог Н. Гашева, «каждое искусство обладает особыми, лишь ему свойственными возможностями. Вместе с тем каждый вид искусства тяготеет к умножению, расширению своих возможностей, используя опыт смежных искусств. К концу XIX – началу XX в. эстетическое сознание становится все более гибким, пластичным, нарушается отверделость границ между разными искусствами, их орбиты пересекаются, переплетаются между собой» [28]. Кино усиливает эту тенденцию в силу изначальной интегративности своей видовой специфики. Вот почему вполне закономерно высказывание французского искусствоведа Р. Канудо в «Манифесте семи искусств» [29], утверждавшего, что кино родилось благодаря слиянию шести видов искусств: архитектуры, музыки, живописи, скульптуры, поэзии, танца. Этот синтез означал наибольшую современность и социальную ориентацию появившегося феномена. «Из всех искусств быть может именно кино с наибольшей наглядностью – прежде всего в силу своей массовости – отражает духовный климат жизни людей, образ и сущность социального бытия» [30]. Интегративный характер киноязыка вдохновлял кинематографистов на экспериментирование, что противоречило духу документальной объективности наблюдения за реальной жизнью людей. Поиски реальности и подражание природе завели кино в тупик [31]. Обратимся к американским исследователям этой проблемы. Так, Д. Кук обозначает это как «дурацкие потерянные мечты», указывая на невозможность удачного завершения таких поисков, а именно, копирования реальности [32]. В свою очередь, Д. Финлер называет подобный поиск тупиком: «Глупо опираться на концепцию наблюдения Д. Вертова, который предлагает наблюдать за жизнью “врасплох”, – нет никакой жизни “врасплох”, и не только объектив может дать нам такое изображение предмета, как мы хотим, – нам может помочь еще желание воспользоваться копией, как я пользуюсь фальшивыми духами» [33]. Думается, справедливо замечание Ю. Савчук о том, что «идеи мыслителей о восприятии мира во всем его многообразии могут рассматриваться как предвестники осмысления той виртуальной реальности, которая играет значительную роль в жизни каждого современного человека» [34].

Описывая медиареальность в эпоху модерна, Е. Кузнецова отмечает: «Коммуникативная мо-

дель прессы усиливает характер синкретичности символических средств, используемых для создания “новой” реальности – медиареальности. Происходит интеграция традиционных видов социального взаимодействия. В коммуникативном пространстве нового символического медиума объединены все формы коммуникации, какие развивались в античном и средневековом мирах: хроника событий, исторические повествования, философские тексты, провозглашавшие нравственные и эстетические ценности, но вместе с тем и мир мифа, мир ритуала, мир театра» [35]. Таким образом, кино раздвигает свои границы, обогащая пространство и арсенал киновысказывания за счет расширяющейся технической базы.

С каждым открытием в области медиа создается новая картина мира, в которой иначе структурируются пространство и время [36]. Меняется и сам статус медиа как культурного феномена. «Медиа постепенно перестают быть лишь источником информации, посредником коммуникационных процессов и переходят на качественно новый уровень – уровень среды, в которой осуществляется жизнь современного человека». Медиа как бы создает альтернативный искомый мир, расширяет возможности зрителя существовать не только в реальном, но и в нереальном придуманном мире.

60-е гг. – начало перехода от человека массовой культуры, средой обитания которого является реальность зрительных образов, создаваемых кинематографом, к человеку медийной реальности. 60-е гг. – время появления псевдодокументального кино, получившего название «мокьюментари» (англ. mockumentary, от to mock «подделывать», «издеваться»). Своим появлением «мокьюментари» обязано, по словам некоторых критиков, все тем же Ч. Чаплину и Л. Рифеншталь, разработавшим универсальную авторскую эстетику кинофильма, которую может воспринять зритель по обе стороны Атлантического океана.

Фильмы жанра «мокьюментари» внешне соответствуют документальным фильмам, но их предмет, в отличие от настоящего документального кино, является вымышленным и специально «замаскирован» под действительность [37]. Новая жанровая форма отвечает всем требованиям постмодернистской эстетики. Фильмы жанра «мокьюментари» называют первой художественной игрой в кинематографе, когда кино то «жульничает, то становится инструментом пропаганды, то путает факты и подменяет понятия, дурачит собственных героев, блефует, склеивает несоединяемое и разрезает монологичное» [38].

Начавшись со скетча в британской передаче «Панорама» 1957 г. про немислимый урожай спагетти, мокьюментари особо проявилось в 80-е в американском независимом киноискусстве [39]

в фильмах «Зелиг» (1983, реж. В. Аллен); в 90-е: «Человек кусает собаку» (1992, реж. Р. Бельво, А. Бонзель), «Забытые негативы» (1995, реж. П. Джексон); «Ведьма из Блэр» (1999, реж. Д. Мэйрик, Э. Санчес).

«Зелиг» Вуди Аллена рассказывает историю человека-хамелеона, способного приспособиться к любой социальной среде. Черно-белая реальность главного героя причудливым образом сплетается со сценами хроники, вписывая героя в общемировую, можно сказать, глобальный контекст. В фильме «Человек кусает собаку» речь идет о маньяке, убивающем людей, камера в этом бельгийском фильме ведет себя крайне достоверно, например, зритель не видит в темноте. В фильмах «Забытые негативы» и «Ведьма из Блэр» дрожащая камера создает особый мир страха, когда самым страшным и самым увлекательным становится не то, что находится в кадре, а то, что находится за пределами. «Документальное качество съемки» умножает чувства зрителей многократно, при этом режиссеры не сильно рискуют, так как бюджеты таких фильмов небольшие и делаются, как правило, «на коленке» или для телевидения [40].

Авторы «мокьюментари» имитируют, подделывают сенсационные репортажи, научно-популярные фильмы и даже леденящие душу телевизионные сюжеты, таким образом, девальвируя само понятие документальности.

Мокьюментари 80-х гг. – это уже не просто «информация, исходящая из телевизионной реальности», но информация, «погружающая потребителя в специфические состояния и навязывающая ему особые типы существования» [41]. Мокьюментари все теснее переплетается со своей документальной первоосновой, образуя причудливые формы, рождая медийные тексты нового вида, для которых характерны нарративная структура, интерактивность, эффект присутствия, иллюзия безраздельного управления, максимальная приближенность виртуального к реальному. Главный вопрос зрителя: «А где происходит настоящая жизнь: на экране или в повседневной реальности?» Принцип имитации призван разрушить границы между иллюзией и реальностью.

Особенность мокьюментари в том, что, погружая зрителя в новую медийную реальность и утверждая место человека в этом фальсифицированном мире, кино обеспечивает зрителю обретение новой точки зрения на события и возможность открытия неожиданных смысловых контекстов жизненной реальности.

Большинство критиков видят главную причину трансформации «докьюментари» в «моньюментари» в желании эстетически переосмыслить мир, так как все изменения внутри жанра «докьюментари» связаны не с запросами зрите-

лей или желанием пропагандировать властный дискурс, а исключительно со спецификой художественного сознания, внутренними потребностями кино к саморазвитию. «Мокьюментари» учит зрителя усваивать нормы и ценности кинокультуры, интегрироваться в систему кинематографических отношений, осуществляя «киносоциализацию» и социализацию в целом. Также «мокьюментари» помогает закрепить существующую систему общественных отношений через демонстрацию тех или иных образцов поведения, через развитие эстетической культуры личности.

Исходя из вышесказанного можно выделить основное отличие «мокьюментари» от «докьюментари» – это актуальность, вызванная пониманием того, что кинематограф – коммуникативная система. Умберто Эко [42] считает, что каждое произведение искусства содержит в себе код, код должен иметь классическую и современную проблематику, но это не протяженно-временная характеристика, а качественно-временная, отвечающая не столько на вопрос «что мы показываем?», сколько «каким способом хотим это показать?».

Таким образом, жанр «мокьюментари» – это осознанное преломление социальной действительности: зритель становится не просто сторонним наблюдателем этой реальности, но ее соучастником, принимая участие в моделировании социальной действительности в кинематографе. 80-е гг. – время утверждения фиктивной реальности. Единственное, что «мокьюментари» сохраняет от «докьюментари», – это нарративная структура произведения, создающая иллюзию независимости действия от процесса рассказывания и побуждающая зрителя сосредоточить внимание на воссоздаваемых на экране событиях [43]. Сегодня возможности киноязыка оснащаются новыми специфическими средствами. Усложняется аудио-визуальный арсенал экранного образа современного мира. Социальное обогащается философской символикой, обобщением на уровне метафорической условности. Мифопоэтика кинообраза тяготеет к симультанности. На современном этапе происходит перенос акцентов с социального характера коммуникации на его техническую сторону [44]. И благодаря расширению технических возможностей обогащается арсенал художественной выразительности кино.

Примечания

1. *Виноградов В.* Французский киноавангард 20-х гг. М., 2011. С. 4.
2. *Разлогов К.* Искусство экрана. М., 2010. С. 25.
3. Там же. С. 27.
4. *Biskind P.* Down and Dirty Pictures: Miramax, Sundance and the Rise of Independent Film, Simon & Schuster Paperbacks. L., 2005. P. 29.
5. *Виноградов В.* Указ. соч. С. 7.
6. *Allen M.* Contemporary US Cinema, Longman. L., 2003. P. 43.

7. Cook D. A. Lost Illusions: American Cinema in the Shadow of Watergate and Vietnam 1970–1979, University of California Press, Berkeley, 2004. P. 32.
8. Dixon W. Producers Releasing Corporation: A Comprehensive Filmography and History, McFarland, Jefferson, 1986. P. 57.
9. Виноградов В. Французский киноавангард 20-х гг. М., 2011. С. 14.
10. Там же. С. 45.
11. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 67.
12. Гашева Н. Николай Гумилев и Поль Гоген: житнетворческий и эстетический синтез // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1(87). С. 55.
13. Cook D. A. Op. cit. P. 67.
14. Allen M. Op. cit. P. 15.
15. Ibid. P. 18.
16. Ibid. P. 87.
17. Bordwell, The Classical Hollywood Cinema: Film Style and Mode of Production to 1960, Routledge. L.; N. Y., 1985. P. 145.
18. Finler J. The Hollywood Story, third edn, Wallflower Press. L., 2003. P. 85.
19. Ямольский М. Язык фильма как цитата // Вопросы искусствознания. 1993. № 1. С. 130.
20. Гашева Н. Указ. соч. С. 43.
21. Фуко М. Воля к истине М., 1996. С. 98.
22. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. С. 7.
23. Там же. С. 8.
24. Hillier J. American Independent Cinema: A Sight and Sound Reader, BFI. L., 2001. P. 134.
25. Ibid. P. 145.
26. Cook D. A. Op. cit. P. 121.
27. Allen M. Op. cit. P. 167.
28. Гашева Н. Указ. соч. С. 52.
29. Виноградов В. Указ. соч. С. 56.
30. Гашева Н. Указ. соч. С. 156.
31. Hillier J. Op. cit. P. 87.
32. Cook D. A. Op. cit. P. 155.
33. Finler J. Op. cit. P. 68.
34. Розин В. Культурология. М., 2004. С. 55.
35. Разлогов К. Искусство экрана. М., 2010. С. 64.
36. Hillier J. American Independent Cinema: A Sight and Sound Reader, BFI. L., 2001. P. 76.
37. Dixon W. Op. cit. P. 201.
38. Allen M. Op. cit. P. 167.
39. Dixon W. Op. cit. P. 155.
40. Ibid. С. 144.
41. Allen M. Op. cit. P. 187.
42. Розин В. Указ. соч. С. 238.
43. Dixon W. Op. cit. P. 178.
44. Разлогов К. Указ. соч. С. 175.

УДК 316.346.32-053.6

Н. А. Ростовская

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается молодежь как субъект государственной молодежной политики и молодежной семейной политики. Также представлены различные подходы к определению «молодежь».

The youth is seen as a subject of the State youth policy and youth family policy in the article. Various approaches to the definition of “youth” are also discussed in the article.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, культура молодежи, семейная политика.

Keywords: youth, youth policy, youth culture, family policies.

В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. одной из основных задач в сфере молодежной политики является содействие формированию культурных, нравственных и семейных ценностей среди молодежи.

Необходимо отметить, что проведение в 2009 г. Года молодежи оказало существенное позитивное влияние на развитие молодежной политики как в регионах, так и в стране в целом. Поэтому вопросы молодежной политики сейчас обсуждаются на самом высоком государственном и общественном уровне, государство ставит в центр внимания проблемы, связанные с реализацией потенциала молодых людей и поддержкой их инициатив. Усилилось внимание властей всех уровней к вопросам молодежной политики. В ряде регионов приняты новые программы в сфере молодежной политики, началось обновление нормативной региональной базы, повышается эффективность реализуемых программ и мероприятий для молодежи.

Согласно принятым в российской обществе подходам, молодежная политика рассматривается как деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив, что закреплено в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», одобренных Верховным Советом РФ в июне 1993 г. и продолжающих действовать в части, не противоречащей законодатель-

© Ростовская Н. А., 2012

ству РФ [1]. Предусмотрено, что ГМП выражает в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре Отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека.

В *Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации*, утвержденной Правительством РФ в декабре 2006 г., ГМП трактуется как система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности [2].

Государство исходит из особого значения молодежи как ресурса социально-экономического, политического и нравственно-духовного развития России и источника ее социального и культурного обновления, а также из признания специфических социальных проблем молодежи, возникающих на этапах получения образования и профессии, выбора жизненного пути, создания семьи и перехода к самостоятельной жизни.

Многие исследователи указывают на то, что в России низкий уровень нравственности и общей культуры молодежи, что с каждым годом он падает. Однако согласиться с данным утверждением не считается возможным: говорить об упадке нравственной культуры российской молодежи однозначно нельзя, так как некоторые гражданские качества и нравственные нормы все-таки имеют положительную тенденцию. Судя по опросам, молодежь обладает еще существенным позитивным духовно-нравственным потенциалом.

Действительно, молодому поколению свойственно идеалистическое восприятие действительности, и когда воображаемая идеальная картинка будущего контрастирует с реальностью, то это приводит к снижению уровня ценностных ориентаций, вызывает чувство разочарования, а порой и бурные протесты.

Исследования по проблемам молодежи 2000-х гг. демонстрируют рост интереса к ценностным ориентациям молодых людей. На основе исследований ИСПИ РАН делается вывод об устойчивости структуры духовных ценностей в сознании молодежи, а также о некоторых положительных тенденциях их изменения [3].

Исследования показали, что главными жизненными ценностями молодежи являются семья, друзья и здоровье, затем следуют интересная работа, деньги и справедливость.

Задача молодежи – создание условий для развития и реализации своих способностей и потенциала не только в собственных интересах, но и в интересах общества и государства.

Молодежь современной России – предмет особого внимания российского общества и государства.

В нашей работе мы будем рассматривать молодежь в качестве полноправного субъекта государственной молодежной политики и молодежной семейной политики.

Проблемы формирования культуры брачного поведения молодежи приобретают в современных условиях все большее общественное значение. Безусловно, в конечном результате все зависит от того, как будет вести себя молодое поколение, какими нравственными идеалами, социальными убеждениями и гражданской ответственностью будет руководствоваться в своей жизни. Для изучения этого необходимо представить более детальное различие такой социальной группы, как «молодежь», которая выступает в качестве субъекта формирования института молодой семьи в данном исследовании. Известно, что своеобразную первичную субстанцию любой науки, в том числе и культурологии, образуют категории и понятия. Категория «молодежь» включает в себя как правовые, так и эмоциональные, культурные и духовно-нравственные компоненты, что говорит о сложности и многогранности исследуемого феномена.

Представление о значении понятия «молодежь» в общеязыковом смысле можно получить, обратившись к толковым словарям русского языка.

В частности, В. И. Даль определяет слово «молодой (младой)» как «...нестарый, юный; проживший немного времени; невозрастной, невзрослый, незрелый, неперематоревший еще», молодого человека Толковый словарь живого великорусского языка определяет как не достигшего средних лет, а молодежь определяется как молодые люди обоего пола, но более мужчины [4].

Словарь под редакцией А. П. Евгеньевой, выпущенный Институтом лингвистических исследований Российской академии наук, гласит: «Молодежь – молодое подрастающее поколение. Молодые люди: юноши, девушки. Молодой – не достигший зрелого возраста, юный; противоположность – старый» [5].

В словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой также даются значения слов «молодежь» и «молодой». Под первым понимается «молодое поколение, молодые люди», а под вторым – человек, «...не достигший зрелого возраста, еще не старый» [6]. Большой академический словарь русского языка дает молодежи следующее определение: «Молодежь – молодое поколение. Молодой – находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет; юный

(противоположность – старый); слишком неопытный, незрелый, чтобы кого-либо наставлять» [7], а Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова определяет в качестве молодежи «...молодое, подрастающее поколение», к молодым же относятся люди, имеющие «немного лет отроду, юные» [8].

Приведенный анализ словарей позволяет выявить наиболее существенные признаки понятия «молодежь» в языковом смысле. К ним, в частности, относится неопытность по отношению к старшему поколению, незрелость. Однако при этом очевидно, что основным критерием, применимым для определения понятия молодежи, является возраст.

Интересно, что и на международном уровне на сегодняшний день четкого подхода к определению молодежи не существует. В течение нескольких лет различными международными актами в качестве молодежи были определены люди в возрасте от 15 до 24 лет. «Guidelines», освещая Международный год молодежи, который прошел в 1985 г., отметила, что «молодежь» как «...хронологическое определение того, кто является молодежью, по сравнению с теми, кто есть дети или кто есть взрослые, зависит от каждой нации и культуры. Однако в целях статистики ООН определяет данную группу как группу людей в возрасте от 15 до 24 лет без какого-либо ущерба относительно определений государств-членов ООН».

В понятии «молодежь» переплетаются моральный долг и ответственность перед гражданами, определенный уровень культуры, выполнение гражданских обязанностей, активная позиция и деятельность на благо общественной жизни.

Для определения универсального понятия «молодежь» необходимо проанализировать понятия, данные в различных теориях и источниках.

Анализ научной литературы позволяет выделить различные точки зрения на определение понятия «молодежь».

Во-первых, определение молодежи с точки зрения охвата определенного этапа жизненного цикла – *социоисторический подход*. В связи с этим можно отметить труды ученых К. Грооса, С. Иконниковой, В. Лисовского, И. Слепенкова, Г. С. Холла [9]. Одно из первых определений понятия «молодежь» в отечественной социологии было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции». С позиции современной социологии оно неточно в том отношении, что процесс социализации проходит в течение всей жизни человека и особенно интенсивно – в раннем детстве

[10]. Тем не менее это продуктивный подход, важный для организации воспитательного процесса в молодежной среде и для организаторской работы с молодежью.

По мнению российского социолога В. И. Чупрова, именно с социокультурных позиций процесс взросления приобретает социальное содержание. Молодость имеет разное значение в зависимости от социальных, политических и культурных условий. В этом случае хронологические рамки границы молодости зависят от общественно-исторического развития, культуры, способов и форм социализации, характерных для данного общества. В разные исторические эпохи границы молодости и критерии ее возрастной периодизации существенно изменялись [11]. В условиях постиндустриального общества существенное влияние на рамки понятия «молодость» и «молодежь» оказывает процесс акселерации.

Как кризисную, переходную фазу в человеческом жизненном пути рассматривали молодость первые исследователи проблем молодежи – представители различных направлений в психологии, культурологии, социологии (Г. Стенли Холл, Ш. Бюлер, Э. Шпрангер, Р. Бенедикт и др.), придавая особую значимость тем фактам, которые уже в середине XX в. были осмыслены в категориях конфликта поколений (А. Фойер, Ж. Мандель, Г. Маркузе, М. Мид, Ч. Рейч и др.) [12]. О конфликте поколений в различных формах говорили многие философы и исследователи начиная с Сократа, но особенность теорий конфликта поколений XX в. состоит в том, что этому конфликту придается значение как основы развития человеческого общества независимо от социального строя. Этот подход односторонне трактует процесс преемственности и смены поколений, упрощая действительно имеющие место феномены. Очевидно, что распространение такого рода теорий имело своей причиной активизацию протестных молодежных движений в крупнейших капиталистических странах, носивших прежде всего социальный характер и выразившихся как в политической деятельности, так и в формах культурного протеста – контркультуры [13].

Во-вторых, *социальный подход* к определению молодежи. Такие ученые, как И. Кон, А. Розенмайр, Ф. Филиппов, Х. Шельски, Ш.Эйзенштадт под термином «молодежь» понимали социальный статус, определяемый возрастом. Он непосредственно связан с основными видами деятельности молодых людей (учеба, работа, вторичная занятость), с ролевыми структурами личности, а также с теми представлениями и стереотипами, которые сложились в обществе по отношению к представителям молодого поколения.

Как отмечает В. И. Чупров, социальный статус молодежи неоднороден и характеризуется

промежуточностью ее социального положения. Особенно наглядно это проявляется в современной России. Например, часто учащаяся молодежь также параллельно имеет основную или дополнительную работу. Это создает определенные трудности в социальной типологии молодежи.

С данным подходом тесно связан термин, широко применяемый в демографической науке — это «возрастной контингент». *Возрастной контингент* — это группа лиц, объединенных как общим для них возрастом, так и некоторым демографическим, социально-экономическим или иным признаком [14]. В числе возрастных контингентов выделяется ясельный (дети в возрасте 0–2 года), дошкольный (дети в возрасте 3–6 лет), школьный (дети и подростки в возрасте 7–15 лет), трудоспособный (мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 года), репродуктивный (детородный) (женщины в возрасте 15–49 лет), призывной (мужчины в возрасте 18–50 лет), электоральный (мужчины и женщины старше 17 лет) [15]. Российский социолог Т. С. Сулимова выделяет среди молодежи следующие категории (возрастные контингенты): школьную, студенческую, рабочую, сельскую молодежь, молодых предпринимателей.

В рамки данного подхода укладывается такая социально-демографическая категория, как «*молодая семья*», получившая широкое применение в нормативной правовой практике современной России. К молодым семьям, как правило, относятся семьи людей в возрасте до 30–35 лет. В официальных документах наиболее распространена трактовка «молодой семьи» как семьи в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей — без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 30-летнего возраста, а также семьи, состоящей из одного из родителей в возрасте до 30 лет и несовершеннолетнего ребенка. В социологической литературе понятие «молодая семья» рассматривается в рамках концепции жизненного цикла. При этом молодая семья представляется как один из этапов внутрисемейного цикла, характеризующийся, прежде всего, нестабильностью взаимоотношений между супругами, необходимостью их адаптации друг к другу. Акцент делается на отношениях супружества, хотя также рассматриваются и сложности усвоения ролей в рамках статусов отца/матери [16].

В-третьих, *социокультурный подход*. Такие ученые, как Г. Гризе, Т. Джефферсон, Г. Джонс, В. Левичева, К. Мангейм, М. Мид, Г. С. Холл, А. Шендрик используют понятие «молодежь» в значении молодежной субкультуры. В обозначенных трудах подчеркивается особая форма организации молодежи, которая определяет их стиль жизни и мышления, отличается специфическими

нормами, ценностями и образцами поведения. Молодежные субкультуры, как правило, стремятся сформировать свое мировоззрение, причем зачастую оно оппозиционно мировоззрению старших поколений. Часто это сопровождается своеобразными манерами поведения, внешним видом, формами поведения досуга и т. д. В некоторых случаях социально-культурные установки молодежи могут принимать форму неприятия и даже протеста.

В-четвертых, *функциональный подход*, связанный с определением роли и места молодежи в общественном воспроизводстве (В. И. Чупров). В этом смысле функционирование и развитие молодежи отражает становление субъекта общественного производства и жизни. В результате смены поколений осуществляется простое или расширенное воспроизводство социальной структуры, в ходе которого раскрывается социальная сущность молодежи как социальной группы, выявляются ее основные социальные функции: воспроизводственная, инновационная, трансляционная. Как отмечает В. И. Чупров, реализуя свои функции, молодежь обеспечивает сохранение целостности общества, участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу, а также передает обновленный опыт последующим поколениям. Отличительное социальное качество каждого нового поколения молодежи определяется особенностями личностей, предметной и процессуальной сторон ее конкретно-исторического бытия, обуславливающих способность унаследовать, воспроизводить и совершенствовать социальную структуру общества.

В-пятых, *социально-демографический подход*. Молодежь — это социально-демографическая группа в составе населения, главными критериями выделения которой обычно служат два компонента: демографический (возраст) и социальный (интересы, ценности, статус и пр.). По мнению ученых-демографов В. Н. Архангельского, В. В. Елизарова, В. А. Ионцева, Л. А. Рыбаковского, С. В. Рязанцева, основным критерием выделения молодежи выступает возраст, нивелирующий все остальные различия, в том числе социального порядка. Совокупность людей одинакового возраста называется возрастной группой.

С этой точки зрения о молодежи можно говорить как о «молодежной возрастной группе». Многие авторы сохраняют ориентацию на структурно-функциональную трактовку молодежи как определенной социально-демографической группы с особенностями социального статуса и социальных ролей. Выдающийся отечественный социолог и философ Игорь Кон дает следующее определение молодежи: молодежь — это «соци-

ально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойством» [17].

Российский социолог Т. С. Сулимова молодежь также определяет как «социально-демографическую группу, главной характеристикой которой являются возрастные показатели (16–30 лет)» [18]. Многие исследователи отмечают, что относительно возрастных рамок молодежной возрастной группы нет общепринятого подхода в науке и практике. Возрастные границы молодежной возрастной группы варьируются в широком диапазоне.

Российский ученый И. М. Ильинский дает следующее определение молодежи: «Молодежь – это социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим обстоятельствами социально-психологических свойств, которые определяются уровнем социально-экономического и культурного развития, особенностями социализации в данном обществе» [19].

Российский социолог В. И. Чупров, выделяя два ключевых подхода к определению понятия «молодежь», полагает, что молодежь в широком смысле – обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности. В более узком, социологическом смысле, молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей.

Современные возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 14 до 30 лет. Как правило, нижняя граница молодежи опре-

деляется 14–16 годами, а верхняя – 25–30 годами.

Таким образом, можно отметить, что многие авторы сохраняют ориентацию на структурно-функциональную трактовку молодежи как определенной социально-демографической группы с особенностями социального статуса и социальных ролей. В настоящее время в законодательных актах, нормативных правовых документах используются именно эти возрастные границы понятия, связанные с молодежью.

Более конкретизирован подход к определению возрастных рамок молодежи в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, которая ориентирована преимущественно на граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет.

Федеральная служба государственной статистики официально учитывает в категории «молодежь» граждан России в возрасте 14–30 лет (и сегодня это 23,3% от общей численности населения страны [20]) и дает следующие ее характеристики, то есть те, которые относятся к лицам трудоспособного возраста:

**Численность молодежи в России
(на конец года; тыс. чел.)**

	1995	2000	2005	2009
Всего в возрасте 15–29 лет	30 962	33 879	35 279	33009
В том числе:				
мужчины	15 735	17 131	17 809	16 709
женщины	15 227	16 748	17 470	16 300
В % к общей численности населения	20,9	23,2	24,7	23,3

Как следует из данных таблицы, в России численность молодежи за последние 15 лет немного увеличилась, а за последние 10 лет – стабилизи-

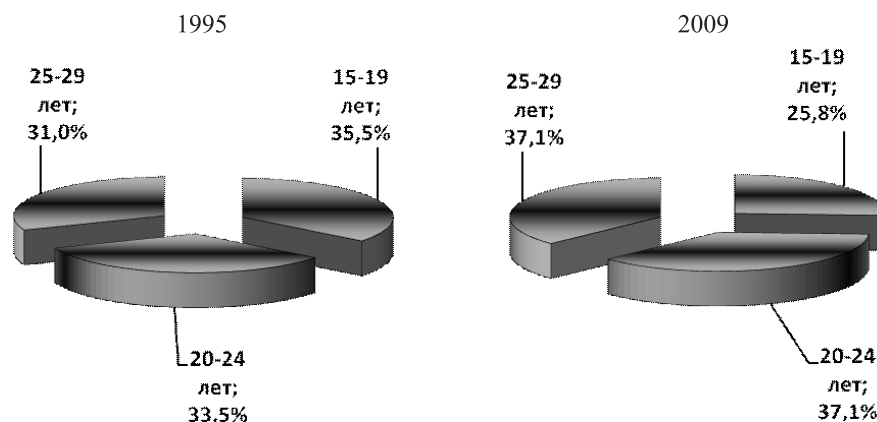

Рис. 1. Возрастная структура молодежи в России (в % от общей численности молодежи на конец года)

рвалась на уровне более 23% от общей численности населения страны. Но здесь необходимо учитывать то, что молодежь составляют переходящие возрастные группы и на них оказывают влияние общие проблемы российских демографических процессов. Так, с 1992 по 2008 г. численность населения, по данным Росстата, уменьшилась на 4,5%, т. е. на 6,7 млн человек. Согласно прогнозу Росстата, при сохранении неизменной нынешней «базовой социальной ситуации» снижение численности населения продолжится до 2025 г., при этом за период 1992–2025 гг. ожидается сокращение численности населения примерно на 8%, т. е. на 11,6 млн человек. Тенденцией *снижения* также характеризуется изменение численности населения молодежи трудоспособного возраста (0–15 лет, то есть будущей молодежи), однако это снижение длится только до 2010 г., после чего начнется умеренный рост, который продолжится до 2025 г. (см. рис. 1.).

Как видно из сравнения данных рис. 1, за последние 15 лет произошло перераспределение численности в возрастных группах молодежи со сдвигом от младших к более старшим возрастам, что является прямым следствием действия неблагоприятных политических, социальных и экономических факторов на демографические процессы. Это определяет необходимость учитывать в государственной молодежной политике, в отношениях к молодежи различных институтов и структур гражданского общества то, что решение возникающих в молодежной среде проблем, в том числе и в области формирования гражданской ответственности, должны брать на себя те государственные и общественные субъекты, которые «работают» в большей степени с трудоспособным населением, тем более что доля молодежи в его составе достаточно велика (рис. 2).

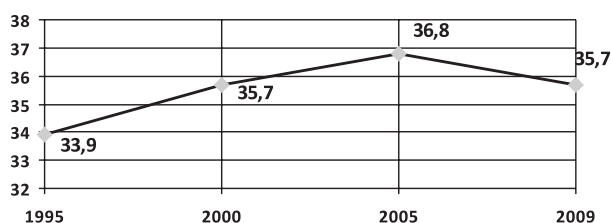

Рис. 2. Удельный вес молодежи в возрасте 16–29 лет в численности населения трудоспособного возраста (на конец года; %)

Из предложенных разными авторами подходов к определению понятия «молодежь» в рамках нашего исследования наиболее приемлемым является определение молодежи, данное И. М. Ильинским в его обобщающем труде «Молодежь и молодежная политика» (2001). Специфика этого

определения состоит в том, что автор не стремится свести вопрос к формуле, а идет путем операционализации понятия, выделяет важнейшие свойства, качества молодежи, определяющие ее природу. Эти качества следующие [21]:

1. Молодежь – это объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа.

2. Молодежь – явление конкретно-историческое, она – продукт истории и определенной культуры и в то же время их движущая сила и фактор перемен, социальная ценность.

3. Связь понятия «молодежь» с понятием «будущее» сформировалась исторически, но этим создана и позиция, согласно которой решение проблем молодежи может быть отнесено на будущее.

4. Молодежь выступает объектом комплексных, междисциплинарных исследований «и, следовательно, обладает множественностью предметов, которые лишь в совокупности могут дать достаточно достоверную картину об объекте в целом».

Комментируя первое из приведенных положений, И. М. Ильинский обращает внимание на то, что ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части, а поэтому, не поняв общества, в котором живет молодежь, не понять самой молодежи и ее специфических проблем, в частности связанных с выбором спутника жизни.

Существенным для рассмотрения молодежных проблем с позиций культурологии является утверждение, что эти проблемы являются проблемами всего общества, общественными проблемами. «Общественные проблемы, в сущности, во многом берут свое начало от молодежи и в этом смысле являются молодежными. Это означает, что исследование молодежи вне общества в целом является абстрактным, неполным и во многом бессмысленным. На этом основании строится широко распространенное заблуждение, что никаких особых проблем молодежи не существует, есть проблемы общества, и их надо решать... С молодежью может произойти только то, что уже произошло с обществом. Молодежь такова, каким является взрастившее ее общество».

В работах И. М. Ильинского обосновывается социокультурный подход к молодежи, который предполагает ее рассмотрение как *части* общества и, следовательно, изучение взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия части и целого как в статике, так и в динамике. При этом изучаются психическое, физическое и социальное развитие молодежи, ее статус и роль в обществе, а также те условия, которыми определяются ее учеба, труд, быт, отдых, социальная мобильность и т. д.

Определенно можно утверждать, что концепция молодежи, выдвинутая И. М. Ильинским и его коллегами, является наиболее адекватной для рассмотрения макропроцессов в молодежной среде. Вместе с тем следует отметить, что автором для целей данного исследования разработаны следующие теоретические положения относительно молодежи, молодежной политики, молодой семьи.

1. Молодежь – граждане Российской Федерации, иностранные граждане в возрасте от 14 до 30 лет включительно, проживающие на территории Российской Федерации, отличающиеся специфическими нормами, ценностями и образцами поведения.

2. Государственная молодежная политика – система формирования мер, направленных на культурное и духовно-нравственное развитие страны, создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России.

3. Молодая семья – семья, в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного родителя, возраст которого не превышает 30 лет, имеющего детей (для участников жилищных программ возраст супругов – до 35 лет).

Мы в дальнейшем исследовании будем ориентироваться на эти исходные положения, придавая им значение методологических постулатов.

Примечания

1. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25. Ст. 903.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (ред. от 16.07.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622; 2008. № 11 (ч. II). Ст. 1059; 2009. № 10. Ст. 1257; № 29. Ст. 3730.

3. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 39.

4. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля // Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 2-е изд., испр. и значительно доп. по рукописи автора. Т. 2. И – О. М., 1956. С. 332.

5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой // РАН, Ин-т лингв. исслед. 4-е изд., стер. Т. 2. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. С. 291–292.

6. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой // РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009. С. 363.

7. Большой академический словарь русского языка / науч. координатор изд. А. С. Герд. М.: Наука, 2008. Т. 10. С. 341–342.

8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова // Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1938. Т. 2. С. 247.

9. Лисовский В. Т. Эскиз к портрету. М., 1969; Иконникова С. В., Кон И. С. Молодежь как социальная категория. М., 1970.

10. См.: Эрикссон Э. Г. Детство и общество: пер. с англ. 2-е изд, перераб. и доп. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Универ. кн.», 1996; Ковалева А. И. Социализация личности: норма и отклонение / Ин-т молодежи. М., 1996.

11. Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 268.

12. См. подробнее: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. С. 12–95.

13. См.: Давыдов Ю. Н. Эстетика нигилизма: (Искусство и «новые левые»). М.: Искусство, 1975; Шендрюк А. И. Социология культуры: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 370–376.

14. Медков В. М. Демография. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 177.

15. Народонаселение: энцикл. словарь. М., 1994. С. 57.

16. Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 255–266.

17. Социология молодежи: учеб. / отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 33.

18. Сулимова Т. С. Молодежь // Социальная политика: толковый словарь. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 226–227.

19. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. С. 132.

20. См.: Молодежь в России. 2010: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С. 8–9.

21. См.: Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. С. 109–120.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПЬЕВ Анатолий Григорьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: agantip@psu.ru

БУХАНЦЕВ Антон Борисович – помощник начальника отделения (организации подготовки научно-педагогических кадров) отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Военного университета, соискатель 21-й кафедры (социологии) Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14.

E-mail: antonbuh@mail.ru

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elvira_bsh@mail.ru

ГАБДУЛЛИНА Эльвира Натфулловна – ассистент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: Elvira300484@bk.ru

ДЕСЯТКОВА Ольга Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и журналистики Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: olgadesatkova@yandex.ru

ЕГОРЫЧЕВ Илья Эдуардович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

E-mail: Ricci_flow@inbox.ru

ЕМЕЛЯНОВ Владимир Александрович – аспирант кафедры политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета. 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

E-mail: emelyanov_v@inbox.ru

ЖЕЛАНОВА Каролина Валентиновна – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: mikey.j.o@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВА Лилия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44.

E-mail: krauze@pspu.ru

КАЛАШНИКОВА Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

КАРАВАЕВ Никита Леонидович – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры информационных технологий и методики обучения информатике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: nikita.lk@gmail.com

КВАСКОВ Владимир Николаевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и биоэтики Пермской государственной медицинской академии им. академика Е. А. Вагнера, Росздрава. 614000, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 26.

E-mail: rector@psma.ru

КОТОВА Светлана Александровна – аспирант кафедры философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» Пермский институт (филиал). 614070, г. Пермь, б. Гагарина, д. 57.

E-mail: moty2010@yandex.ru

КУЛИКОВА Юлия Павловна – эксперт по социальной политике и культурным коммуникациям, советник Российской академии естественных наук, член Российского общества социологов, член Европейской социологической ассоциации. 107076, г. Москва, Колодезный пер., д. 14.

E-mail: kulikova@kulikova-julia.ru

ЛОНИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 660014, г. Красноярск, пр. имени газеты Красноярский рабочий, д. 31.

E-mail: loninav@mail.ru

МАКСИМОВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального института. 660036, г. Красноярск, ул. Академгородок, д. 13а.

E-mail: maxserge@mail.ru

МАЛЬЦЕВ Владимир Андреевич – доктор социологических наук, профессор, директор Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46.

E-mail: Maltsev25@gmail.com

МАХИЯНОВА Алина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: socavm@rambler.ru

МЕХОНОШИН Василий Юрьевич – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного института искусств и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: redcarrot@yandex.ru

НЕВОСТРУЕВА Антонина Фёдоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранного языка и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29.

E-mail: nik772@yandex.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: okulov@vshu.kirov.ru

ОСИПОВА Любовь Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

ПАВЕЛЬЕВ Николай Алексеевич – соискатель кафедры экономики Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 603950 г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 46.

E-mail: pavelvna@yandex.ru

ПАХОМОВА Яна Игоревна – аспирант заочной формы обучения по кафедре культурологии Пермского государственного института искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: yana-pahomova@yandex.ru

ПИМЕНОВА Ольга Игоревна – ассистент кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

E-mail: top.gold@mail.ru

ПОНОМАРЕНКО Сергей Николаевич – соискатель Саратовского государственного социально-экономического университета. 410780, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89.

E-mail: yangs2001@mail.ru

ПОТЯГОВ Алексей Владимирович – аспирант заочной формы обучения сектора культурологических проблем социализации Российского института культурологии. 109072, г. Москва, Берсенёвская наб., д. 20.

E-mail: Lehno1985@list.ru

РОДИОНОВА Ольга Ивановна – аспирант очной формы обучения кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский».

E-mail: Rodionova-olga.msu@yandex.ru

РОСТОВСКАЯ Наталия Андреевна – аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета. 155908, Ивановская обл., г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24.

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

РОСТОВСКИЙ Роман Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Московский психолого-социальный институт. 115191, г. Москва, 4-й Рошинский проезд, д. 9а.

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

СОЛОВЬЕВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент по кафедре философии и политологии Марийского госуниверситета. 424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: new.marsu.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

ТИХОНИНА Светлана Алексеевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46.

E-mail: Tikhonina/s@yandex.ru

ТЯН Валентин Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и культуры Московского государственного университета приборостроения и информатики. 107996, г. Москва, ул. Стромынка, д. 20.

E-mail: roman_76@mail.ru

УСТИНОВА Оксана Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: sema_79@bk.ru

ШАНГИН Никита Владимирович – аспирант кафедры социологии и психологии Нижегородского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46.

E-mail: sephiro777@mail.ru

ЭНБЕРИ Лилия Ахмедуловна – заместитель директора по УВР, Нефтяной техникум, г. Лянтор. 628449, Тюменская обл., Сургутский район, г. Лянтор, 10-й мкр., д. 42.

E-mail: Lev1026@yandex.ru

ЯШИН Антон Владимирович – аспирант кафедры философии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

- 1) представить в редакцию
 - а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
 - б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
 - в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);
- 2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС). В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Ср.: напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.
2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Доктанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в **одном** письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Философия и социология; культурология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Философия и социология; культурология
Научный журнал № 4(4)

Подписано в печать 25.11.2012 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 1000. Заказ № 334.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674